

С. В. Яров

Пролетарий

как

политик

Политическая психология рабочих
Петрограда в 1917–1923 гг.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

С. В. ЯРОВ

ПРОЛЕТАРИЙ КАК ПОЛИТИК

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ
РАБОЧИХ ПЕТРОГРАДА В 1917—1923 гг.**

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН
В. А. Шишкин

С.-ПЕТЕРБУРГ
1999

ISBN 5-86007-205-8

© С. В. Яров, 1999
© Е. А. Васильева, *оформление*, 1999
© Институт российской истории РАН,
Санкт-Петербургский филиал, 1999
© «Дмитрий Буланин», 1999

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4
Глава I. ПОЛИТИЗАЦИЯ РАБОЧИХ И ЕЕ ГРАНИЦЫ	6
1. Политическая активность и политическая апатия	6
2. Изменение политических настроений: элементарность и быстрота	15
3. Политическая и социальная стратификации: механизмы соотнесенности	23
Глава II. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ В РАБОЧЕЙ СРЕДЕ	32
1. Власть	32
2. Коммунистическая партия	51
3. Военный коммунизм	66
4. Новая экономическая политика	76
5. Учредительное собрание	82
6. Кронштадтский мятеж	114
Глава III. ОППОЗИЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ РАБОЧИХ: СТРУКТУРА И МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ	134
1. Рабочие и оппозиционные партии	134
2. Оппозиционная политическая инициатива: ограничение и самоограничение	154
3. Политическая критика: опосредованное и прямое	170
Глава IV. «РЕВОЛЮЦИОННОЕ СОЗНАНИЕ» РАБОЧИХ КАК ПОЛИТИКО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН	180
1. Политическая нетерпимость как элемент культуры рабочих	180
2. Эгалитаризм как фактор политического экстремизма	188
3. Политическая поддержка большевиков: подлинное и неподлинное	194
4. Политическое воспитание рабочих как средство их большевизации	204
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	219
Список сокращений	223

ОТ АВТОРА

Политическое сознание рабочих Петрограда в 1917—1923 гг. — тема малоизученная, но объясняется это не только источниковедческими трудностями или идеологическими приоритетами эпохи. Плохо уловимо прежде всего самое содержание мыслей, чувств, представлений и настроений столь аморфной социальной общности, как рабочие. Вызывает неоднозначное толкование и термин «политическое сознание», равно как и корректность использования его при описании рабочих и других социальных низов. В нефилософской литературе в одинаковой мере применяются такие понятия, как «политическое сознание», «политическая психология», «общественное мнение», вплоть до такого весьма популярного в наши дни определения, как «менталитет». Всем им придан в историко-психологических этюдах оттенок синонимичности, хотя возникли они в разное время и в различных интеллектуальных лабораториях.

Временные рамки исследования — октябрь 1917—декабрь 1923 г. Определение «вех» в истории нередко бывает весьма условным и субъективным, особенно когда рассматриваешь неразрывные в своей целостности социально-психологические явления. Но все же это время — от большевистского восстания в столице до стабилизации политического режима в Советской России — можно оценить и как очень важный этап в развитии советской ментальности. Это был период открытого, бескомпромиссного, жесткого в своих крайних проявлениях разрушения многих парадигм низового политического сознания, деформации общественных поведенческих установок, внедрения нового политико-бытового языка, исподволь менявшего и самое политическое мышление. Основа идеологической революции — специфический «взрывной механизм», разрушавший духовные ориентиры прежней России — был применен и отлажен именно в военные и в первые послевоенные годы, когда общество сохраняло еще «милитаристское» обличье и когда, оправдываемый военными обстоятельствами и антинэповским синдромом, этот механизм действовал с огромной силой и размахом.

В монографии «Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917—1923 гг.» продолжено изучение тех сюжетов, которые были лишь вскользь отмечены автором в предыдущей книге «Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев». Обе книги существенно дополняют друг друга, их цель: дать целостную и подробную картину трансформации политических настроений петроградцев в послереволюционное время.

Автор выражает признательность профессору У. Розенбергу (кафедра истории Мичиганского университета Анн Арбор) и Центру русских и славянских исследований Мичиганского университета Анн Арбор за содействие при подготовке книги к печати. Особую благодарность автор выражает сотрудникам отдела современной истории России Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской Академии наук Е. М. Балашову, А. З. Ваксеру, А. Р. Дзенискевичу, В. М. Ковальчуку, А. П. Купайгородской, Н. В. Михайлову, В. И. Мусаеву, А. И. Рупасову, А. Н. Чистикову и В. А. Шишкину за ценные советы и замечания, высказанные в адрес книги.

ГЛАВА I

ПОЛИТИЗАЦИЯ РАБОЧИХ И ЕЕ ГРАНИЦЫ

1. Политическая активность и политическая апатия

«Политизированный» рабочий в обычном понимании этого слова, т. е. как человек, интересующийся политическими новостями и высказывающий политические суждения, в российском обществе конца 1917—начала 1920-х гг. явление довольно редкое. Поводом для многочисленных донесений о политической индифферентности рабочих стало отсутствие у значительной их части любых политических откликов — и пробольшевистских, и антибольшевистских. Правда, трудно выяснить, что понимали под политической апатией рабочих информаторы и уж тем более, различали ли они градации этой апатии.

Прежде всего отметим, что сами информаторы зачастую о «пассивности» и «апатии» высказывались крайне неопределенно, не увязывая их с конкретным событием и ограничиваясь лишь общими впечатлениями. На вопрос о том, в чем выражалась пассивность, информаторы дают разные ответы. Приведем наиболее типичные из них.

Очень часто в донесениях о настроениях масс говорится об интересе рабочих исключительно к хозяйственно-бытовым вопросам, причем кое-где это прямо увязывалось с их нежеланием заниматься «политикой»¹ и вообще вмешиваться в политические акции.

---

¹ ЦГАИПД. Ф. 204. Оп. 1. Д. 1431. Л. 9 об.; Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 45; ЦГА СПб. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 13. Л. 105—109, 111; *Извозник В. С.* Рост общественно-политической активности рабочего класса в первые годы НЭПа. 1921—1925 гг. (по материалам промышленности Ленинграда) // Рабочие Северо-Запада РСФСР в период строительства социализма. Сборник науч. трудов. Л., 1979. С. 51; Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района. Стеногр. отчеты 25 мая—5 июня. Пг., 1918. С. 48; Отчет ЦК РКСМ 3-му Всероссийскому съезду. М., 1922. С. 5. Ряд свидетельств мы находим в воспоминаниях И. З. Смирнова, организатора коллектива РКП(б) и председателя ревтройки завода «Русский Дизель» в 1921 г.: «У некоторых были идейные настроения, а большинство рабочих

Отдельные информаторы даже говорили об общей апатии рабочих, не дифференцируя ее политический и бытовой аспекты, но контекст их высказываний подразумевал, что и здесь имелась в виду именно политическая индифферентность.²

Падение интереса к политическим событиям, равно как и нежелание участвовать в них на стороне какой-либо партии, наметились уже к середине осени 1917 г. Сами элементы политической апатии в рабочей среде особенно внимательно стали подмечаться различными противоборствующими силами еще до Октябрьского переворота — ввиду усиленной вербовки рабочих в ряды «революционеров». В массе своей, за исключением отдельных отрядов рабочих-активистов и красногвардейцев, петроградский пролетариат не участвовал в Октябрьском вооруженном восстании. О «спокойном» и «вялом» настроении в петроградских районах говорит и такой осведомленный очевидец октябрьских событий, как меньшевик Н. Н. Суханов,³ говорящаяся, правда, что восстанию и не требовалась поддержка больше той, которую предоставили рабочие. Протокол заседания Петроградского комитета РСДРП(б) 15(28) октября 1917 г., много раз цитировавшийся в литературе (и отечественной и западной), отчетливо показывает картину политической апатии рабочих накануне восстания, их нежелание активно участвовать в выступлении.⁴ Говорившие на заседании, правда, отмечали

только и думало, чтобы поехать за картошкой» (ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3098. Л. 4). Частные локальные оценки, как правило, подтверждали общие тенденции. «Массы почти не живут политической жизнью, их главным образом интересуют повседневные вопросы о продовольствии, топливе и т. д.», — сообщалось на собрании организаторов коллективов РКП(б) Василеостровского района 5 августа 1919 г. (ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 66). Об этом же явлении говорил видный петроградский партийный работник И. И. Смирнов, выступая в 1922 г. на XVI губпартконференции: «Рабочие не интересуются большими вопросами, которые поставлены перед республикой, но они чрезвычайно жгуче интересуются вопросами данной фабрики, данного завода» (XVI Петроградская губернская конференция РКП(б). 20—22 марта 1922 г. Стеногр. отчет. Пг., 1922. С. 68).

² См. характерные сообщения этого рода: «Рабочие слишком пассивно относятся ко всему происходящему вокруг них» (Протокол общего собрания рабочих и служащих Нового Адмиралтейства. 12 дек. 1919 г. (ЦГА СПб. Ф. 459). Оп. 3. Д. 16. Л. 14); «Остальные [рабочие] относятся ко всему безразлично (Сводка коллектива РКП(б) Прачечной фабрики № 2. 11 марта 1921 г. (ЦГАИПД. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 91)). Примечательно, однако, что в первом документе об апатии рабочих сообщалось в связи с дискуссией о причинах ненадежности советского аппарата, а во втором — в связи с Крошштадтским мятежом.

³ Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1992. Т. 3. С. 275.

⁴ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. М.; Л., 1927. С. 313—315. Во многом на основании этого документа, а также протокола заседания Центрального комитета РСДРП(б) 16(29) октября 1917 г. ряд западных исследователей (и в последнее время российских) либо отрицает, либо подвергает сомнению историографическую версию о том, что рабочие сыграли значительную роль в революции. Х. Сеттон-Уотсон, например, прямо опровергает мнение о том, что рабочие совершили Октябрьскую революцию. Представление о рабочих как пассивном элементе в значительной мере характеризует и таких историков, как Р. Даниэлс и Р. Анин.

доверие рабочих к большевистской программе, но, в отличие от четко выраженного отказа выходить на улицы, критерии и проявления этого доверия выглядели весьма неясно. Учитывая такие факты, нельзя безоглядно отвергать (как это делалось в обширной отечественной историко-революционной литературе предыдущих десятилетий) мнения, высказанного в октябре 1917 г. Л. Б. Каменевым и Г. Е. Зиновьевым о том, что настроения выступать «нет даже на заводах и в казармах».⁵

Политическая апатия рабочих не была преодолена и в позднейшие годы. И это несмотря на то, что усилиями агитационно-пропагандистских структур к началу 1920-х гг. в значительной мере были идеологизированы и производственные коллективы на фабриках и заводах, и даже формы бытовой жизни рабочих. Так, лидер меньшевиков Ф. И. Дан, бывший очевидцем событий 1921 г. в Петрограде, нелицеприятно высказывался об экономических «увлечениях» масс, «мысль которых не шла дальше непосредственного удовлетворения элементарных потребностей в пище и тепле».⁶ Информаторы 1917—начала 1920-х гг. в основном и не старались, подобно Ф. И. Дану, понять истоки этой ситуации. Бесхитростно, в однотипных лексических формулах они фиксировали одно и то же явление постреволюционной общественной жизни: «К Советской власти, компартии и профсоюзам отношение рабочих пассивное»,⁷ «к текущему моменту относятся пассивно, ибо недостаточно или совсем не развиты в политическом отношении»,⁸ «отношение к коллективу [РКП] со стороны большинства рабочих безучастное».⁹ Подобные отклики очень многочисленны, хотя мы и лишены возможности представить здесь компактный материал, с исчерпывающей полнотой описывающий данное явление. Эти отклики, правда, соседствуют с сообщениями о политической активности рабочих, но такая «активность» обычно выражалась в акциях, предусматривавших использование элементов «организационного» манипулирования — одобрение коллективных просоветских постановлений, участие в коллективных демонстрациях, подписание коллективных писем. Очень примечательно, что рабочие обнаруживали аполитичность и тогда, когда буквально рядом с ними шли ожесточенные бои политических противников. В качестве примера можно указать на поведение рабочих в дни Кронштадтского мятежа.

⁵ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). М., 1958. С. 91.

⁶ Дан Ф. Два года скитаний (1919—1921 гг.). Берлин, 1922. С. 111.

⁷ Двухнедельная информационная сводка ГПУ Северо-Западного железнодорожного округа за первую половину мая 1922 г. (ЦГА СПб. Ф. 8145. Оп. 1. Д. 18. Л. 4 об.).

⁸ Сообщение члена коллектива РКП(б) 23-й Государственной типографии А. Циклова (1920 г.) (ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 628. Л. 20 об.).

⁹ Анкета коллектива РКП(б) 4-й Государственной табачной фабрики 9 апреля 1919 г. (Там же. Д. 145. Л. 191).

Любые отклонения и изменения во взглядах рабочих на кронштадтские события скрупулезно регистрировались политическими сводками партийных и профсоюзных структур. Можно сказать, они были прямо ориентированы на сбор подобных сведений. Однако данных о «кронштадтских» и «антикронштадтских» настроениях масс отнюдь не больше, чем упоминаний об их апатии и индифферентности. Так, документы откровенно указывают на безразличие по отношению к мятежу значительной части рабочих таких предприятий, как Финляндская верфь, 1-й Кожевенный завод (б. Осипова), 2-й Кожевенный завод (б. Брусницына), 1-я государственная словолитня, 2-я табачная фабрика, Центрально-фасовочная фабрика и многих других.¹⁰ Такие же настроения были характерны и для менее крупных фабрик и заводов. «Работницы не интересуются политикой и к событиям относятся пассивно, говорят тогда, когда слышат выстрелы», — отмечалось, например, в сводке коллектива РКП(б) Прачечной фабрики № 2, составленной 11 марта 1921 г.¹¹

Характерно, что на предприятиях фактически не было ни одного конфликта, так или иначе связанного с Кронштадтом. Согласно политсводке ревтройки Смольнинского района 14 марта 1921 г., все трения на заводах возникали только из-за выдачи неравномерных пайков.¹² В сводке ревтройки 1-го Городского района 16 марта 1921 г. указывалось, что «нарушают нормальный ход работы споры о распределении обуви и одежды, которое происходит по всем предприятиям. Это больше всего интересует рабочих, чем все кронштадтские события».¹³ В том же районе лица, дежурившие на улицах, передавали в первой декаде марта: «Очереди политикой не занимаются, речь о хлебе, что дают, где и пр.», «на улицах больше говорят о пропусках, проезде, обмене», «преобладают разговоры спекулятивно-хозяйственные», «[говорят:] „власть все равно, уж скорей бы хлеба прибавили“».¹⁴

Конечно, «пассивность», безразличие рабочих, отмеченные в сводках, не могут быть однозначно истолкованы. Они часто означали лишь отсутствие прямых, открытых выступлений по поводу мятежа, нежелание публично давать ему оценки. Так, на 5-й парусиновой фабрике, согласно сообщению информотдела Петроградского РК РКП(б) 4 марта 1921 г., «когда рабочим был задан вопрос, как они на это смотрят, то они отвечали, что им все равно, „мы это слышали, отстаньте, не мешайте работать“».¹⁵ Однако, если принять

¹⁰ ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 312. Л. 41; Д. 315. Л. 93, 223; Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 54, 54 об.; Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 103, 109, 111, 124, 226; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 57. Л. 10.

¹¹ Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 91.

¹² Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 307. Л. 73.

¹³ Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 45.

¹⁴ Там же. Л. 8 об., 56, 58.

¹⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1226. Л. 19.

во внимание весь корпус сохранившихся материалов (в т. ч. и воспоминания), то следует признать, что слово «пассивность» нужно понимать буквально.

Проявления политической апатии у части рабочих в 1917—1923 гг. были разнообразны. Но нигде, пожалуй, они так отчетливо не проявились, как на фабрично-заводских собраниях. Последние представляли собой своеобразное политическое действо, сценарий которого предусматривал выражение определенной общественной позиции. Но вот показания современников тех событий: «Серьезных оппозиционных выступлений не встречалось, были просто отдельные выкрики и только везде красной нитью доминирует продовольственный вопрос. Необходимо отметить ту общую вялость присутствующих, которую приходится наблюдать на собраниях к проводимым темам агитации. Совершенно не задается вопросов докладчику, резолюции в подавляющем большинстве принимаются предлагаемые докладчиками».¹⁶ Это наблюдение не единично.¹⁷ Анализ многих протоколов рабочих собраний, даже кратко составленных, наглядно показывает, в сколь малой степени для них характерен такой, казалось бы, неприменимый ритуал, как прения. При чтении протокола возникает ощущение, что люди словно участвуют в каком-то спланированном и отрежиссированном спектакле, все роли в котором строго распределены. За редким исключением, никто не выступает вслед докладчику или агитатору. Постановления, как правило, принимаются единогласно.¹⁸

В данном отношении примечательны не только прямые, но и косвенные свидетельства. Укажем, что иногда во время собраний рабочие прямо вызывались на выступления представителями государственных и иных структур¹⁹ — их молчание могло показаться в ряде случаев не просто ненужным, но и подозрительным. С большой долей уверенности можно утверждать, что отмеченное во многих профсоюзных документах единогласное голосование рабочих за те или иные политические постановления также являлось одним из элементов апатии. Нередко фиксация «единогласия» предварялась в

---

¹⁶ Отчет агитационного отдела Выборгского РКП(б) за март—май 1920 г. (Там же. Ф. 204. Оп. 1. Д. 1431. Л. 9 об.).

¹⁷ Подчеркнем, что и партийные собрания в этом отношении не очень сильно отличались от собраний фабрично-заводских. Один из выступавших в прениях о работе агитотдела Петроградского РК РКП(б) на 5-й райпартконференции 6 ноября 1923 г. отмечал, например, что «до сего времени наши собрания отличались мертвячиной. Высказывается один, два товарища, доклады делают одни за другим, делает почти один и тот же товарищ, а остальные только слушают» (ЦГАИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 115. Л. 92 об.).

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 7. Д. 89. Л. 85 об.; Ф. 6261. Оп. 89. Д. 46. Л. 98 об.

¹⁹ Там же. Ф. 4591. Оп. 7. Д. 6. Л. 54 об.; Д. 12. Л. 381; см. также протокол собрания рабочих Государственного Тентелевского химического завода 30 марта 1921 г. «Слово предоставляется тов. Кропову, который указывает, что, работая на заводе, он слышал всевозможные нарекания, между тем как здесь, на собрании, где всех просят высказаться о своих нуждах, все молчат» (Там же. Ф. 4709. Оп. 5. Д. 7. Л. 224).

фабрично-заводских протоколах пометами «вопросов не было», «желающих высказаться не было».²⁰ На заседании коллектива РКП(б) Русско-Балтийского моторного завода 17 марта 1919 г., например, прямо отмечалось, что «по якобы единогласно принятой резолюции еще нельзя судить о настроении рабочих», и при этом разъяснялось, что «рабочая масса в своем большинстве носит пассивный характер».²¹

Характерно, что и на сами собрания рабочие старались не ходить,²² и в ряде случаев требовалась большая изобретательность для того, чтобы удержать их на фабрично-заводских митингах. Во время собрания рабочих и служащих Путиловского завода 6 августа 1918 г. было даже принято решение «о назначении девяти человек к воротам для того, чтобы не выпускать во время собрания из завода, а только впускать в завод», причем его участники согласились отобрать пропуска у тех, кто уйдет.²³ И эту череду свидетельств об апатии рабочих можно закончить самым, пожалуй, примечательным и своеобразным из них, принадлежащим И. И. Смирнову: «Я бывал на общезаводских собраниях и мне приходилось наблюдать, что когда рабочим говорят о голоде, о Генуэзской конференции, то вот для того, чтобы они не разбежались, им ставят последним вопрос об огороде. Рабочие спрашивают — нельзя ли об огороде сначала. Нельзя — отвечает опытный организатор и думает про себя: „Потому что иначе вы разбежитесь“».²⁴

Как уже отмечалось, причины пассивности рабочих весьма редко анализировались петроградскими информаторами 1910—1920-х гг. Об одной из них они предпочитали умалчивать: многие рабочие не хотели выступать, опасаясь, безосновательно или обоснованно, быть причисленными к контрреволюционерам. В отчете о собрании в 3-й государственной литографии 31 марта 1921 г. прямо говорилось, что «при выступлении рабочих чувствуется боязнь говорить, опасаясь быть арестованным».²⁵ Веские основания для этого имелись — репрессии по отношению к рабочим-оппозиционерам, как будет отмечено ниже, стали обычным явлением и в годы войны, и в годы НЭПа. Очень показательным в этой ситуации можно считать протокол общего собрания рабочих Ново-Адмиралтейского завода 14 декабря 1920 г., во время которого «был поднят вопрос о

---

²⁰ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 7. Д. 12. Л. 179 об.; Д. 14. Л. 206 об. На заводе «Большевик», во время общего рабочего собрания 16 октября 1923 г., наказ по выборам в Петросовет был единогласно принят без зачитывания (Там же. Оп. 7. Д. 12. Л. 203 об.).

²¹ ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 145. Л. 344.

²² Петроградская правда. 1923. 24 апр., 24 авг.; ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 7. Д. 89. Л. 140.

²³ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 1. Д. 91. Л. 21.

²⁴ XVI Петроградская губернская конференция. С. 68.

²⁵ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 86. Л. 155.

вызове некоторых товарищей в Чрезвычайную комиссию». В постановлении собрания, принятом «после долгих прений», предлагалось «заручиться с партийным комитетом коммунистов, чтобы каждому рабочему было возможно свободно обсуждать на общих собраниях вопросы порядка дня, так как были случаи, что после собраний вызывали некоторых товарищей в Чрезвычайную комиссию, ибо после этого тов[арищи] рабочие на собрания не идут».²⁶

Чаще прочего информаторы выявляли зависимость политической апатии от условий «материального» существования людей, заставлявших их более заботиться о хлебе насущном, нежели участвовать в политических акциях.²⁷ Иногда (причем не только большевики, но и меньшевики) в числе причин апатии видели отсутствие должного «организационного» руководства,²⁸ но чаще всего объясняли ее общей отсталостью рабочих, не уточняя, как правило, это понятие.²⁹ Была, пожалуй, и еще одна причина апатии: нежелание рабочих выявлять свою позицию в связи с их неуверенностью в прочности новой власти. Это характерно в основном для 1919 г., когда положение под Петроградом осложнилось в связи с наступлением войск Юденича. Прямо об этом информаторы не говорят, но обращает на себя внимание то, как настойчиво агитаторы пытались объяснить рабочим, что в случае победы белых репрессии никого не обойдут стороной.³⁰

Сугубую аморфность и неконкретность сведений о политической апатии и ее причинах, сообщаемых информаторами, можно объяснить несколькими обстоятельствами. Активное выявление той или иной общественной позиции именно в послеоктябрьский период начало осуществляться с такой интенсивностью, которой трудно было найти аналог в дореволюционной государственной практике.

---

²⁶ Там же. Ф. 4591. Оп. 4. Д. 11. Л. 197а. Имеются свидетельства, хотя и скудные, о том, что и в коммунистической среде наблюдались такие же настроения, хотя угроза арестов за инакомыслие здесь едва ли была реальной. В связи с этим нельзя не упомянуть выступление делегата Рокотова на XV губпартконференции в 1921 г.: (Бюллетень пятнадцатой конференции Петроградской губернской организации РКП. 1921. № 2. 28 сент. С. 14). Это выступление было почти сразу же опровергнуто одним из руководителей Петроградского губкома РКП(б) Н. А. Улановым (Там же. С. 19), но то, что оно состоялось, говорит о многом.

²⁷ Петроградская правда. 1922. 4 февр.: ЦГА СПб. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 13. Л. 3; Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. М.: Л., 1927. С. 314;

²⁸ Первый легальный Петербургский комитет большевиков. С. 314; Дан Ф. Два года скитаний. С. 111.

²⁹ Юный строитель. 1923. 1 мая; Первый легальный Петербургский комитет большевиков. С. 314; ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Д. 628. Л. 20 об.

³⁰ Типичный образец такого рода увещевания — выступление одного из активистов Беллица в прениях на собрании рабочих и служащих 10-й типографии 4 августа 1919 г.: «Напрасно некоторые думают, что, стоя в стороне, они спасутся. Опыт показал, что там, где белые временно одерживают верх, они не делают разницы между коммунистами и некоммунистами» (ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 3. Д. 22. Л. 67 об.).

После переворота политическая апатия масс обнаружилась особенно выпукло не столько потому, что люди стали интересоваться политикой, сколько оттого, что их чаще стали спрашивать об этом. Объективно информаторы находили не то, что могло бы сигнализировать об отношении рабочих к властям, они выявляли лишь давнюю традицию политической индифферентности социальных низов, но обозначали ее как элемент политического поведения, даже как вызов, как нечто такое, что должно быть обязательно исправлено. Апатии, таким образом, был придан политический смысл, хотя сама она свидетельствовала не столько об ориентации в политике, сколько о выключенности из нее. Не учитывалось, однако, и то обстоятельство, что политическая реакция рабочих была дискретной: они откликались не на все политические действия властей, но на те, которые по многим причинам могли интересовать рабочую среду. От рабочих же информаторы ожидали реакции «тотальной» и, не находя ее, склонны были преувеличивать масштабы проявленной ими апатии. Рабочие могли не ходить на собрания, но обсуждать политические события в тесном кругу у станков, не интересоваться положением на фронте, но определенно высказываться о военно-коммунистических мерах властей. Информаторы же зачастую выясняли отношение рабочих лишь к определенному, конкретному явлению — это видно из многочисленных «сводок» и «информационных докладов» 1918—1921 гг., да и более поздних лет. Информатора могла интересовать только реакция на Кронштадтский мятеж, либо на мобилизацию в Красную гвардию и на действия партячейки на заводе, но, не получая ответ именно на этот вопрос, он делал общий вывод: «пассивность». И получалось, что такой «пассивный» завод, как Речкина, вдруг неожиданно оказывался одним из центров оппозиционной активности в городе — почти так же, как «передовой» и далекий от «пассивности» Путиловский завод. Основываясь на свидетельствах тех лет, можно все же утверждать, что пассивность, апатия рабочих выражалась не в том, что они не интересовались политикой вообще, а в том, что их массовые политические отклики касались почти только тех вопросов, которые волновали рабочих непосредственно, меняя их быт или уровень жизни. Эта общественная реакция, в зависимости от ряда условий, могла становиться политизированной или оставаться экономической, но ее истоки однозначны.

Отметим, что и понятие «политической активности» в докладах информаторов пореволюционных лет было столь же различным, как и понятие «политической апатии». Не дифференцировались четко такие явления, как «политическая активность» и «общественная активность», отчего наличие тех или иных общественных обязанностей, исполнение которых нередко было рутинным и формальным, оценивалось как регистр интереса рабочих к политике. К 1923 г. в Петрограде насчитывалось 3123 активиста, причем число их «обще-

ственных обязанностей» составило 4456.³¹ Основные виды общественной работы — делегатство на предприятиях, членство в профкомах, участие в конфликтных комиссиях, кооперативах, контрольных органах. Как видим, эти обязанности преимущественно ограничивались хозяйственно-бытовой сферой и не предполагали большего. Ряд ритуалов, во время которых выявлялась политическая позиция (демонстрации, митинги, собрания) зачастую были следствием «организационного» манипулирования различных структур — государственных, партийных, профсоюзных, комсомольских. Уточнить, в каких случаях рабочий участвовал в данных акциях добровольно, а в каких случаях он побуждался к этому теми или иными формами воздействия, очень сложно. Рабочий мог, например, присутствовать на демонстрациях, остерегаясь быть причисленным к контрреволюционерам, либо к политически неблагонадежным. Он мог также участвовать в них, привлекаясь их красочностью и зрелищностью, наконец, просто из любопытства. Крайне редко можно найти протоколы рабочих собраний, посвященных обсуждению исключительно политических вопросов. Как правило, политические постановления принимались на собраниях, решавших экономические и хозяйственно-бытовые задачи. Говорить в этой ситуации о какой-то политической ангажированности рабочих нельзя. Люди приходили на собрания обсуждать бытовые вопросы, и профсоюзные отчеты отразили многочисленные прения именно по «экономическим мелочам» — пайкам, одежде, обуви. Принятие же политических документов здесь редко сопровождалось какими-либо спорами, частым было единогласное одобрение, вопросов по политическим темам почти не задавалось. Политическая активность «низов» в те годы нередко являлась специфической формой экономической активности, в силу ряда причин приобретшей политизированный оттенок. Политический текст зачастую имел «материальную» подоплеку, поскольку облачение в политические формулы жалобы или прошения способствовало их быстрейшему удовлетворению.

Примечательно, однако, что, сетуя на политическую апатию рабочих и даже с тревогой подмечая (в начале НЭПа) понижение в некоторых слоях общества «интереса к общественно-политической жизни»,³² чиновники различных уровней сами приложили немало усилий для того, чтобы сделать эту апатию и постоянной, и широкой. Рабочего нередко и останавливали, и предупреждали — в тех случаях, когда он стремился, пусть и неловко, говорить о политиче-

---

³¹ *Василяшко Л. В.* Вовлечение рабочих Ленинграда в советское строительство в годы восстановления народного хозяйства. (1921—1925 гг.) // Рабочие Северо-Запада РСФСР в период строительства социализма. С. 71.

³² См. постановление XI съезда РКП(б) «По вопросу о РКСМ» (Одиннадцатый съезд РКП(б). Март—апрель 1922 г. Стенографич. отчет. М., 1961. С. 567).

ских вещах не так, как было принято на официальных собраниях в то время. В протоколах многих собраний и конференций, особенно начала 1920-х гг., можно найти немало свидетельств того, как председательствующий прерывал выступление репликой: «Говорите по повестке дня». Любые несанкционированные массовые собрания даже без участия социалистов немедленно разгонялись.³³ Индивидуальный политический отклик (не запрограммированный, и не отшлифованный, как у агитаторов, в многодневном ораторском труде) зачастую был негативным. Вот почему уже в конце 1910-х гг. рабочего, пробовавшего себя в роли политика, на собрании зачастую прерывали и просили говорить о «насушных нуждах» — о хлебе, о мыле, о сапогах. Накануне созыва Беспартийного совещания в 1921 г. «Красная газета», например, настойчиво советовала рабочим «отшвырнуть в сторону ... эсеровское, меньшевистское и анархистское политиканство».³⁴ Рабочих также предупреждали, что социалисты в интересах своих белогвардейских друзей, «в интересах российского и международного капитала пытаются политиканить, чтобы сорвать деловую работу и деловое настроение».³⁵

Таким образом, наряду с активной идеологизацией рабочей среды, осуществляемой агитационно-пропагандистским аппаратом в 1918—1923 гг., мы можем обнаружить и другую тенденцию, почти противоположную — деполитизацию фабрично-заводских коллективов. В той ситуации, когда политические страсти угрожали устойчивости государственного порядка, рабочего настойчиво старались удерживать именно в круге «материальных интересов» и каждый раз с раздражением одергивали (что особенно ярко отразилось в официозной прессе начала 1920-х гг.), когда он пытался его переступить.

2. Изменение политических настроений: элементарность и быстрота

Перепады настроений рабочих в 1917—1923 гг. повсеместно отмечались современниками тех лет. И все они, едва касались причин этого явления, подчеркивали их элементарность. Главная причина — отсутствие хлеба. Примитивность поводов для изменения

---

³³ См. характерное признание рабочего Гольгина на заседании Петросовета 17 сентября 1920 г.: «Если рабочие соберутся самовольно, то их называют контрреволюционерами, саботажниками» (Петроградский совет рабочих и красноармейских депутатов. Созыв второй половины 1920 г. Заседание 5. 17. IX. 1920 г. Стб. 251).

³⁴ Передовая статья «Не политиканство, а строительство» // Красная газета. 1921. 10 апр.; ср. с одной из записок, посланных в президиум Беспартийного совещания: «Товарищи президиума, обратите внимание на ораторов, которые говорят только о политике. Мы собрались здесь не о политике спорить, а улучшить положение рабочего так что об этом надо и говорить» (ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 73. Л. 141).

³⁵ Статья Н. Кузьмина «Не дать врагу хитрить» // Красная газета. 1921. 10 апр.

политической позиции рабочих фиксировалась информаторами в послереволюционные годы прежде всего. Донесения последних нередко цитировались в исторической литературе и в позднейшее время, причем анализирувавшие их исследователи зачастую не обращали внимания на то, сколь противоречили они традиционным представлениям о рабочих, как самом передовом и стойком борце за социализм. «Не было недовольных голосов отдельных лиц, видно, что все отдохнули, подкрепили силы, а главное — удовлетворили до некоторой степени свои продовольственные нужды»,³⁶ «наблюдается обывательское брюзжание и не вполне лояльное отношение на почве продовольственного кризиса и других до некоторой степени шкурных вопросов»,³⁷ «прозодежда отпускается в ограниченном количестве, что создает брожение»,³⁸ «зарботки небольшие, и это отражается на настроении рабочих»,³⁹ — подобного рода простые и незатейливые донесения, прямо указующие на причины политической поддержки рабочих, можно приводить довольно долго.⁴⁰ «Если [бы] изменились внешние материальные условия в жизни рабочих на местах, то это будет колоссально влиять на психологию рабочих», — так откровенно говорилось на губернской конференции ВСРМ в январе 1922 г.⁴¹

В сущности, мы даже плохо знаем, какова степень политизации рабочих в данном случае, говорили ли они о «верхах» или ограничивались протестами против местной администрации. В сводках зачастую туманно отмечается уровень политизации или аполитичности какого-либо выступления, нередко здесь ограничиваются лишь констатацией самого факта рабочих волнений и кратко упоминают

---

³⁶ Сообщение о собрании рабочих 1-й утичной фабрики 30 августа 1919 г. (ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 145. Л. 10).

³⁷ Двухнедельная информационная сводка Петроградской транспортной чрезвычайной комиссии за вторую половину сентября 1920 г. (Там же. Ф. 5125. Оп. 1. Д. 8. Л. 2—2 об.).

³⁸ Протокол собрания организаторов и инструкторов коллективов РКП(б) Смольнинского района. 24 нояб. 1920 г. (Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 18. Л. 33).

³⁹ Протокол собрания организаторов коллективов РКП(б) Петербургского района. 12 февр. 1920 г. (Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1171. Л. 7 об.).

⁴⁰ Укажем еще ряд характерных примеров из сводок тех лет: «Настроение рабочих и работниц [1-й народной гильзовой] фабрики нервное. На почве продовольственных и иных лишений возникает среди многих товарищей ропот и недовольство...» (Петроградская правда. 1919. 11 марта); «Ввиду недостатка продовольствия настроение колеблющееся» (Сообщение о положении в 12-й Государственной типографии. 19 марта 1919 г. ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 18 об.); «Настроение рабочих, в особенности работниц... далеко не благоприятное. Это явление отчасти можно приписать личному шкурному элементу. Мотивируется это тем, что им мало хлеба и продуктов» (Справка о работе коллектива РКП(б) 23-й Государственной типографии. Осень. 1919 г. Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 145. Л. 1); «Главное недовольство возникло из-за тарифных ставок, которые не вывешиваются своевременно» (Протокол заседания завкома с уполномоченными от цехов Путиловского завода. 3 дек. 1921 г. ЦГА СПб. Ф. 1788. Оп. 33. Д. 96. Л. 66).

⁴¹ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 9. Л. 5.

об их причинах.⁴² С какой-то долей уверенности в том, что политические мотивы играли здесь некоторую роль, можно говорить лишь ввиду прямых указаний источников на этот счет. В первую очередь нужно отметить те свидетельства, которые отчетливо указывают на политические последствия экономических выступлений, либо прямо подчеркивают политическую индифферентность рабочих. Последнее было возможно, как правило, в том случае, когда рабочие волнения происходили на фоне политических столкновений и информаторы были обязаны определять соотношение политического и неполитического в рабочих акциях. В наибольшей степени это проявлялось во время событий 1921 г. Аполитизм рабочих в сводках тех дней был нарочито оттенен, поскольку информаторы параллельно сообщали и о политических и об экономических действиях пролетариев.⁴³ Это специфическое «соседство» двух видов информации дает нам возможность оценить именно элементарность идеологических мотивов в поступках рабочих. Как правило, особо фиксируемый осведомителями интерес рабочих к экономическим вопросам подчеркнуто трактуется здесь как альтернатива политическим устремлениям.

Довольно часто современники первых лет революции упоминали и о политических последствиях экономических неурядиц, волновавших рабочую среду. И здесь ими также в первую очередь отмечались и быстрота политико-психологических перемен, и их элементарность. На беспартийной конференции 1-го Городского района весной—летом 1918 г. выступавшие почти друг за другом два оратора, соответственно представители типографии Голике и Вильборг и безработных района, подчеркивали одни и те же явления: «Так как нет работы и к тому же еще голод, то большинство рабо-

---

⁴² Подчеркнем, что это присуще даже сообщениям о февральско-мартовских забастовках 1921 года — весьма политизированных выступлениях петроградских рабочих. См.: Протокол общего собрания организаторов коллективов РКП(б) фабрик и заводов Петербургского района в конце февраля 1921 г. (ЦГАИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 49); Сводка Петрогубпрофсовета о положении на заводах 15—16 марта 1921 г. (ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 269. Д. 555. Л. 17).

⁴³ Примерами этого «параллельного» (политического и экономического) осведомления могут служить сообщения о работе завода «Гамаюн» в сводке информационного отдела Петроградского РК РКП(б) 4 марта 1921 г.: «Все спокойно. Рабочие поняли, что они попали на удочку белогвардейцев. Волнующий вопрос — это то, что рабочие нуждаются в починке обуви» (ЦГАИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1226. Л. 19); см. также сводку о положении на Строительном заводе 16 марта 1921 г.: «Настроение рабочих среднее, вопросы больше обсуждаются жизненные... к событиям относятся с сожалением (Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 101); сводку Штаба внутренней обороны Петрограда 16 марта 1921 г.: «Главный интерес рабочих сосредоточен на вопрос распределения обуви и одежды, распределяемой по всем предприятиям. Кронштадтские события и другие вопросы отошли на задний план» (Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 49. Л. 19); протокол собрания организаторов коллективов РКП(б) Петербургского района. 16 марта 1921 г. (Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 54); сводку о положении на нефтяных складах «Нобель», 10 марта 1921 г. (Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 266).

чих настроено против Советской власти», «надо обратить немедленно внимание на то, чтобы безработным было бы оказано пособие, иначе они легко могут увлечься пропагандой меньшевиков и эсеров и польститься на помощь, которую те им обещают».⁴⁴ Такой же настрой отражают и сообщения информаторов более поздних лет. «Петроградская правда» писала в 1919 г. о недовольстве работников 3-й Государственной гильзовой фабрики. Здесь «часто возникает ропот на Советскую власть и на большевиков», причина которого — «дети, которых нет возможности куда-нибудь определить».⁴⁵ «Если некоторые говорят против [Советской власти], то только потому, что приходится испытывать недостаток в продовольствии», — говорилось и в сводке о положении на 1-й Государственной гильзовой фабрике в 1919 г.⁴⁶ В июне 1919 г. на общем собрании Василеостровской партийной организации указывалось, что «факт уменьшения хлебного пайка и кормежки всех в обществ[енных] столовых сильно отразится в худшую сторону на нашей агитации».⁴⁷ Экономическая подоплека политических антипатий рабочих фиксировалась и в документах 1921—1922 гг., и причины их колебаний также являлись элементарными: невыдача жалованья, прозодежды, продовольствия.⁴⁸

Отчасти политизированными мы можем счесть и характерные психологические перепады, вызванные известиями с фронтов. Собственно и здесь политическое проявлялось не слишком отчетливо. В ряде случаев политическую реакцию рабочих определяло опасение за судьбу родных и близких, мобилизованных в ряды Красной Армии. Пристальное внимание ко всему, связанному с войной, во многом предreshалось и тем, что гражданская междоусобица однозначно оценивалась как основная причина всеобщей нищеты и голода. В этом отношении примечателен доклад организатора коллектива РКП(б) Ириновской железной дороги о работе в январе 1920 г., в котором говорилось: «В связи с победами на всех фронтах настроение массы заметно переменялось, все интересуются ходом событий и высказывают даже радость, что после таких побед не далек тот день, когда будет заключен мир и можно будет приняться [жить] мирной жизнью».⁴⁹

В чем-то схожи с этим и настроения, возникшие в рабочей среде после получения известий о созыве Генуэзской конференции в 1922 г. Когда читаешь документы, повествующие о массовых откли-

---

⁴⁴ Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района. С. 79, 84.

⁴⁵ Петроградская правда. 1919. 1 марта.

⁴⁶ ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 145. Л. 232.

⁴⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 21 об.

⁴⁸ Кронштадт. 1921. М., 1997. С. 26; Петроградская правда. 1921. 15 февр.; ЦГА СПб. Ф. 8145. Оп. 1. Д. 18. Л. 5 об.

⁴⁹ ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 225. Л. 5.

ках на это событие, сразу замечаешь, что в них также мало политического. Рабочих не очень волнует то, что Генуя знаменовала собой определенный политический успех большевиков и в какой-то мере укрепляла их власть — то, о чем долго тогда писали газеты. Рабочие об этом по преимуществу молчат. Зато обнаруживается немало свидетельств об ожидании лучшей жизни, начало которой (не без влияния агитаторов) многие связывали именно с экономическим совещанием в Генуе. «Влияет Генуэзская конференция... Рабочие с большим вниманием следят из газет за ходом таковой, и все ждут хороших результатов, а в особенности заключения хороших договоров с иностранными государствами», — такое сообщение о настроениях рабочих Северо-Западных железных дорог в 1922 г.⁵⁰ подтверждается и многими другими документами. Отметим в связи с этим одно специфическое явление. Рабочие, реагируя на политические акции, прежде всего особо выделяя в них чисто бытовые или экономические аспекты. Успех агитаторов в значительной мере зависел от того, смогли ли они увязать изменения политической ситуации в России с возможностью увеличения хлебного пайка рабочим какой-либо отдельной фабрики или завода. Поддержка политических действий, таким образом, имела однозначно экономическую подоплеку.

Но, подчеркнем это, не всегда быстрая политическая или, вернее, политизированная реакция рабочей среды была отчетливо мотивированной. В частности, отметим и такое явление. Неустойчивость власти, пусть и не отразившаяся какими-то своими сторонами на труде и быте рабочих, подспудно влияла и на их политические настроения.⁵¹ Иногда ощущение анархии и разброда в «верхах», даже не сопровождаемое ухудшением материального положения рабочего, способствовало созданию оппозиционного настроения. И наоборот, упрочение большевистской власти, еще не влекущее за собой «материальных» улучшений, быстро меняло вектор рабочей поддержки. «С укреплением центральной власти пропадали страхи масс, и вновь со стороны замечается сочувствие происходящим событиям», — так, например, обозначено данное явление в докладе комиссара Обуховского завода А. Антонова.⁵² И это несмотря на то, что здесь же подчеркнуты все «трудности», которые были присущи первым после-

---

⁵⁰ ЦГА СПб. Ф. 8145. Оп. 1. Д. 18. Л. 3 об.

⁵¹ Особенно это присуще периодам военно-политической нестабильности. См. протокол собрания организаторов коллективов РКП(б) Василеостровского района 29 января 1919 г.: «Из прений по докладу выяснилось, что недостаточная информация о положении на фронте вредно отражается на настроении масс» (ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 7 об.); доклад организатора коллектива РКП(б) Ириновской железной дороги за январь 1920 г.: «Во время наступления Юденича масса была как бы враждебно настроена по отношению власти...» (Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 225. Л. 5).

⁵² Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. М., 1967. Т. 3. С. 126.

революционным месяцам: нехватка топлива, простой предприятий, невыплата заработной платы.

Данный психологический феномен отчасти объясним «коллективистскими» механизмами поведения рабочих и, в немалой степени, своеобразной психологической неустойчивостью общества, весьма характерной для времени социальных разломов и революций. Мгновенная эйфория сразу охватывает рабочих, например, после получения известий о разгроме мятежей и поражении антиправительственных войск — и это нередко там, где за несколько дней до того бастовали или принимали постановления, предложенные социалистами.⁵³ Полуголодные рабочие, привлеченные к участию в большевистской праздничной манифестации, тут же высказывают свое одобрение и проведению праздника,⁵⁴ и в целом политике проводивших его властей. Нередко «пробольшевистские» настроения возникали после посещения беспартийных конференций (хотя последние мало чем реально могли помочь рабочим), или партийных собраний, участия в похоронах красных бойцов,⁵⁵ и наконец, даже поездок на выставки.⁵⁶ Это, конечно, возникало не везде. Но и такие случаи должны быть отмечены.

Мы можем обнаружить (где-то отчетливо, где-то по косвенным свидетельствам) две характерные приметы психологических перепадов рабочих: элементарность и быстроту. И в элементарности, и в быстроте психологических перемен нетрудно, однако, увидеть проявления пресловутой политической апатии. Они возникают, несомненно, ввиду отсутствия стержневых основ политического поведения: идеологической ориентации (хотя бы и примитивной), включенности в определенную политическую группу, оперирования политизированными клише. Эти факторы «стабилизации» общественных настроений — специфический противовес слишком поспешным и легковесным политическим колебаниям. Но они достаточно редко сказывались на поступках основной массы рабочих в силу разных причин и обстоятельств.

---

⁵³ Особенно это примечательно для петроградских предприятий в марте 1921 г.

⁵⁴ См., например, «Дневник» коллектива РКП(б) Рождественского трампарка о праздновании 2-й годовщины Октябрьской революции: «После праздника были зафиксированы слухи с разговоров рабочих как в мастерских так и на улице с очень довольными [оценками, вызванными] постановкой и устройством празднеств и как видно с разговоров среди масс, что они довольны праздником» (ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 145. Л. 154; сохраняем орфографию и синтаксис подлинника. — С. Я.).

⁵⁵ ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 325. Л. 3; Ф. 6. Оп. 1. Д. 1171. Л. 30 об.; Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 33.

⁵⁶ Некто Жилинов, сообщая на общем собрании рабочих и служащих Петроградского телефонно-телеграфного завода им. Кулакова 26 сентября 1923 г. о своей поездке в Москву на Всероссийскую сельскохозяйственную выставку, говорил, что «до сих пор был апатичен, теперь же ценит Коммунистическую партию как строительницу хозяйственной жизни и безусловно пойдет за ней» (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 7. Д. 12. Л. 317).

Разумеется, об элементарности политических оценок мы узнаем преимущественно из докладов информаторов. Можно предположить, что последние были не обо всем осведомлены, тем более, что само осведомление в условиях жесткого политического режима таило для инакомыслящих несомненную опасность, и потому они во многих случаях не были склонны делиться своими взглядами с представителями властей. Однако, как правило, донесения информаторов повествуют прежде всего о массовой реакции рабочих. Индивидуальные отклики их мало беспокоили и отмечались преимущественно тогда, когда допускался публичный политический выпад, который мог поколебать настроение рабочих. Показания информаторов, несмотря на ряд существенных оговорок, все же обладают достаточной надежностью в данном случае: они не различали отдельных лиц рабочих, но отмечали движение массы в целом. Они чувствовали это движение даже и по сдержанной реакции рабочих, и по их характерным умолчаниям, по их отдельным выкрикам или репликам, по слухам, источники которых было сложно уточнить, но которые оказывали определенное воздействие на поведение людей начала 1920-х гг. Не имея возможности судить об элементарности политических поступков того или иного рабочего, информаторы могли вместе с тем наблюдать элементарность массовых психологических перемен.

Быстрота, элементарность, массовость — это, несомненно, соотнесенные психологические критерии. В массовой среде ослабевает индивидуальная сопротивляемость рабочего — не только внешняя, вызванная опасением подвергнуться осуждению со стороны тех, кто работает рядом с ним, но и внутренняя. Человек, не обладая возможностью оказывать интеллектуальное сопротивление, сначала ориентируется на позиции других, а затем начинает думать как все — при том, что исповедуемые им взгляды уже кажутся ему не привнесенными извне, но следствием его внутренней убежденности. Этот описанный еще Э. Фроммом механизм автоматического конформизма⁵⁷ мы можем наблюдать, анализируя психологию российских рабочих первой четверти XX в.

---

⁵⁷ «Однако и он [человек] ощущает потребность иметь собственное мнение... Он верит, что пришел к определенному выводу на основании собственных размышлений, на самом же деле он просто усвоил мнение авторитета, сам того не заметив. Ему кажется, что у него были основания прийти к этому мнению, и он нам эти основания излагает; но если проверить, окажется, что он вообще не смог бы сделать из них никакого вывода... Спросите рядового читателя газеты, что он думает о такой-то политической проблеме, и он вам выдаст как „собственное“ мнение более или менее точный пересказ прочитанного; но при этом — что для нас единственно важно — он верит, будто все сказанное им является результатом его собственных размышлений. Большинство людей убеждено, что если их не принуждает открыто какая-либо внешняя сила, то их решения — это их собственные решения, и если они чего-то хотят, то это их собственные желания... Нам удастся убедить себя, что это мы приняли решение, в то время как на самом деле мы подстраиваемся под желания окружающих, гонимые страхом изоляции или даже более серьезных опасностей, угрожающих нашей жизни» (Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 163, 168, 169).

Но имело значение не только это. Соотнесение себя с лагерем победителей и, соответственно, стремление отмежеваться от проигравших расценивались рабочими прежде всего как элементы повышения своего социального статуса. А за этим они пристально следили. Подмеченная многими историками идентичность рабочих, отнесение себя именно к пролетарскому классу определялось не только специфическим «классовым сознанием». Во многих случаях это предreshалось и тем, что рабочие в социальной советской иерархии 1917—1923 гг. (да и позднее) обладали, хотя и формально, несомненно высшим статусом по сравнению с другими слоями населения. Рабочие в массе своей и прежде ориентировались на стереотипы поведения, в основу которых была положена система иерархий. Эти стереотипы, возникшие еще в дореволюционное время, могли ослабляться или усиливаться в зависимости от социальных и политических условий. Они не могли полностью исчезнуть, но постоянно репродуцировались и диктовали коды «пролетарского» поведения.

Механика внутреннего производственного подчинения в силу идеологизации рабочих коллективов (особенно ускорившейся в 1922—1923 гг.) стала и механикой политического подчинения. Рабочий был насильно включен в политическую жизнь. Он должен был голосовать за коллективную фабрично-заводскую резолюцию не потому, что одобрял ее, а потому, что это было одним из проявлений общей дисциплины — трудовой и политической, в которой оказались неразличимыми ее экономические и идеологические аспекты. Методы трудового и политического контроля почти совпадали, градация наказаний за несанкционированные отклонения от поведенческого политического образца зачастую копировала прежние приемы взысканий с рабочих за производственные «огрехи».

И наконец, отметим эмоциональную основу поступков рабочих, разумеется, не полностью свободных и от прагматических, и иных влияний. Частые смены настроений, эйфория и уныние, не только уступающие место друг другу, но и соседствующие рядом, — все это было знамением времени. Психологические перепады являлись параллелью тех политических толчков — правительственных кризисов, погромов, митинговых баталлий, разгонов манифестаций и массовых арестов, в условиях которых развивалось российское общество и после февраля, и после октября 1917 г. Именно они во многом обуславливали причудливые изгибы постоянно меняющихся настроений рабочих, когда ненависть к мастеру могла в конце концов обернуться оппозицией к большевикам, а раздражение при виде непривычной для рабочих одежды (шляпы и галстука) — неприязнью к буржуазии и поддержкой большевистских акций.

3. Политическая и социальная стратификации: механизмы соотнесенности

Рабочие были неоднородны по своим политическим симпатиям, и тайну этих различий пытались угадать и власть придерживающие в послереволюционной России, и — впоследствии — историки. Каждый решал эту загадку по-своему, объясняя психологические изменения и возрастом, и имущественным достатком, спецификой семейного окружения и (как в случае с женщинами) традиционным отсутствием политических влияний, работой оппозиционных партий и продовольственным кризисом. Попытаемся рассмотреть, с кем и с чем соотносили современники тех лет политические отклонения рабочих от ортодоксальных норм «революционного» поведения.

Еще накануне Октябрьского восстания один из партработников, оценивая шансы на успех большевистского выступления, отмечал, что «за нами не пойдут обеспеченные рабочие, так как в борьбе за тарифы рабочая масса неоднородна».⁵⁸ В 1917—1923 гг. такие явления, как прогулы, отсутствие дисциплины и единства рабочих, и, как следствие этого — их политические шатания часто связывали с разбавлением рабочей среды пришлыми элементами.⁵⁹ Как о само собой разумеющемся в сводке коллектива РКП(б) Строительного завода 17 марта 1921 г. говорилось о том, что «приблизительно треть всех рабочих нашего завода мелкие собственники, все бывшие хозяйчики, в разговорах стараются скрыть свою ненависть против Советской власти, которая иногда очень ярко блесит из-под ихних масок».⁶⁰ В резолюции по отчету фракции Губпрофсовета 19-й Петроградской губпартконференции в 1923 г. «количественный и качественный рост промышленного пролетариата» назывался в числе условий «усиления политической активности рабочих масс».⁶¹

Связь между социальным и политическим в те годы фиксировалась постоянно, и приведенные выше примеры — лишь малая часть свидетельств, устанавливавших зависимость политических настроений рабочих от особенностей их социального состава. Здесь, правда, очень трудно провести грань между реальностью и ее догматическим истолкованием, основанном на идеологических формулах. Информаторы часто упоминали лишь о предполагаемых, гипотетических последствиях, либо причинах массовых политико-психоло-

---

⁵⁸ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. С. 313.

⁵⁹ Отметим, что об этом говорили не только в военные годы, но и в более позднее «нэповское» время (см. сообщение о делегатском собрании на заводе «Красная Бава-рия» в мае 1923 г.: «Во всем заводе только 30% рабочих-коренников, а все остальные — элемент пришлый, случайный. Отсюда недостаточная организованность, отсутствие общих интересов и спайки» / (Петроградская правда. 1923. 20 мая)).

⁶⁰ ЦГАИПД. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 107.

⁶¹ Бюллетень девятнадцатой конференции Петроградской губернской организации РКП(б). Пг., 1923. С. 101.

гических перепадов, ничем не мотивируя их, но говоря об этом с той уверенностью, которая придавала их сообщениям надлежащую солидность. Определяемую ими связь нельзя не признать внешне логичной, но она зачастую не подтверждается ни подробностями их сопутствующих рассказов, ни другими источниками. Нередко можно заметить, что причинно-следственные объяснения информаторов представляют собой некое «социологическое» дополнение, не связанное с «фактическим» содержанием текста, но существующее как бы автономно.

В советской историографии, основывавшей свои выводы на документальных материалах 1918—1920-х гг. и мемуаристике тех лет, чертами наибольшей сознательности наделялись преимущественно металлисты. Это объяснялось ссылками на такие довольно неотчетливые понятия, как «революционная закалка», «организованность» и «психологический настрой». Вместе с тем выдвижение именно металлистов как самой «большевизированной» части рабочих не было случайным. Основная их масса сосредоточивалась на крупных предприятиях — там, где сильнее был большевистский контроль (и многочисленнее — партийные ячейки), где заметнее сказывались традиции дисциплины, оформленные еще в дореволюционное время, и где имелось больше возможностей для политического манипулирования рабочими, чем на мелких фабриках и заводах. Отметим, однако, что если мы примем за критерий «политической сознательности» такой показатель, как единогласное одобрение большевистских резолюций, то здесь практически будут неотличимыми и металлисты и рабочие иных производственных отраслей: и текстильщики, которые традиционно ставятся в череду «сознательных» слоев пролетариата на второе место, и даже железнодорожники, среди которых было много крестьян. Такие массовые акции, как мобилизации на фронт или запись в Красную гвардию, разумеется, на крупных заводах проводились успешнее. Но едва ли в этом сказались какие-то особые качества работавших здесь: просто они были многочисленнее, и, соответственно, число добровольцев являлось более высоким.

Нельзя отрицать большую сплоченность металлистов, их высокую производственную квалификацию, массовость их профессиональных выступлений.⁶² И все же своеобразная «сакрализация» металлистов, наделение их абстрактно-идеальными характеристиками возникли под влиянием ряда факторов — не только политических,

---

⁶² Подчеркнем, что фиксация особого положения металлистов не была лишь прерогативой большевистской литературы. Еще в марте 1917 г. в отчете министерства промышленности и торговли о положении на предприятиях Петрограда отмечалось, что «влияние [фабрично-заводских] комитетов и значение их тем больше, чем сознательнее рабочие. Поэтому авторитет их довольно значителен, например, на металлообрабатывающих заводах» (Цит. по: *Соболев Г. Л. Октябрьская революция в американской историографии. 1917—1970-е годы. Л., 1979. С. 190*).

но и идеологических; едва ли она была отчетливо определена только реальными тенденциями, присущими рабочей среде. Во-первых, именно на влиятельные своей массовостью предприятия были направлены главные усилия большевиков. Позиция заводов-гигантов значила для устойчивости их власти куда больше, чем колебания рабочих мелких мастерских. Во-вторых, это инициировалось и ортодоксальной идеологической догматикой, согласно которой там, где сосредоточивались наиболее квалифицированные и организованные рабочие, и следовало ожидать самых смелых и решительных пролетарских действий в поддержку большевиков.

Этот миф быстро разрушается, едва мы начинаем знакомиться с фактами. Так, самые образованные и квалифицированные рабочие — печатники — находились в постоянной оппозиции к большевикам вплоть до 1918 г., когда власти фактически распустили их профсоюзы.⁶³ Наиболее крупные и организованные промышленные центры являлись (причем едва ли не в прямой зависимости) и очагами стачек и политического сопротивления большевизму.

Проблема была в том, что пресловутой «сознательности» металлистов (которую, разумеется, невозможно отрицать) пытались придать политический смысл, и зачастую безосновательно. Априорно предполагалась соотнесенность культурного уровня и политической лояльности рабочих, но документы свидетельствуют, что эта связь была весьма неявной, а нередко и вовсе отсутствовала. Думается, что в значительной мере именно идеологические мотивы определяли и представления о том, что слабость или сила большевистского влияния на предприятиях определялась «крестьянской» прослойкой и массой учетников (к последним причислялись рабочие, пришедшие на фабрики и заводы во время войны, чтобы избежать отправки на фронт). Об этом упоминали и современники тех лет,⁶⁴ это мнение репродуцировалось и в позднейшей литературе.⁶⁵

---

⁶³ Укажем, что в 1921 г. даже наборщики основных коммунистических городских газет — «Петроградской правды», «Маховика» и «Красной газеты», требуя выдать им зарплату, предупреждали, что не примут во внимание «никаких ссылок на техническое затруднение к таковой выдаче», и угрожали, что в случае отказа сложат «с себя всякую ответственность за своевременный выход газет» (Протокол общего собрания наборщиков газет «Петроградская правда», «Маховик», «Красная газета», 24 дек. 1921 г. (ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 5. Д. 77. Л. 224 об.)).

⁶⁴ См. воспоминания П. И. Усанова, видного комсомольского работника в Петрограде в начале 1920-х гг.: «Трубочный и Балтийский заводы — это бывшие казенные заводы, на которые после империалистической войны попало много чуждого элемента, так называемых учетников... Особенно был заполнен выходцами из чуждых нам классов Трубочный завод и 2-я его мастерская. Ее антисоветские настроения находили там быстрый отклик, поскольку преобладающее влияние принадлежало там меньшевикам» (Усанов П. В дни «волынки» и Крошштадтского мятежа // Молодежь в революции. Л., 1931. Сб. № 1. Апрель—май. С. 67).

⁶⁵ Гражданская война и военная интервенция. Энциклопедия. М., 1987. С. 497.

Документы 1917—1923 гг. все же не позволяют говорить об этом с должной уверенностью. Действительно, наличие различных социальных прослоек инициировало и выдвижение непривычных для рабочей среды требований, в т. ч. и «крестьянских». Однако придавать оппозиционный политический оттенок взглядам рабочих в зависимости от того, стандартными или нестандартными окажутся их требования в контексте массовых предпочтений профессиональной группы, едва ли правомерно. Присутствие чисто крестьянских пожеланий в текстах рабочих постановлений зачастую не мешало тому, чтобы сами эти постановления были наполнены в целом «советским» содержанием. В сообщениях информаторов тех лет иногда высказываются предположения относительно связи социального происхождения рабочих с особенностями их политической психологии, но, как правило, они не мотивированы и не содержат конкретного обоснования. В том, сколь малое политическое влияние имела непролетарская прослойка среди рабочих, мы можем убедиться, анализируя свидетельства о поведении пришедшего элемента — трудмобилизованных и трудармейцев — во время забастовок 1921 г. В первую очередь отметим определенную автономность, анклавность групп мобилизованных на предприятиях. Они почти никогда не сливаются с коренными рабочими, не выдвигают самостоятельно ни политических, ни экономических программ, им присуща сугубая инертность. Они никого не «заражают» своими взглядами, не «разбавляют» чуждую им среду, не инициируют ничьих действий. Они хотят одного: уйти домой. Когда знакомишься с подробностями сообщений очевидцев тех дней, обнаруживаешь, в сколь малой степени трудмобилизованные сыграли ту роль «бродильного элемента», которая традиционно отводилась им в исторической литературе. Говоря о событиях 1921 г., один из мемуаристов, председатель заводского комитета «Красного Выборжца», сообщал, что на этот завод влилось большое количество только что приехавших рабочих из крестьян и мало сознательных, и на них была надежда, что они первые забастуют.⁶⁶ Однако, когда «он пришел на собрание и сказал: „Кто за забастовку, поднимите руку?“ — то никто не поднял».⁶⁷ На Балтийском заводе, где было много мобилизованных, отмечалось, что последние, «не считаясь с положением, хотят под тем или иным предлогом оставить завод и уехать в деревню»,⁶⁸ но дальше этого, как можно видеть из документов, дело не пошло. Крестьянские требования (отмены продразверстки, реквизиций скота, предметов крестьянского обихода) были

⁶⁶ ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3098. Л. 4.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Протокол собрания рабочих и служащих Балтийского завода. 10 февр. 1921 г. (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 26).

выдвинуты на нескольких предприятиях, в т. ч. на заводах Балтийском и Дюмо.⁶⁹ Но известно, во-первых, что эти постановления были инициированы меньшевиками и представляли собой развернутые политические программы, которые, не обсуждая их отдельных пунктов, зачастую целиком принимали рабочие, а, во-вторых, они передавались как наиболее авторитетный образец на другие предприятия, которые просто одобряли их, не меняя смысл.

Говоря о соотносительности политической и социальной стратификации, нельзя не упомянуть дискуссий о политической роли женщин. Мнение о том, что именно женщины были наименее всего политически «просвещены», почти не удержано позднейшей историографией (хотя и она не смогла его игнорировать), но зато весьма часто высказывалось в первые послереволюционные годы. Причем не только мужчинами, но и самими женщинами, одна из которых прямо, например, заявляла в 1918 г.: «Что же касается настроения рабочих, то его, особенно у нас, трудно определить, так как у нас большинство женщин. Женщины же, как известно, отстали, в особенности когда у женщины дома всякие недовольства».⁷⁰

Вместе с тем в той заданности, почти механистичности, с которыми повторяются эти заявления (чем единственно и оправдываются почти все оппозиционные выступления женщин), есть уже элемент упрощения. Вряд ли только отсталость женщин объясняла их оппозиционный настрой — при той, однако, поправке, что, действительно, поведение женщин во многом формировалось под влиянием традиционных бытовых стереотипов, обычных для России первой четверти XX в. Реально существующее явление, лишь отчасти объясняющее специфику женского политического протеста, представляется как главная причина последнего — и именно в силу того, что оно все же реально, — таковы основные контуры обозначенной нами интерпретации политической роли женщин в послереволюционные годы.

Причины политической отсталости женщин трактовались разнообразно. Занятость семьей, вообще отсутствие свободного времени, неграмотность и даже мещанское происхождение — такими представлялись в то время истоки политической индифферентности женщин.⁷¹ Особо отметим, что довольно часто препятствием для развития общественной активности женщин считалось нали-

---

⁶⁹ Шкаратан О. И. Изменения в составе фабрично-заводских рабочих г. Ленинграда (1917—1928 гг.). Канд. дисс. Л., 1958. С. 418.

⁷⁰ Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го городского района. Пг., 1918. С. 44.

⁷¹ Сборник материалов Петроградского комитета РКП. Пг., 1923. Вып. 6. Сентябрь 1922—февраль 1923 гг. С. 157; Красная газета. 1921. 20 нояб.; 1923. 29 нояб.; Сборник материалов Петроградского комитета РКП. Пг., 1922. Вып. 4. Август 1921—март 1922 гг. С. 22.

чие предубежденности в мужской рабочей среде — об этом, кстати, говорили и сами женщины.⁷² В статье работницы типографии им. Гутенберга Самсоновой, помещенной в стенной газете «Рабочий день» (и тем более ценной, поскольку она почти не имела редакционной правки), подчеркивалось, что «подчас некоторые тов[арищи] не наблюдают систематического повышения активности работницы, а замечают это вдруг, и это их сразу так поражает, что они начинают поддаваться старым инстинктам — как это так, еще вчера она была молчалива и пассивна, она говорит и сплошь и рядом имеет свое мнение, несогласное с ним, и получается недовольство какое-то, начинает подмывать самолюбие».⁷³ Бывали случаи, когда на общих собраниях мужчины и женщины сидели порознь (об этом писала даже пресса),⁷⁴ а при выборах в завкомы кандидатуры женщин отклонялись.⁷⁵

Вместе с тем подчеркнем, что критериями политической «просвещенности» женщин в то время считались посещение ими различных политических курсов, кружков, общественная работа: практикантство и делегатство, участие в деятельности женсекций. «Петроградская правда», сообщая об итогах годичной работы делегатов Центрального района в 1923 г. и упоминая, что «большинство окончило кружки политграмоты и прошло через партшколы», делала при этом следующий вывод: «Несомненно, уровень их политической сознательности поднялся».⁷⁶ Не везде эта связь устанавливается столь откровенно, как в данном случае, но в целом попытки соотнести количественные и качественные показатели работы политико-просветительных структур предпринимались неоднократно. Иногда это просто подразумевалось как очевидное, иногда об этом прямо и уверенно говорилось как о должном. Но в обоих случаях исследователю трудно обнаружить мотивацию таких утверждений: в сообщениях информаторов почти нет ссылок ни на опросы, ни на анкеты, ни на оценки во время письменных или устных проверок либо экзаменов.

Представляется, что обе эти формулировки — причин и содержания политической отсталости женщин — основаны на фор-

---

⁷² См. выступление работницы Поповой в Трампарке им. Коняшина: «В жизни нас затирают мужчины, да и в газете не лучше» (Петроградская правда. 1923. 16 окт.); статью «Долой закрепощенность работницы», повествующую о собрании «беспарных жен коммунистов Васильевского острова»: «[Работницы] торопятся высказываться, перебивая друг друга, выходили они с жгучим протестом против своей отсталости, закрепощенности кухней... В их речах много... обиды, что мужья на заседаниях, собраниях заняты, а жены все обед подогревают — а ведь равноправия вместе добивались» (Красная газета. 1923. 29 нояб.).

⁷³ Рабочий день. 1923. 7 нояб.

⁷⁴ См. отчет о собрании на канатной фабрике Гот (Маховик. 1921. 29 окт.).

⁷⁵ См. сообщение о собрании на заводах Винер в декабре 1921 г. (Там же. 30 дек.) и Обуховском в мае 1922 г. (Петроградская правда. 1922. 16 мая).

⁷⁶ Петроградская правда. 1923. 17 нояб.

мальных критериях. Информаторы не уточняют понятие «отсталости», но из контекста их сообщений можно с большой долей уверенности предположить, что имеются в виду либо отказ от участия в акциях поддержки властей, либо проявления оппозиционных настроений. Но, во-первых, и то и другое едва ли правомерно прямо соотносить с неграмотностью или заботой о семье, а во-вторых, это было характерно не только для женской рабочей массы. И здесь мы обнаруживаем терминологическую путаницу. Отсталость «образовательная» предполагается как причина «политической отсталости», но в действительности эти явления несопоставимы, поскольку формулировка второго из них имела оценочный характер и отражала градацию политических взглядов, а формулировка собственно «отсталости» фиксировала недостаток знаний.

В целом же отметим, что когда информаторы сообщали о конкретных фактах политического поведения женщин, то едва ли можно найти сущностные отличия их от действий рабочих-мужчин. Сводки говорят о рабочих выступлениях, почти не дифференцируя фабрично-заводские массы по признаку пола. Более того, в ряде случаев оказывалось, что именно «женские» предприятия являлись в кризисных ситуациях политически благонадежными. В сводках о положении в районах во время наступления Юденича на Петроград, при том, что на многих фабриках и заводах обнаруживалось настроение и «неопределенное», и «неважное», и «цветное», особо фиксировалось политическое спокойствие работниц.⁷⁷ И даже в 1921 г., когда женщины отмечались в числе активных участников февральско-мартовских волнений,⁷⁸ собрания работниц-делегаток, состоявшихся в конце февраля—начале марта во всех городских районах, высказывались против «волынок».⁷⁹

Как и женщины, особой социальной группой, чье политическое поведение было специфичным, считалась молодежь. Циркуляр ЦК РКП(б), направленный летом 1921 г. губкомам РКП(б), прямо указывал, что «рабочая молодежь более всего подвержена влиянию

---

⁷⁷ См.: сообщение 3-й Гос. гильзовой фабрики: «Настроение среди работниц удовлетворительное» (Протокол собрания организаторов коллективов РКП(б) Рождественского района. 14 мая 1919 г. (ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 5. Л. 4)); сообщение о Невской ниточной фабрике: «Работницы беспартийные относятся хорошо» (Протокол собрания организаторов коллективов РКП(б) и организаторов по работе среди работниц Смольнинского района. 24 окт. 1919 г. (Там же. л. 14—14 об.)); сообщение о Финляндском пароходстве: «Сегодня пришли 2 женщины с [фабрики] Гаука подбивать работниц на забастовку, работниц встретили их довольно недружелюбно» (Протокол собрания организаторов коллективов РКП(б) Василеостровского района. 9 июля 1919 г. (Там же. Ф. 4. Он. 1. Д. 284. Л. 59)).

⁷⁸ Сборник материалов Петроградского комитета РКП. Пг., 1921. Вып. 3. Январь—июль. С. 14; Петроградская правда. 1921. 8 марта; Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов. Заседание 17. 26. II. 1921 г. Стб. 33.

⁷⁹ Красная газета. 1921. 4 марта.

мелкобуржуазной стихии и опасности деклассирования».⁸⁰ Это мнение в различных вариантах мы встречаем во многих комсомольских и партийных документах на всем протяжении 1917—1923 гг. Причины неустойчивости политических настроений молодежи оценивались в те годы по-разному. Но можно в целом определить тот набор мотивировок, который наиболее часто повторялся и в публицистике, и в выступлениях представителей партийно-комсомольских структур. В числе их назывались отсутствие опыта и, соответственно, невысокий уровень классового самосознания, худшее материальное положение молодежи, недостаточная сопротивляемость «разлагающим» бытовым влияниям.⁸¹

Мы не станем здесь уточнять содержание приведенных выше формулировок, отметим лишь расплывчатость некоторых из них. Но сразу подчеркнем, что влияние этих факторов на формирование политических настроений молодежи не всегда в документах 1917—1920-х гг. обнаруживается явно. На поведение молодежи заметное влияние оказывал не классовый стаж, а возрастные особенности, потребность в эмоциональных акциях, определенный юношеский нонконформизм, стремление доказать свою общественную значимость и неприятие всякого рода опекуинства. Отсюда и примечательное «хулиганство» молодежи,⁸² но отсюда — быстрые колебания настроений⁸³ и полярность ее рядов. Документы отмечают участие молодежи в «волянках» 1921 г. и в забастовках более позднего времени,⁸⁴ но в то же время можно обнаружить и другие факты. Даже

---

⁸⁰ *Лебина Н. Б.* Рабочая молодежь Ленинграда: Труд и социальный облик. 1921—1925 годы. Л., 1982. С. 118.

⁸¹ Одиннадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 567; ВЛКСМ в резолюциях его съездов и конференций. 1918—1928. М.; Л., 1929. С. 54; Молодежь в революции. С. 53.

⁸² Очень ярко оно проявилось в февральско-мартовские дни 1921 г., особенно во время демонстрации 24 февраля 1921 г. на Васильевском острове — об этом писали даже тогдашние петроградские газеты; дало оно о себе знать и во время «волянок» на фабриках и заводах.

⁸³ Характерным образчиком такого рода колебаний может служить поведение рабочей молодежи на митинге в Экспедиции изготовления государственных бумаг 1 марта 1919 г. После выступления одного из ораторов по текущему моменту, где говорилось о необходимости молодежи вступать в ряды Красной Армии, раздалась протестующие крики. Но после речи одного из руководителей петроградского комсомола М. Глерона «сто семьдесят присутствующих на собрании подростков единогласно при пяти воздержавшихся приняли резолюцию о необходимости вступать в ряды Красной Армии и открыли запись в члены Союза» (*Дорохов А.* В школе революции. (Из воспоминаний). М., 1931. С. 45—47).

⁸⁴ См. статью «От редакции»: «В начале волянки на заводах часто первой бросала работу молодежь... Массы молодежи в первый момент „бузила“, бросала работу, организовывала митинги и т. п.» (Молодежь в революции. С. 53); см. также: Питерский комсомол в гражданской войне. Л., 1934. С. 193; Сборник материалов Петроградского комитета РКП. Вып. 3. С. 5; *Смирнов А.* Комсомол — к твердыне молодежи // Красный Алексеевец. Сборник, посвященный 3-х летию коллектива РКСМ школы-типографии имени тов. Алексеева. Л., 1928. С. 5—6; ЦГАИПД. Ф. 81. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.

в самый сложный момент — в период кризиса 1921 года — молодежь создавала коммунистические отряды, принимала большевистские постановления, участвовала в пропагандистских акциях.⁸⁵ Политическое поведение молодежи не было жестко определено имеющей социологический налет причинно-следственной связью, в которой материальное диктует идеологическое. Здесь зачастую имели решающее влияние и другие обстоятельства: степень организационного манипулирования молодежью, её концентрация, наличие авторитета в группе, групповые традиции, поведенческие, бытовые стереотипы. Можно, говоря о поступках молодых рабочих, довольно долго приводить примеры «за» и «против», «с одной стороны» и «с другой стороны». Но все это фиксирует проявление не столько разнородности рядов молодежи, сколько быстрой смены ее политических впечатлений, поскольку по обе стороны зачастую находились одни и те же люди.

В целом же отметим, что для информаторов тех лет социальный подход при выяснении причин колебаний рабочих не противоречит другому подходу — политическому. Из сводок мы нередко узнаем, что рабочие противятся советским установлениям не столько потому, что не обладают нужным социальным происхождением, сколько потому, что в силу их «непролетарских» взглядов их легче использовать для своих целей противникам Советской власти. Именно такое специфическое чередование политических и социальных объяснений мы обнаруживаем всякий раз, когда обращаемся к тем оценкам поведения рабочих, которые высказывались в послереволюционный период во властных структурах. Едва ли можно отрицать влияние социального статуса рабочего на его политические поступки. Но при этом обязательно должно быть учтено, что последнее определялось не только механизмами социальной стратификации, но и рядом других причин. Вот это обстоятельство и игнорировалось зачастую теми, кто наблюдал общественные явления 1917—1920-х гг. В результате неизбежно становились примитивными и представления о самом механизме формирования оппозиционных настроений рабочих — в реальности весьма сложном и опосредованном. Социальные различия необходимо принимать во внимание при анализе политического сознания рабочих, но они могут поняты не как непосредственные причины колебаний рабочих, а как предварительные условия, как фактор, который способен ускорять или замедлять политические метаморфозы рабочей среды, но не более того.

---

⁸⁵ Панов Н., Давыдов А. Молодежь в дни кронштадтского мятежа // Молодежь в революции. С. 56, 61, 62.

Глава II

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ В РАБОЧЕЙ СРЕДЕ

1. Власть

«Сочувствовал или не сочувствовал организаторам Октябрьского восстания петербургский пролетариат? ... Тут двух ответов быть не может. Да, большевики действовали по полномочию петербургских рабочих и солдат» — это место из мемуаров Н. Н. Суханова¹ комментаторы первого советского издания для вящей убедительности сопроводили ссылками на составленный меньшевиками сборник «Октябрьский переворот». В нем подчеркивалось, что все попытки обнаружить какие-то документы о враждебном отношении рабочих к восстанию были бесплодны.² Разумеется, нельзя полностью отрицать сопротивление перевороту в рабочей среде. Много о протестах рабочих писала и неправительственная пресса в октябре—ноябре 1917 г. Требуется особый разговор и упоминание о «полномочиях», якобы данных рабочими большевикам. Эти полномочия, во-первых, никто им не давал, во-вторых, никто из большевиков их и не просил и, в-третьих, едва бы кто-нибудь из них остановился даже при отсутствии минимальной общественной санкции на переворот. Вряд ли стоит принимать за «полномочия» широкое недовольство рабочих непоследовательной и половинчатой политикой Временного правительства: оно отнюдь не предполагало обязательного согласия на свержение власти Керенского. Но вместе с тем мы должны отметить, что именно осенью 1917 г. можно наблюдать наиболее лояльное отношение большинства рабочих к ленинским лозунгам.

Разумеется, были и другие рабочие, но степень политизации их оппозиционных акций должна быть оценена с особой осторожностью. И Москва, и Петроград, и — в меньшей степени — ряд губерн-

---

¹ Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1992. Кн. 3. С. 345.

² Там же. С. 395.

ских и уездных центров оказались в эпицентре общественных конфликтов, которые, хотя и не инициировались рабочими, но не могли обойти стороной какую-то их часть. В социальной ущемленности рабочих были виноваты не только и не столько большевики, но нарушения большевиками привычных послефевральских демократических ритуалов сделало именно их объектом нападения. Враг стал непосредственно близким. Это была не правительственная коалиция, к которой питали скорее «идеологическую», а не «бытовую» неприязнь. Это были красногвардеец, винтовкой разгоняющий бунтующую толпу, и матрос, отнимающий у продавца оппозиционные газеты. Это были не министры, многих из которых впервые увидели лишь во время их конвоирования из Зимнего дворца в Петропавловскую крепость. Это были почти что простонародные «уличные типы». Отчасти этим объясняется тот факт, что чисто бытовые конфликты в городской среде в конце октября 1917 г. получили политический оттенок. Вместе с тем быстрое угасание стихийных вспышек протеста показывает, что для многих «уличных» оппозиционеров политические аспекты не имели существенного значения, и «улицей» почти все и ограничилось, практически не было эксцессов или выступлений на фабриках и заводах.

Источники предоставляют нам противоречивую информацию о «дискурсе власти» в 1917—1923 гг. Если мы обратимся к свидетельствам, содержащимся в протоколах рабочих собраний, то мы очень мало, в виде редких исключений, найдем здесь сведений именно о массовом, «коллективном» сопротивлении рабочих большевизму. Фабрично-заводские политические резолюции, принятые на общих собраниях рабочих, выражают, как правило, большевистскую точку зрения. Единственное, что остается делать исследователю, это произвести подсчет числа людей, голосовавших против или воздержавшихся. Но многие фабрично-заводские резолюции не содержат и этой информации, и историк лишен возможности узнать, был ли коллективный документ, ставший итогом рабочего собрания, принят без возражений или стал предметом ожесточенных споров.³ Не более конкретны сообщения об отношении рабочих к власти и составителей сводок, докладывавших в вышестоящие инстанции о настроениях на заводах: «Беспартийная масса стоит за Советскую власть»,⁴ «в общем же настроение всех рабочих довольно хорошее и склонно к советской республике», «большинство сочувствует Советской власти»,⁵ «политическое настроение рабочих завода считать опреде-

³ ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 3. Д. 22. Л. 76 об.; Оп. 7. Д. 80. Л. 9.

⁴ Сообщение о фабрике «Светоч» на заседании организаторов коллективов РКП(б) Петербургского района 26 мая 1920 г. (ЦГАИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1171. Л. 31).

⁵ Сообщение о Черниговском холодильнике и заводе Сименс-Шуккерт на заседании организаторов коллективов РКП(б) Московского района (Там же. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 68. Л. 16 об.).

ленным в пользу Советской власти».⁶ Подробнее информаторы почти никогда не говорят, и историку приходится иметь дело только с этой грудой однотипных, зачастую анонимных и крайне общих свидетельств о симпатиях рабочих.

Зачастую дискуссии о власти в 1917—1923 гг. — это дискуссии только об отдельных акциях власти. Рабочие или воздерживаются в массе своей именно от общих оценок власти, либо высказывают их в коллективных резолюциях, которые не всегда можно считать мерилом их индивидуальных политических откликов. Одобрять политику большевиков в целом и выступать одновременно против многих ее элементов — этот парадоксальный феномен мы нередко можем наблюдать в рабочей среде в годы гражданской войны. Примечательно, однако, что в известной мере он был инициирован политическими ритуалами, ставших привычными для «массовой» практики первых лет существования Советской республики. В целом власти терпимо (хотя и непоследовательно и в известных рамках) относились к следующей схеме внутренней критики. Могли отвергаться отдельные недостатки системы, но, во-первых, их наличие должно быть объяснено не политическими причинами (например, бюрократическими извращениями или неопытностью новых чиновников) и, во-вторых, им не должны были придаваться широкие размеры, и они ни в коем случае не должны были претендовать на то, чтобы поставить под сомнение фундаментальные политические ценности нового режима.

В рабочих оценках власти нередко отсутствовал политический аспект. «Отношения у нас, рабочих, к Советской власти — ни то, ни другое. Какая бы власть не была, лишь бы хлеб был», — говорил на заседании конференции 1-го Городского района в 1918 г. представитель табачной фабрики Шапошникова Юхневич,⁷ и его слова почти дословно повторены информатором, записывавшим уличные разговоры в том же районе три года спустя, в февральско-мартовские дни 1921 г.: «Власть все равно, уж скорей бы хлеба прибавили».⁸ Этот настрой был присущ даже 1917 г., когда «большевистские» симпатии масс выявились весьма отчетливо. Корреспондент «Новой жизни» запечатлел, например, такой отклик одной из женщин-работниц во время выборов в Учредительное собрание 12 ноября 1917 г.: «Керенский 8 месяцев царствовал, вел войну до победы, пусть теперь большевики поцарствуют. Посмотрим, что они сделают».⁹ Многие забастовки рабочих (особенно печатников), осенью 1917 г.,

---

⁶ Информационный отчет коллектива РКП(б) завода «Красная звезда» за 1922 г. (Там же. Ф. 56. Оп. I. Д. 6. Л. 98).

⁷ Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района. Пг., 1918. С. 38.

⁸ ЦГАИПД. Ф. 1842. Оп. I. Д. 113. Л. 8 об.

⁹ Новая жизнь. 1917. 14 нояб.

потому и кончались так быстро, что не имели политических целей, а были лишь проявлением групповых традиций, либо отражали экономический протест.¹⁰

Нередкими были случаи, когда поддержка рабочими Советской власти являлась условной, т. е. ставилась в зависимость от выполнения тех или иных требований. В этом тоже можно усмотреть определенный аполитизм, поскольку требования рабочих обычно имели экономический характер. Многие рабочие одобряли и признавали Советскую власть, но с рядом оговорок, не имевших, впрочем, политических оттенков. Особенно отчетливо это проявилось в 1921 г., когда рабочие, участвуя в забастовках, одновременно нарочито фиксировали свою «благонадежность». Информатор, сообщавший в третьей декаде февраля 1921 г. о настроении рабочих, толпившихся около табачной фабрики Лаферм, приводил их слова: «Мы не идем против власти, а требуем хотя бы дали свободный проезд и свободную торговлю».¹¹ Протокол общего собрания Путиловской верфи передавал речи рабочих о том, что «против власти никто ничего не имеет, и против не идет, только нужно хорошенько все переустроить, кое-где сократить штаты, примазавшихся вымести метлой, рабочим дать больше доступа к занимаемым ответственным должностям».¹² Побывавший на заводах Выборгского района в марте 1921 г. делегат X съезда РКП(б) так оценивал настроения масс: «Сущность Сов[етской] власти рабочими оценивается в достаточной степени, но тяжелое положение, с одной стороны, а главное (по-моему, именно главное) бюрократизм, волокита в советских органах и полная неосведомленность в характере и об условиях их работы — с другой, приводят лучших беспартийных рабочих в отчаяние».¹³ Разумеется, можно предположить, что информаторы не обо всем были осведомлены, а кое-где искренне либо умышленно приукрашивали истинное положение дел. Обращение к рабочим ораторов на собра-

---

¹⁰ См., например, доклад комиссара Государственной типографии о событиях с 26 октября по 14 ноября 1917 г. (Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. М., 1966. Т. 2. С. 532).

¹¹ ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 315. Л. 28.

¹² ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 109.

¹³ ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 490. Л. 1 об.; см. также рапорт начальника гарнизона и комиссара Петроградского огнесклада начальнику и комиссару окружного Артиллерийского управления 2 марта 1921 г.: «Настроение рабочих не против Советской власти в целом, но против некоторых постановлений власти» (Там же. Д. 350. Л. 10—10 об.); политсводку ревтройки 1-го городского района, составленную между 8 и 10 марта, о положении на предприятиях: «Советское настроение, говорят о необходимости исправить практику» (Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 57); выступление представителя Путиловского завода Семенова на III губсъезде профсоюзов в феврале 1921 г.: «Мы красное знамя держим крепко в руках, и ни один рабочий не скажет, что нам не нужна Советская власть, а он говорит одно, что надо уничтожить пробелы в советских учреждениях» (Третий Петроградский губернский съезд профессиональных союзов. Стеногр. отчет. Пг., 1921. Бюллетень № 1. С. 15).

нии, что прослеживается во многих стенограммах, нередко сопровождалось оговорками: «Вы же не выступаете против», «вы же сами признаете». И молчание рабочих (а здесь они чаще всего молчали) могло быть оценено и как согласие.

Отчасти ссылки на собственную благонадежность предпринимались ввиду возможных репрессий, но в целом это встречается столь часто, и рабочие столь мотивированно проводили разделение между экономическим и политическим, что трудно приписывать всем их заявлениям неискренность. Косвенно такие настроения подтверждают и высказывания представителей вышестоящих профсоюзных и экономических инстанций, призывавших к порядку на предприятиях и ссылавшихся при этом на мнение самих рабочих.¹⁴ Характерно, что даже кронштадтские повстанцы, чьи требования отражали и настроения петроградских рабочих, не выступали прямо против Советской власти¹⁵ и выдвигали лишь лозунг «Власть Советам, а не партиям». Однако, не выступая против Советской власти как таковой, многие рабочие вместе с тем заявляли, что Советы не могут считаться защитниками их прав. Отсюда и возникали предложения переизбрать Советы.

Впервые они появились в 1918 г.,¹⁶ причем мотивация этих требований была довольно однообразной: Советы не выражают интересы рабочих.¹⁷ Но примечательно, что уже и тогда Советы пред-

---

¹⁴ См. письмо-обращение к рабочим Путиловского завода заведующего административно-экономической секцией правления и президиума завкома в начале августа 1918 г.: «Вы все — даже те, кто критикует Советскую власть, заметьте, вы против... тех или иных ее шагов, но не против Советской власти вообще» (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 2. Д. 175. Л. 8); см. также выступление председателя Петрогубпрофсоюза Н. М. Анцеловича на Беспартийном совещании рабочих Петрограда 14 апреля 1921 г. (Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 70. Л. 11 об.).

¹⁵ Семанов С. Н. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа. С. 107; на заседании Петросовета 4 марта даже один из анархистов, представитель «Арсенала», говорил: «Все хотят вернуться именно к октябрьским завоеваниям. Значит, власть Советов — тот лозунг, который стал перед рабочими...» (Петроградский Совет... Заседание 18. 4. III. 1921 г. Стб. 23).

¹⁶ В выступлении меньшевика Астрова на конференции I-го Городского района в мае—июне 1918 г. сообщалось о том, что рабочие Выборгской стороны не только «вынесли резолюцию с требованием перевыборов в Петроградский Совет», но и «вручили ее под расписку Зиновьеву» (Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов I-го Городского района. С. 262). Однако его речь в поддержку перевыборов содержала политические аспекты, от чего воздерживались рабочие предприятий, выдвинувших это же требование. Примечательно, что в 1918 г. было предложено вручить под расписку Зиновьеву и постановление рабочих Путиловского завода и Верфи с требованием переизбрать Советы (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 1. Д. 91. Л. 18).

¹⁷ Представитель от завода Вестингауз Углицкий, упоминая о требованиях переизбрать Советы, говорил на этой же конференции I-го Городского района: «Это верно, товарищи, что туда попали люди, не защищающие наши интересы. Это вы можете видеть в каждом заводе и слышать от каждого старого ремесленника» (Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов I-го Городского района. С. 54—55); см. также постановление общего собрания Путиловского завода и Верфи 28 мая 1918 г.: «Мы, рабочие Путиловского завода и Верфи, признаем необходимым

лагалось переизбрать на основе всеобщего голосования, т. е. по той же схеме, что и Учредительное собрание. Один из главных оппозиционных центров того времени, Путиловский завод, в своей резолюции 28 мая 1918 г. недвусмысленно подчеркивал: «...Мы предписываем заводскому комитету произвести перевыборы в ближайшие дни на основе всеобщего тайного и пропорционального голосования».¹⁸

Наиболее активными сторонниками перевыборов Советов были социалисты; есть основание считать выдвижение этого лозунга в 1918 г. отчасти и следствием инициативы оппозиционных партий. Характерно, что конференция РСДРП(м), состоявшаяся в декабре 1918—январе 1919 г. в условиях временной легализации партии, именно лозунг перевыборов Советов сделала ключевым политическим требованием вместо прежнего лозунга передачи власти Учредительному собранию.

Требование перевыборов Советов вновь оказалось выдвинутым на первый план во время кризиса 1921 г. И здесь не обошлось без инициативы меньшевиков, поскольку именно ими были предложены знаменитые резолюции на заводах Новый Лесснер и Дюмо, позднее растиражированные на других предприятиях. Небезынтересно сравнить, как буквально на протяжении нескольких недель модифицировался в рабочих документах лозунг перевыборов Советов. «Комиссия 7-ми», избранная на общем собрании Балтийского завода 10 февраля 1921 г. для уточнения пожеланий рабочих, предложила переизбрать Петросовет «тайным голосованием для тех, кто имеет право участвовать в перевыборах»,¹⁹ и, если не считать знаменательной оговорки о тайном голосовании,²⁰ этот «политический» пункт представляется в целом умеренным.²¹ Но уже в постановлении общего собрания рабочих завода Новый Лесснер 14 февраля 1921 г. содержится требование «тайного, прямого, всеобщего и равного для всех трудящихся права выборов в Советы и все представительные органы Республики», дополненное к тому же лозунгом «немедленных перевыборов Советов при полной свободе устной и печатной избирательной агитации».²² Это расширение формулиров-

---

переизбрание наших советских представителей ввиду того, что товарищ[и], представляющие в настоящее время Путиловский завод и Верфь в Петроградском Совете, не отражают наших интересов...» (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 1. Д. 91. Л. 18).

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 1. Д. 91. Л. 18.

¹⁹ Там же. Оп. 5. Д. 8. Л. 42.

²⁰ Против этого обычно возражали коммунисты, что видно из протоколов рабочих собраний на городских предприятиях в 1919—1920 гг.

²¹ Отчасти эта умеренность подтверждается и косвенно. Данный пункт обсуждался на совместном заседании Президиума ПГК ВСРМ и представителей Балтийского завода 14 февраля 1921 г. и там упоминалось лишь о том, что «делегаты Балтийского завода не отчитываются и оторваны от рабочих», причем другие мотивировки отсутствовали; возможно, только об этом и говорили представители завода (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 1. Д. 6. Л. 6).

²² Там же. Д. 12. Л. 168 об.

ки, несомненно, в значительной мере являлось следствием политических импровизаций меньшевиков,²³ но все же здесь, даже при ритуальной фразе «для всех трудящихся», замечен уже переход к положениям, далеким от социалистических клише. И, наконец, 5 апреля 1921 г. лозунг перевыборов в наказе другого из стачечных центров — завода Дюмо — излагался уже почти «по-учредилловски»: «Перевыборы Советов, профсоюзов, Петрокоммун и других советских учреждений на общих тайных и равных голосованиях (так в тексте. — С. Я.) всего населения города Петрограда».²⁴ На следующий день после одобрения этого постановления, в наказе 5-го ремонтно-строительного завода, предлагались даже «перевыборы Советов на основе всеобщего избирательного права, прямым... тайным голосованием».²⁵

В это время мы можем увидеть в рабочих постановлениях и прежние умеренные формулировки перевыборов, и выдвижение данного лозунга без каких-либо разъясняющих комментариев. Но уже то, что стало возможным предлагать фактически «надклассовую», «учредилловскую» схему выборов, весьма знаменательно. Это показывает, что хотя рабочие проекты перемен и облекались в осторожные формы, но их смысл не был одинаковым даже на протяжении короткого времени, и умеренность в ряде случаев маскировала радикализм.

И все же — обратим на это особое внимание — прямые выпады против Советской власти были крайне редки. Чаще всего это происходило в особой эмоциональной атмосфере, при бурных столкновениях рабочих и представителей властей. Так, во время событий 8—9 июля 1919 г. на Николаевской железной дороге посланный для усмирения мастерских отряд ЧК, как сообщала «Петроградская правда», «встретили криками: „Давай хлеба“, „Долой Советскую власть“, „Долой гражданскую войну“»,²⁶ но все это сопровождалось стрельбой и дракой. В более спокойной обстановке, на рабочих собраниях, дело заканчивалось лишь выкриками, в их итоговых документах требования ликвидации Советской власти не встречаются.²⁷ Где-то открытое голосование против Советской власти являлось скорее актом политического эпатажа, отражавшим лишь степень озлобления рабочих. На одном из собраний на Александровском заводе, когда поставили вопрос: «Вы

---

²³ А. Каменский, член ЦК РСДРП(м), и предложил эту резолюцию.

²⁴ Наказ рабочих и служащих завода Дюмо, одобренный 5 апреля 1921 г. (ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 86. Л. 87).

²⁵ Там же. Л. 76.

²⁶ Петроградская правда. 1919. 13 июля.

²⁷ Пример — делегатское собрание Обуховского завода 23 июня 1922 г. Выступление здесь рабочего Ларченко о том, что Советская власть «не может дать рабочим то, что им необходимо» и что прежде «Советская власть давала 1/8 фунта хлеба, и сейчас она даст не больше», никак не повлияло на ход собрания и не было отражено в каких-либо резолюциях (ЦГА СПб. Ф. 1275. Оп. 13. Д. 2. Л. 2 об.—3).

за Колчака или за Советскую власть», многие проголосовали за Колчака,²⁸ хотя, конечно, ни о каких симпатиях рабочих к «царскому адмиралу» говорить не приходится.

Не отвергая прямо Советскую власть, рабочие очень часто негативно отзывались о чиновниках, олицетворявших эту власть. Нападки на центральное правительство — Совет Народных Комиссаров — предпринимались редко и обычно содержались в коллективных политических документах.²⁹ Но выражение «комиссар» зачастую имело отрицательный оттенок.³⁰ Обличение бюрократизма стало обычным явлением в пролетарской среде. Подчеркнем, правда, что рабочие нередко считали виновными в «бюрократических извращениях» старых чиновников, полагая, что они, не будучи изгнаны из учреждений, саботируют решения Советской власти. Отчасти эти настроения возникали не без влияния «агиток», которые еще с осени 1917 г. отмечали наличие «саботажа» контрреволюционных элементов в учреждениях и определяли его как причину разрухи в государстве; другой причиной бюрократизма ими признавалось то, что рабочие, занятые на гражданской войне, не могли посвятить себя советской работе.³¹ «В советских учреждениях сидят только белоручки, которые подрывают доверие к Советской власти»,³² «правда, это примазавшиеся оскверня-

---

²⁸ См. протокол «вечера воспоминаний» рабочих завода им. Ленина в 1933 г.: «Никандров: ...когда ставится на голосование вопрос: „кто за Колчака?“, много подняли руки... Кто против Колчака? Не так много было против Колчака (Балуев: 50 человек.) Все-таки было больше против» (ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 300. Л. 38).

²⁹ Известны, впрочем, и индивидуальные отклики. На собрании Путиловского завода и Верфи 8 мая 1918 г. один из выступавших, И. Измайлов, сказал, что «не мешало бы теперешнее правительство вывезти на тачке» (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 1. Д. 91. Л. 18); см. также выступление «беспартийного, но сочувствующего Советской власти» рабочего Хлебозавода № 6 Плинкмана 3 апреля 1921 г.: «Вся система Советского правительства стоит не на тех рельсах, на которых должна находиться. В настоящее время наблюдается бюрократизм и волокита и нет тех лозунгов, которые были начертаны 25 октября 1917 г» (Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 61. Л. 14 об.). Отметим, что именно Плинкман был единогласно избран от рабочих делегатом на Беспартийное совещание. Однако в целом сведений о выступлениях такого рода очень мало.

³⁰ См. ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 70. Л. 7; ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 31. Л. 3; Петроградский Совет. Заседание 5. 17. IX. 1920 г. Стб. 252—253; Степогр. отчет о работах Шестого съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Петербургской губернии в Петербурге. 2—4 янв. 1919 г. Пб., 1919. С. 20.

³¹ См. объяснение корней бюрократизма, данных докладчиками в апреле 1921 г. на общем собрании 8-го отделения ИОГАРЗ: «Отбываясь от белогвардейцев всех пошибов и мастей, рабочему классу не было времени заняться мирным строительством хозяйской жизни... вследствие чего в учреждениях появился бюрократизм и волокита» (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 11. Л. 38 об.) и Ижорского завода (Там же. Ф. 1710. Оп. 45. Д. 61. Л. 1—1 об.).

³² Выступление представителя Трубочного завода на заседании Петросовета о положении на предприятии и настроениях рабочих (Петроградский Совет. Заседание 17. 26. II. 1921 г. Стб. 53—54).

ют советские учреждения»³³ — эти и другие подобные высказывания были характерны для рабочей среды, и их близость к «агиткам» несомненна. Вместе с тем некоторые рабочие не проводили различий между старым и новым чиновничеством, и на одном из заводских собраний в 1921 г. было высказано даже мнение, что «всякий рабочий, пробывший у власти более полугода, становится бюрократом чуть ли не прежнего типа».³⁴ В дополнениях к наказу Беспартийному совещанию рабочих Трубочного завода содержится пожелание «в кратчайший срок удалить тех старых и новых чиновников, которые тормозят работу, заменив их путем новых перевыборов, послав туда лучших работников от станков»,³⁵ а на фабрике Гознак год спустя говорили еще более откровенно: «Нельзя ли вернуть к станкам засидевшихся в канцеляриях „ответственных работников“».³⁶

Вопрос о льготах и «ответственных» пайках приобрел огромное значение в дискуссиях о власти в 1918—1920-х гг. Это неудивительно, если учесть разруху, обусловившую полуголодное существование многих горожан, а также широкое бытование в рабочей среде уравнилельных настроений. Выступления против привилегий для чиновников начались еще с зимы 1917 г. Поначалу они велись (и довольно келейно) в основном среди большевиков и касались установления т. н. партмаксимума. На заседании ПК РСДРП(б) 12 декабря 1917 г. даже некоторые из членов комитета отвергали установление высокой зарплаты партработникам, «мотивируя это тем, что рабочие на местах не зарабатывают столько, несмотря на то, что им приходится жить с семьями», и полагая, что «в связи с этим может возникнуть недовольство в рабочих массах».³⁷ Но характерно, что и в то время эти доводы не имели много сторонников и выступавший на заседании Г. И. Бокий, не смущаясь, заявил: «Ссылаться на то, что капиталисты платят меньше, нам нельзя — не можем же мы идти по стопам капиталистов».³⁸

В 1918—1920-х гг. система привилегированного снабжения чиновников настолько укрепилась и расширилась, что проблемой «ответственных» пайков вынуждены были заняться и верхи. Девятая Всероссийская партконференция (сентябрь 1920 г.) осторожно

---

³³ Выступление рабочего Александровского завода на делегатском собрании 5 апреля 1921 г. (Красная газета. 1921. 6 апр.).

³⁴ Протокол заседания делегатов, коллектива РКП(б), представителей профсоюзов и старост мастерских Невского судостроительного завода (ЦГА СПб. Ф. 4581. Оп. 5. Д. 13. Л. 91).

³⁵ Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 82. Л. 14.

³⁶ Петроградская правда. 1922. 5 марта.

³⁷ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. М.; Л., 1927. С. 376.

³⁸ Там же. С. 377.

призвала к упорядочению оплаты труда «ответственных» работников, но практических последствий это почти не имело.³⁹

Положение изменилось в начале 1921 г., когда ухудшение материального положения рабочих вновь вызвало выдвижение вопроса о пайках и льготах на первый план.⁴⁰ Отчасти это инициировалось спорами между самими рабочими о тарифах и оплате их труда — они являлись тогда очень ожесточенными, хотя и не имели политических оттенков.⁴¹ Дискуссию об «ответственных» пайках можно оценить и как один из этапов рабочих конфликтов, и как естественную их политизацию. Дискуссии об «ответственных» и рабочих пайках развиваясь одновременно, как бы «подстегивали» друг друга, создавая близкие системы аргументации.

Впервые в 1921 г. требование отмены привилегированных пайков появилось в постановлении общего собрания Балтийского завода 14 января 1921 г., один из пунктов которого предлагал «отменить паек ответственных работников, ... т. к. получение ответственными работниками этого пайка вызывает недовольство рабочих и недружелюбное отношение к ним».⁴² Приведенная оговорка очень характерна. Она служила как бы индикатором «благонадежности» и сигнализировала о том, что рабочие, составляя этот в целом оппозиционный текст (сомнительно, чтобы здесь приложил руку профсоюзный активист), воздерживаются от его политизации. Косвенно признаком отсутствия политизации в дискуссии о пайках в это время может считаться и факт обсуждения вопроса о льготах даже на собраниях коллективов РКП(б). В частности, дискуссия о пайках возникла на собрании организаторов и инструкторов партячеек Смольнинского района 2 февраля 1921 г., один из участников которого предлагал: «Ответственные пайки нужно отменить — если сейчас тяжелое время, то давайте его переживать все дружно, и не вносить пайками раздор между членами партии».⁴³

---

³⁹ См.: доклад Н. М. Анцеловича на 3-м Петроградском губернском съезде профсоюзов (февраль 1921 г.): «Почему горячий паек сокращают, спрашивают рабочие, а ответственный нет?» (Третий Петроградский губернский съезд профессиональных союзов. Бюллетень № 1. С. 11); записки, поданные на общем собрании фабрики «Скороход» (апрель 1921 г.): «А почему ответственные работники ездят на автомобиле, а для нас трамваи даже не ходят?» (Красная газета. 1921. 9 апр.), выступление Розанова (представителя Северо-западных ж. д.) на Беспартийном совещании рабочих 1921 г.: «Был принят декрет уничтожить классные вагоны, разве их уничтожили? И теперь одни ездят в классных вагонах, а другие в телячьих. И таких примеров много» (Маховик. 1921. 14 апр.).

⁴⁰ Маховик 1921. 29 янв.; 1, 25 февр.; 12 апр.; Петроградская правда. 1921. 17 февр.; ЦГА СПб. Ф. 1776. Оп. 23. Д. 4. Л. 41—41 об.; Ф. 1788. Оп. 33. Д. 96. Л. 9; Ф. 4591. Оп. 5. Д. 4. Л. 9; Д. 6. Л. 2; Ф. 4804. Оп. 5. Д. 77. Л. 58.

⁴¹ ЦГА СПб. Ф. 1788. Оп. 33. Д. 96. Л. 11; Ф. 4591. Оп. 5. Д. 5. Л. 80; Д. 6. Л. 1. Д. 9. Л. 26 об.; Ф. 6006. Оп. 5. Д. 5. Л. 40—40 об.

⁴² ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 24.

⁴³ ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 57. Л. 4—4 об. Надо, правда, отметить, что его призыв нашел отклик далеко не у всех участников собрания, один из которых при-

Дискуссии об «ответственных» пайках стали ключевыми во время проведения 3-го Петроградского губернского съезда профсоюзов. И уже здесь мы можем отметить некоторые элементы их политизации: требования общего контроля и создания особых органов по льготному распределению, критику всей системы льгот и подчеркивание ее партийного характера, отождествление советских учреждений и лиц, там служащих и нечестным путем получающих паяк, и, наконец, упоминание не просто об «ответственных» пайках, но с обязательной фиксацией общественного положения людей, их имеющих. Уже в выступлении представителя от Союза транспортных рабочих Селюка: «За что же мы боролись, за коммунистическую идею, проводили один общий государственный котел, для кого же мы этот котел сделали? За что мы, рабочие, боролись, того еще нет. У нас все еще существует буржуазная точка зрения»⁴⁴ эти элементы перехода от быта к политике обозначены достаточно явно, хотя итоговое постановление съезда по вопросу о пайках и не имеет политического содержания.⁴⁵

Отчетливые выпады против «ответственных работников» имеют постановление собрания завода «Арсенал» (середина февраля 1921 г.), требовавшее «уничтожения всяких привилегий и усиленных пайков, применяемых в настоящее время к ответственным работникам»,⁴⁶ и наказ 5-го ремонтно-строительного завода 6 апреля 1921 г., призвавший к «уравниванию всех пайков: ответственных и привилегированных без исключения, как профессиональным, так и партийным работникам».⁴⁷ Здесь уже не только говорится о привилегированных пайках, но и прямо указывается, кому они предназначены; тем самым усиливается критика чиновничества и оттеняются политические аспекты продуктового распределения. Хотя наряду с этим в феврале—марте 1921 г. на предприятиях продолжают выдвигать и умеренные требования, без нарочитого упоминания ответственных как получателей льгот, уже сам факт радикализации дискуссии весьма характерен. Примечательно, что к этому времени «ответственные» пайки были отменены,⁴⁸ но споры о них, словно

звал даже «не отменять паяк, а наладить хороший контроль над распределением паяка, чтобы он действительно попадал к работникам» (Там же. Л. 4 об.).

⁴⁴ Третий Петроградский губернский съезд профессиональных союзов. Бюллетень № 3. С. 46.

⁴⁵ См.: постановление «по вопросам продовольствия, распределения предметов первой необходимости и прозодежды», принятое 16 февраля 1921 г.: «...15) Президиуму Петрогубпрофсовета поручается в соответствии с постановлением Совнаркома пересмотреть списки получающих ответственный паяк и уменьшить его нормы, соответственно уменьшению общего паяка рабочих» (Там же. Бюллетень № 4. С. 74).

⁴⁶ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 6. Л. 8.

⁴⁷ Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 86. Л. 76.

⁴⁸ Это было сделано постановлениями Совнаркома РСФСР от 14 января и 8 февраля 1921 года (Декреты Советской власти. М., 1986. Т. XII. С. 328; см. также: Красная газета. 1921. 23 февр.)

по инерции, продолжались и позднее и были отмечены даже на Беспартийном совещании рабочих.⁴⁹

Еще одним элементом дискуссий о власти стали утверждения о нечестности чиновников, их грубости и отказе давать отчет о своих действиях, осуществляемых ими незаконных растратах либо утаивании продуктов и товаров, неправомерности «закрытой» раздачи пайков, отсутствия контроля за ценами.⁵⁰ В постановлении собрания Балтийского завода 19 февраля 1921 г. содержалось даже пожелание «членам Петросовета не занимать должности заведующих столовых».⁵¹ Обычными в рабочей среде были лозунги ревизии государственных органов. Очень активно они выдвигались в знаменитой резолюции Путиловского завода и Верфи — главном идеологическом документе мартовских волнений 1919 г.; в ней отмечалось, что «для успокоения рабочей массы, законно и естественно возмущающейся, мы требуем себе права организации ревизионного рабочего Совета, могущего вмешиваться в [работу] органов государственного распределения с целью внести в них большую систему и планомерность».⁵² Через два года это требование было почти дословно повторено в постановлении собрания завода «Арсенал» (середина февраля 1921 г.), просившего «предоставить право... войти в тесную связь со всеми заводами и фабриками Петрограда для ревизии и контроля всех государственных органов управления».⁵³

Можно отметить еще и другие обвинения, предъявляемые к власти в рабочей среде. Чаше всего чиновников упрекали в неумении работать и главное — в неспособности предоставить рабочим значимые для них материальные ценности. Рабочие бурно реагировали на аресты своих товарищей, не говоря уже о расстрелах; террор, правда, мало затронул рабочих, по сравнению с интеллигенцией и офицерством. В Петрограде в феврале 1921 г. именно слухи о расстреле рабочей демонстрации на Васильевском острове (а не понижение пайка, предпринятое за несколько недель до этого) стали детонатором мощного стачечного взрыва, потрясшего город.⁵⁴

---

⁴⁹ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 70. Л. 9, 105, 172.

⁵⁰ Там же. Д. 75. Л. 14 об.; Д. 70. Л. 61; Ф. 4591. Оп. 7. Д. 12. Л. 322; Красная газета. 1922. 8 июля; Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов. Заседание 5. 17. IX. 1920 г. Стб. 252—253.

⁵¹ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 28.

⁵² Там же. Оп. 1. Д. 91. Л. 5.

⁵³ Там же. Оп. 5. Д. 6. Л. 8.

⁵⁴ См. сообщение о посещении завода Розенкранц делегацией завода «Арсенал» 25 февраля 1921 г.: «Рабочие работали во дворе, к ним подошли и кричали, что на Васильевском острове расстреливают рабочих и мы просим оказать содействие, чтобы мы пошли выручать рабочих Трубочного завода» (Там же. Ф. 1000. Оп. 59. Д. 3. Л. 59); см. также протокол общего собрания организаторов коллективов РКП(б) Петроградского района 2 марта 1921 г. (ЦГАИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 51).

Рабочие редко поддерживали в 1918—1920-х гг. вооруженные восстания против Советской власти. Формирование Ижевско-Воткинского боевого рабочего отряда, выступившего против большевиков в 1918 г.,⁵⁵ равно как и участие фабрично-заводских масс в Астраханском восстании в марте 1919 г.⁵⁶ — пожалуй, исключение из правил, и они не получили никакого отклика в Петрограде. Но уже спустя несколько лет после Октябрьского переворота замечались среди рабочих разговоры о том, что власть становится менее рабочей, что она кормит за счет рабочих другие классы населения, в том числе и прежде привилегированные, «буржуазные». Собственно, именно протест против «ущемления» пролетариата консолидировал мощное течение внутри правящей Российской коммунистической партии — т. н. рабочую оппозицию. Один из ее лидеров, С. Медведев, ссылаясь на доклад Народного комиссариата по продовольствию,⁵⁷ прямо заявил на XI съезде РКП(б) в 1922 г.: «Ресурсы, собиравшиеся нами путем колоссального напряжения..., шли в своей наиболее ценной части в жировых продуктах, на удовлетворение не столько пролетарского состава, сколько прочего населения. И когда мы теперь являемся на рабочие собрания и говорим, что наша республика бедна, то рабочие недоверчиво качают головой, потому что видят, что есть такие слои населения, которые обуты, одеты».⁵⁸ Его поддержал и Д. Мануильский, к рабочей оппозиции никогда не принадлежавший: видимо, слишком широким оказался размах этих, в чем-то схожих с «махаевщиной», настроений рабочих («Я убежден в том, что тот, кто сталкивался с рабочими массами, кто выступал на заводах, неоднократно слышал те заявления, которые делали ликвидаторы после революции 1905—1907 гг.: рабочий класс ничего не выиграл от революции»)⁵⁹ Эти наблюдения во многом подтверждаются и петроградскими материалами. Бурный отклик, который вызывали у городских рабочих сообщения о продуктах, якобы выделенных для костюмированного бала «бывших», либо сведения о повышенных пайках, предоставляемых ученым и артистам, наконец, нападки на мастеров, чей труд оплачивался лучше, — все это стало обычным явлением петроградской жизни в пореволюционное время. Любой намек на то, что к рабочим относятся хуже, чем к другим социальным слоям, приводил к конфликтам, нередко и массовым. Требования социальных привилегий, воспринимаемых как должное, прослеживается во многих рабо-

⁵⁵ Верт Н. История Советского государства. 1900—1991. М., 1992. С. 51.

⁵⁶ Борьба за власть Советов в Астраханском крае (1917—1920 гг.). Документы и материалы. Часть вторая. Астрахань, 1960. С. 21, 22, 154, 160—161, 166, 170, 172.

⁵⁷ Четыре года продработы. М., 1922.

⁵⁸ Одиннадцатый съезд РКП(б). Март—апрель 1922 г. Стеногр. отчет. М., 1961. С. 119—120.

⁵⁹ Там же. С. 437.

чих документах. Неудивительно поэтому, что, когда весной 1918 г. в городе разразилась паника ввиду наступления немецких войск, рабочие, невзирая на призывы агитаторов оказать поддержку «пролетарской власти», сразу же выдвинули требования выдать заработную плату за несколько недель вперед.⁶⁰

Экономические действия властей были главной причиной антигосударственной критики. Их политические акции имели при этом побочное значение, но они тоже должны быть учтены. В числе политических лозунгов, обративших на себя наибольшее внимание рабочих в 1917—1923 гг., необходимо особо отметить три: свободу слова и печати, освобождение политзаключенных, прекращение террора ЧК.

Лозунг свободы слова и печати стал выдвигаться еще с осени 1917 г., в связи с закрытием оппозиционной (и социалистической, и «буржуазной») прессы. Протесты против закрытия газет незамедлительно облекались в политические формы, и на заседании Петроградского ВРК 6 ноября 1917 г. один из представителей делегации печатников обвинил большевиков в том, что они «насиленно заставляют население читать газеты определенного направления».⁶¹ Политические наслоения имели почти все документы печатников, выступавших против закрытия газет,⁶² но материальная подоплека столкновений (опасение потерять жалование и остаться без работы) тогда была ясна многим. Примечательно, что акции в защиту свободы слова не вышли за рамки профсоюзных структур печатников и непосредственно тех полиграфических предприятий, которые были остановлены. Типографии, не подвергшиеся аресту, почти не протестовали. Рабочие же других промышленных отраслей не только не откликнулись на этот конфликт, но кое-где даже принимали постановления, призывавшие закрыть «буржуазную» прессу.⁶³

Лозунг «свободы печати» в 1918—1921 гг. выдвигается преимущественно во время кризисных ситуаций и, являясь элементом межпартийной борьбы, очень часто иницируется социалистами. Постоянно о свободе печати упоминали ораторы на Путиловском заводе — главном стачечном центре 1918—1919 гг.⁶⁴ Имеются сведения о поддержке лозунга свободы слова зимой—

---

⁶⁰ Шелавин К. И. Из истории Петербургского комитета большевиков в 1918 г. // Красная летопись. 1928. № 3 (27). С. 152—153; Дубровский И. О боевых днях (Воспоминания старых рабочих завода «Экономайзер») // В боях за Октябрь. Воспоминания об Октябре за Невской заставой. Л., 1932. С. 63.

⁶¹ Петроградский военно-революционный комитет. С. 144.

⁶² Особо отметим, что многие из них иницировались оппозиционными партиями.

⁶³ Фрайман А. Л. Форпост социалистической революции. Л., 1969. С. 172.

⁶⁴ См. протокол собрания рабочих Путиловского завода 6 марта 1918 г.: «Оратор... предлагает требовать открытия всех газет и восстановить свободу печати» (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 1. Д. 91. Л. 11); на собрании рабочих Путиловского завода 13 марта 1919 г. один из партийно-советских активистов, обращаясь к рабочим, заявлял о том, что «вместо увеличения хлебного пайка вы требуете свободы слова» (Там же. Л. 3); см. также: Бастиионы революции. Страницы истории ленинградских

летом 1918 г. на многих предприятиях, объединенных Чрезвычайным собранием уполномоченных фабрик и заводов.⁶⁵ Полное закрытие оппозиционных газет в августе 1918 г., национализация типографий в 1919—1920 гг., многие из которых работали только по государственным заказам, разгром возглавлявшегося меньшевиками Всероссийского Союза печатников наряду с другими факторами (ужесточение политического контроля, упрочение конформистских установок рабочих) привели к тому, что уже с конца 1919 г. вопрос о свободе печати почти не обсуждался петроградскими пролетариями.⁶⁶

Реанимация лозунга свободы печати произошла в 1921 г., во время февральско-мартовских забастовок в городе. Поначалу постановления о печати были довольно умеренными. На общем собрании «Арсенала» 16 февраля 1921 г. требование свободы слова и печати сопровождали оговоркой «т. к. без них борьба со всякими злоупотреблениями невозможна»⁶⁷ — тем самым преуменьшался его оппозиционный оттенок. Еще более сдержанной представляется трактовка арсенальцами процитированной выше резолюции на заседании представителей завода и Президиума ПГК ВСРМ: «Требую свободу печати, мы не хотим этим сказать, чтобы вновь выходили буржуазные газеты, которые рабочему совершенно не нужны, а чтобы в наших рабочих газетах была шире предоставлена возможность обличать разного рода безобразия».⁶⁸

Однако уже в марте—апреле 1921 г. требование свободы слова и печати повсеместно появилось в фабрично-заводских резолюциях, причем, как правило, вкупе с другими оппозиционными лозунгами, именно как элемент «политического раскрепощения».⁶⁹ О том

заводов. Вып. 2. Борьба за упрочение Советской власти в годы гражданской войны. Л., 1959. С. 19.

⁶⁵ ЦГА СПб. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 13.

⁶⁶ Это не означает, конечно, что в рабочей среде полностью исчезли протесты против ущемления свободы слова — они отражены, например, в стенографических отчетах заседания Петроградского Совета второй половины 1920 г. Примечательно, что даже при изучении «Азбуки коммунизма» в Огнескладе, где присутствовали только коммунисты и сочувствующие, лектору был задан вопрос: «Почему мы боролся всегда за свободу печати, а сами закрыли все газеты, кроме коммунистических» (Протокол беседы об «Азбуке коммунизма». 10 дек. 1920 г. (ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1426. Л. 12)). Отстаивание рабочими права на критику зафиксировано и в протоколах некоторых фабрично-заводских собраний в 1919—1920 гг.

⁶⁷ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 174.

⁶⁸ Там же. Д. 6. Л. 8; ср. поправки к Наказу делегатского собрания Трубочного завода 5 апреля 1921 г.: «В газете „Маховик“, как органе профсоюзов, рабочим предоставить право помещать всевозможные статьи с отражением всей жизни завода... Подаваемые статьи должны быть таковыми, как их мыслят рабочие и как их понимают» (Там же. Д. 14. Л. 11).

⁶⁹ Ср. Наказ рабочих завода Дюмо 5 апреля 1921 г.: «Свобода слова, печати... неприкосновенности личностей всех политических партий» (Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 86. Л. 87); Наказ 5-го ремонтно-строительного завода 6 апреля 1921 г.: «Необхо-

значении, которое стало придаваться свободной печати в это время, красноречиво свидетельствуют прения на заводе «Новое Адмиралтейство», где зафиксировано, например, такое выступление работника Захарова: «Нет ни какого желания принимать участие ни в каких делах из-за отсутствия свободного слова и печати, так как рабочий не имеет права высказать своего мнения».⁷⁰ Интерес к свободе печати был отмечен в марте—апреле 1921 г. и на таких крупных предприятиях, как заводы Новый Лесснер, Дека и Сименс-Шуккерт, Электрическая станция Общества 1886 г.⁷¹ Подчеркнем, что дискуссии о свободной печати в те месяцы не обошли стороной даже коммунистов. На общем собрании Василеостровской парторганизации 22 апреля 1921 г. член РК РКП(б) был принужден полемизировать с рядом ораторов, которые предлагали «полную свободу критики и слова».⁷² Общей приметой общественной жизни города в феврале—марте 1921 г. являлось и недоверие рабочих к официозной прессе.⁷³

Со второй половины 1921 г. лозунг свободы печати, как, впрочем, и другие политические лозунги, исчезает из рабочих документов. Правда, отдельные реплики о свободной прессе отмечались и в 1923 г.,⁷⁴ но это были единичные выступления, никак не отразившиеся в итоговых постановлениях собраний. Лозунг свободы печати являлся неизменной принадлежностью политических резолюций, продуцировавшихся во всех кризисных ситуациях. В относительно спокойной обстановке, когда политизация рабочих документов была ничтожной, он выдвигался очень редко. Происходило это не потому, что он терял свою привлекательность для рабочих,⁷⁵ а потому, что его документальная фиксация, да еще в обрамлении политических оговорок, представлялась современникам крайней, почти маргинальной формой борьбы с властями. В некризисных ситуациях, в условиях разобщенности рабочих и отсутствия коллективных форм защиты, когда власти получали

дима для правильного течения государственной жизни: свобода слова, печати, а также мнений, неприкосновенность личности и жилищ» (Там же. Л. 70).

⁷⁰ Протокол собрания рабочих завода «Новое Адмиралтейство». 16 мая 1921 г. (Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 47).

⁷¹ Там же. Д. 12. Л. 168; Д. 14. Л. 52, 85, 163; *Пухов А. С.* В Петрограде накануне Кронштадтского восстания 1921 г. С. 109.

⁷² ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 31. Л. 6 об.

⁷³ Петроградская правда. 1921. 8 февр.: ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 490. Л. 1 об.; Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 57, 93; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 57. Л. 10.

⁷⁴ См. изложение выступления председателя фабкома типографии им. Гутенберга Ильина на собрании рабочих 25 января 1923 г.: «Прежде было много газет, и из них выбирай, которая нравится, а теперь и выбирать не из чего, так что и агитировать [за подписку] нечего» (Красная газета. 1923. 2 февр.).

⁷⁵ Этого также нельзя отрицать, поскольку сам лозунг зачастую рассматривался как инструмент обеспечения прав рабочих и его значение уменьшалось, когда эти права удавалось получить.

дополнительные рычаги манипулирования массами, выдвижение лозунга свободы печати могло спровоцировать такую реакцию, которую рабочие остерегались вызывать.

Лозунг освобождения политзаключенных начал выдвигаться уже с 1918 г. со времени первых политических арестов социалистов и оппозиционно настроенных рабочих. Где-то требовали выпустить из тюрем всех арестованных меньшевиков и эсеров, где-то — лишь рабочих данного предприятия. Нередко (когда это вызывалось обстоятельствами) общие лозунги сопровождались упоминаниями конкретных лиц, подлежащих освобождению.⁷⁶ Как правило, рабочие говорили лишь об освобождении социалистов, особо подчеркивая это. Лишь во время событий 1921 г. на ряде предприятий стали выступать и за освобождение всех арестованных без учета партийной ориентации, а в наказе завода Дюмо 5 апреля 1921 г. содержалось требование «освободить из тюрем рабочих, крестьян, матросов, красноармейцев, курсантов и всех арестованных лиц, принадлежащих к разным политическим партиям».⁷⁷ Освобождения всех политзаключенных требовали в феврале и апреле 1921 г. и на Электрической станции общества 1886 г. и 5-м ремонтно-строительном заводе.⁷⁸

Активный низовой протест против политических репрессий возникал преимущественно на тех предприятиях, рабочие которых арестовывались за участие в стачках, демонстрациях и митингах.⁷⁹ В прочих же случаях постановления об освобождении политзаключенных в основном предлагались на рабочих собраниях представителями оппозиционных партий. Они выдвигали эти лозунги в купе с требованиями прекращения террора. Немало в рабочих документах, инициированных социалистами, содержалось и нападок на ЧК. О прекращении террора в 1918—1919 гг. очень часто говорилось в документах рабочих Путиловского завода, где позиции меньшевиков были особенно сильны.⁸⁰ Выдвигался этот лозунг и на других заво-

---

⁷⁶ См. постановление общезаводского собрания Путиловского завода 6 августа 1918 г.: «Мы требуем... немедленного освобождения всех арестованных социалистов, в том числе — тов. Глебова» (ЦГА СПб. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 18. Л. 41). Н. Н. Глебов — один из руководителей политической оппозиции на заводе в 1918 г.

⁷⁷ Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 86. Л. 87.

⁷⁸ Пухов А. С. В Петрограде накануне Кронштадтского восстания. С. 109; ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 86. Л. 76.

⁷⁹ Там же; Пухов А. С. Кронштадтский мятеж в 1921 г. М., 1931. С. 125; «Справка о настроениях рабочих и „волюнточном движении“ на фабриках и заводах гор. Петрограда с 25 февраля по 5 марта 1921 г.» // Кронштадтский мятеж. Сборник статей, воспоминаний и документов. Л., 1931. С. 133.

⁸⁰ См. отчет о собрании на Путиловском заводе, помещенный в издании «Заседания уполномоченных фабрик и заводов», № 3—4, 16 апреля 1918 г. В его постановлении отмечалось: «Путиловцы клеймят позором те полицейские меры, какие начинают применяться даже и к нашей организации [Чрезвычайному собранию уполномоченных фабрик и заводов Петрограда]» (ЦГА СПб. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 17.

дах, но не столь активно. В 1920 г. в документах крупнейших предприятий сведений о протестах против террора почти не имеется.

Положение изменилось в 1921 г., когда выпады против карательных органов были зафиксированы во многих рабочих постановлениях. В первую очередь рабочие протестовали против необоснованных арестов.⁸¹ В наказе «Комиссии 7-ми», выбранной на общем собрании Балтийского завода 10 февраля, требовали «вменить в обязанность Чрезвычайной комиссии при всяком аресте рабочего или служащего доводить до сведения завкомов, кои в свою очередь должны принимать меры по выяснению причин ареста».⁸² Близки по содержанию к этому документу и добавления к Наказу Беспартийному совещанию рабочих Обуховского завода: «Все граждане, арестованные Чрезвычайной комиссией и другими властями по всем подозрениям, должны быстро и без волокиты освобождаться; их дело же рассматривается не ЧК заочно, а гласно в народном революционном трибунале».⁸³ Лозунг неприкосновенности личности был выдвинут в середине 1921 г. на заводе Дюмо.⁸⁴ По-видимому, здесь же на собрании возникли и разговоры о конфискации имущества, поскольку на совместном заседании Президиума ПГК ВСРМ и делегатов завода приняли решение «представителям рабочих дать список, где точно указать, кто отобрал, когда и что отобрал, и где, представив его в СРМ».⁸⁵

В документах Беспартийного совещания рабочих положения о терроре сформулированы очень умеренно, 22-й пункт постановления секции Совещания по участию рабочих в советском строительстве гласил следующее: «Здоровую пролетарскую критику непорядков и недостатков... нужно рассматривать не как враждебные

Л. 70 об.); постановление общезаводского собрания Путиловского завода 6 августа 1918 г.: «Мы требуем немедленной отмены смертной казни и расстрелов» (Там же. Д. 18. Л. 41); постановление рабочих Путиловского завода (март 1919 г.): «Мы требуем полной политической амнистии и немедленного освобождения из тюрем, застенков и чрезвычайных всех людей, брошенных туда за убеждения» (Там же. Ф. 4591. Оп. 1. Д. 91. Л. 5—6). Отметим, что все эти постановления представляют собой развернутые политические программы с использованием идеологических клише, характерных для воззваний социалистов. Здесь выражается даже протест против Брестского мира, что очень нетипично для рабочей среды в 1918 г.

⁸¹ На заседании Петросовета 26 февраля 1921 г. председатель Петроградской ЧК Н. П. Комаров сообщал: «В данное время много ходит слухов о том, что ЧК арестовывает рабочих, непричастных к делу» (Там же. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 3. Л. 11).

⁸² Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 8. Л. 42.

⁸³ Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 82. Л. 14.

⁸⁴ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 6. Л. 13.

⁸⁵ Там же; в тот же день Президиум ПГК ВСРМ принял и еще одно постановление по этому вопросу в связи с ситуацией на других заводах: «Представить списки, кого из рабочих обобрали после обыска и кто был арестован за критику на собраниях» (Там же. Л. 4 об.); ср. с добавлениями к Наказу Беспартийному совещанию рабочих Государственного мыловаренного завода № 6: «Отменить всякую конфискацию имущества рабочих и служащих» (ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 82. Л. 14).

выступления против Советской власти, а как полезное дело, которое поможет Советской власти и Союзам...»⁸⁶ Вместе с тем подчеркнем, что на собраниях ряда предприятий в эти месяцы выступления против террора не были столь сдержанными. В постановлении общего собрания завода Новый Лесснер 14 февраля 1921 г. рабочие требовали «полной отмены террора над городом и деревней, над рабочими и крестьянами», причем этот пункт соседствовал с другим: «...восстановление полной свободы слова, печати..., личности и права рабочих и крестьян создавать свои независимые организации и политические партии».⁸⁷ В Наказе 5-го ремонтно-строительного завода 6 апреля 1921 г. требовали «полной амнистии всем политическим заключенным за свои политические убеждения» и «прекращения террора во всех его видах».⁸⁸ Но в целом даже там, где допускались наиболее откровенные антиправительственные выпады, лозунг прекращения террора нередко сопровождался оговоркой, что это нужно для укрепления Советской власти и ликвидации социальных волнений. После 1921 г. в рабочих документах почти нет упоминаний о терроре. И хотя аресты рабочих-оппозиционеров продолжались и не прекращались ходатайства за арестованных, никаких политических аспектов коллективные прошения фабрично-заводских собраний уже не содержали.

В 1922—1923 гг. мы видим исчезновение политических дискуссий в рабочей среде. Оппозиционных политических постановлений на фабрично-заводских собраниях уже никто не принимает, политических рабочих демонстраций нет, забастовки становятся краткими и лишаются даже минимального политического оттенка. Отчасти это произошло из-за изменения экономической политики, вследствие чего ряд вопросов (в частности, о пайках) стал неактуальным либо утратил свою былую значимость. Нельзя отрицать здесь и влияния репрессивных факторов. Мы имеем в виду не только угрозы ЧК (ее сеть значительно расширилась после окончания войны) и усиление политического контроля как итог разветвления контролирующих бюрократических структур и переброски коммунистов к станкам. Тут сказалось и опасение рабочих из-за своей неблагонадежности попасть в черные списки и потерять работу, а безработица стала спутницей НЭПа. Поэтому в ряде случаев корректнее говорить не об исчезновении политической оппозиции среди рабочих, а о ее маскировке, включавшей не только умолчание о своей позиции, но и характерные отмежевания от действий врагов Советской власти.

---

⁸⁶ Там же. Л. 5 об.; ср. с поправками к Наказу Совещанию, выдвинутых делегатами предприятий народной связи: «Здоровая пролетарская критика со стороны рабочих наших беспорядков не дает права никому заподозривать лишь в связи с этим рабочего в контрреволюционности» (Там же. Д. 85. Л. 28).

⁸⁷ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 12. Л. 168.

⁸⁸ Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 86. Л. 76.

Но имело влияние и другое обстоятельство. Изменение политического климата на предприятиях, вытеснение оппозиции способствовали упрочению тех конформистских установок рабочих, которые постоянно давали о себе знать в дискуссиях о власти в годы войны. Политическое приспособление стало одной из форм приспособления экономического и бытового, способом «вживания» в эпоху, поиска опор и ориентиров в новой жизни, и потому оно оказалось столь важным элементом существования человека в революции.

2. Коммунистическая партия

Отвечая на X съезде РКП(б) одному из лидеров «рабочей оппозиции» Игнатову, обвинявшему партию в отрыве от рабочих масс, Н. Бухарин заявил дословно следующее: «Тот отрыв, который произошел, и то нарастание недовольства, которое существует, сводимы ли они только к недостаткам нашего партийного аппарата? Ни капли... Недовольство среди рабочего класса при самой широкой демократии было бы немного меньше, а если бы хлеба было меньше, чем есть сейчас, то это недовольство было бы в тысячу раз больше».⁸⁹ Бухарин здесь обнаружил, несомненно, одну из внутренних пружин дискуссий о Коммунистической партии, и прежде всего их специфические риторические наслоения. Разумеется, в этой цитате нетрудно обнаружить и элементы упрощения проблемы, но в ней точно подмечена многослойность споров, своеобразная идеологическая ретушировка их отдельных элементов, несовпадение внешнего «оформления» и внутреннего содержания дискуссий о партии.

Отмеченное нами выступление Бухарина относится к 1921 г., когда разговоры о партии приобрели в рабочей среде откровенно негативный оттенок. В той же аудитории X съезда РКП(б) не один Бухарин был вынужден обратить на это внимание. С еще большей силой это сделали представители ряда оппозиционных коммунистических течений, в частности А. Коллонтай: «На собрании случается, что если указываешь на коммуниста, который пользуется доверием масс, то про него говорят, что он и на коммуниста-то не похож, поскольку к нему есть доверие, он не такой, как другие».⁹⁰ С той

---

⁸⁹ Десятый съезд РКП(б). Март 1921. Стеногр. отчет. М., 1963. С. 323.

⁹⁰ Там же. С. 102. На заседании Петроградского Совета 4 марта 1921 г. рабочий завода Лесснер Богданов, заявивший о себе: «Я далеко не меньшевик, я ближе к коммунистам», говорил следующее: «Мы, рабочие, видели, когда пришли на завод, что в последнее время нельзя было за коммуниста слова сказать» (Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов. Заседание 18. 4. III. 1921 г. Стб. 35); см. также Материалы о работе завода Роберт Круг в 1921 г.: «На заводе атмосфера накалилась до отказа, сочувствующие и начиненные эсерами и меньшевиками рабочие угрожали избить или вовсе сбросить в реку коммунистов» (ЦГА СПб. Ф. 6276.

или иной степенью откровенности подобные оценки не раз в то время высказывались устами даже не инакомыслящих, а самих партийных лидеров. Но этот итоговый для эпохи военного коммунизма политический вердикт возник не сразу, а имел довольно длительную предысторию.

Развитие партийного дискурса в 1919—1921 гг. связано в первую очередь с институционализацией компартии и превращением ее в доминирующую политическую структуру. Необходимо принять во внимание две особенности политической практики времен гражданской войны, которые определяли отношение рабочих к коммунистам. Во-первых, это упрочение партии именно как властной инстанции, которая брала на себя ответственность за положение дел в государстве и от решений которой зависели благополучие и достаток рабочих. Во-вторых, это превращение партии в некую отдельную, обособленную касту, отчасти привилегированную и — что очень важно — преимущественно отъединенную от рабочих низов, что уже само по себе формировало отношение к большевикам как к «чужим».

Знакомясь со сводками и другими социально-психологическими материалами 1918—1920-х гг., исследователь зачастую мало что может узнать о мотивах антибольшевистских выступлений рабочих. Последние отмечались лишь несколькими строчками либо даже одним словом, причем зачастую необычным и подлежащим дополнительной расшифровке.⁹¹ Устанавливать зависимость колебаний настроений рабочих от изменения социально-экономической ситуации в городе в значительной мере тоже рискованно: здравницы коммунистам звучали и во время продовольственных кризисов. Выяснить причины возникновения антибольшевистских настроений можно лишь по фрагментарным сообщениям и сведениям, собирать

Оп. 269. Д. 1. Л. 9); Говоря о настроении рабочих, «Красная газета» сообщала 5 июня 1921 г.: «В воздухе повисло, как некий очередной лозунг, словечко „беспартийность“» (Красная газета, 1921. 5 июня).

⁹¹ Особенно это было присуще сводкам 1919 г. См. сообщение о заводе Сименс-Гальске на собрании организаторов коллективов РКП(б) Василеостровского района 19 марта 1919 г.: «На заводе есть элементы, выступившие против коммунистов» (ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 17); анкету коллектива РКП(б) Русско-Балтийского моторного завода 29 марта 1919 г. об отношении рабочих к коммунистам: «Незначительная часть рабочих относится враждебно, остальная — пассивно» (Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 145. Л. 336); анкету коллектива РКП(б) 22-й Государственной типографии 6 мая 1919 г.: «Отношение рабочих... к коллективу — среднее» (Там же. Л. 37); анкету коллектива РКП(б) Рождественского трампарка 8 мая 1919 г.: «Отношение рабочих к коллективу — неопределенное» (Там же. Л. 134). В ряде анкет по заводам в 1919 г. отношение рабочих к коммунистам оценивалось как «сомнительное» и «пассивное» (Там же. Л. 135. 338), а в сообщении о Балтийском заводе на собрании организаторов коллективов РКП(б) Василеостровского района 9 июля 1919 г. отмечалось: «... против коммунистов злостное настроение» (Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 59). Никаких других подробностей эти сводки не сообщали.

которые приходится буквально по крупницам.⁹² Нередко фиксировался лишь сам факт антикоммунистических выпадов, без какого-либо их объяснения.⁹³

В дискуссии о партии необходимо различать несколько временных фаз, каждая из которых характеризовалась специфическими, присущими только ей доминантами. Для первой из них, продолжавшейся до начала 1918 г., примечательны обвинения большевиков в узурпации власти и поддержка лозунга правительственной коалиции всех социалистических партий. Частью они были высказаны через профсоюзные органы и потому могут рассматриваться не только как элемент низовой реакции рабочих, но и как следствие противоборства контролировавших профессиональные союзы политических партий. В этом отношении типичной можно назвать резолюцию Центрального Комитета Всероссийского железнодорожного Союза (Викжеля) 28 октября 1917 г.: «Ж[елезно]д[орожный] союз может предоставить весь свой технический аппарат и силы только той организации, которая обязуется образовать однородное социалистическое правительство, представляющее все социалистические партии от большевиков до нар[одных] соц[иалистов] и ответственное перед правомочным органом революционной демократии, имеющим действовать до Учр[едительного] собрания».⁹⁴ Однако лозунг «социалистической коалиции», если верить многочисленным свидетельствам, поддерживали и в низах. Это, кстати, характерно и для масс железнодорожников,⁹⁵ которых некоторые историки пытались отделить от профсоюзной верхушки, противопоставляя их позиции. Разумеется, низовая рабочая инициатива зачастую подготавливалась закулисными профсоюзными маневрами — и меньше-

---

⁹² В ряде случаев, например, об отношении к коммунистам можно узнать лишь по косвенным свидетельствам, в частности, из глухих намеков об инцидентах, связанных с воровством на предприятиях. См. выступление о «провокационных слухах» оратора Антипова на собрании рабочих Завода резиновой промышленности 23 марта 1920 г.: «...был сделан обыск и ничего не было найдено. Это есть лишь провокация и грубая ложь на членов партии» (ЦГА СПб. Ф. 4709. Оп. 4. Д. 61. Л. 60 об.); сообщение о Механическом хлебном заводе на собрании организаторов коллективов РКП(б) Василеостровского района 9 июля 1919 г.: «На днях стоял вопрос о расчете воров. Общее собрание, конечно, оправдало их. Причем был оклеветан коммунист, действительно невиновный» (ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 59).

⁹³ См. протокол собрания коллектива РКП(б) Рождественского трампарка 8 октября 1919 г.: «Товариш Гут добавил, что в рядах рабочих неоднократно слышатся возгласы и нарекания на нашу партию...» (Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 145. Л. 148); отчет агитотдела Выборгского РК РКП(б) за март—май 1920 г. о собрании на заводе «Арсенал»: «Была критика Советской власти и, в частности, затронута Коммунистическая партия» (Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1431. Л. 9 об.).

⁹⁴ Новая жизнь. 1917. 29 окт. Сходной была и позиция Союза табачников, где значительным авторитетом пользовались меньшевики (См.: Пянкратова А. М. Политическая борьба в российском профдвижении. 1917—1918 гг. Л., 1927. С. 112).

⁹⁵ См.: Тяплев А. Очерки по истории движения железнодорожников в революции 1917 года (февраль—октябрь). М., Л., 1925.

вистские профессиональные союзы едва ли отличались в этом отношении от большевистских. Но свидетельств о симпатиях, проявленных рабочими идее коалиционного социалистического правительства, и их протестах против узурпации власти слишком много для того, чтобы их проигнорировать.⁹⁶ «В течение последних дней на подавляющем числе заводов и фабрик... и в профессиональных представительных демократических организациях принимаются резолюции о немедленном прекращении... бойни и об образовании однородной власти всех социалистических партий», — сообщал 3 ноября 1917 г. репортер достаточно осведомленной о рабочих настроениях газеты «Новая жизнь».⁹⁷

Несмотря на антибольшевистские выпады в октябре—ноябре 1917 г., РСДРП(б) не исключалась из числа партий, которым, по мнению рабочих, возможна была передача власти. Отношение к ней в рабочей среде все же отличалось большей терпимостью и меньшей агрессивностью, чем отношение к Керенскому. «Победа... войск Керенского отразится губительно на завоеваниях революции»,⁹⁸ «возврата к прежнему коалиционному правительству быть не может»,⁹⁹ «коалиционное правительство в течение 7-ми месяцев ничего, кроме массовой безработицы и явного противодействия стараниям рабочих наладить расшатанную промышленность, не дало».¹⁰⁰ Деятельность Временного правительства оценивалась осенью 1917 г. большинством рабочих собраний именно такими либо похожими на них формулировками. И примечательно, что все три цитаты взяты из резолюций, требующих прекратить фракционные разногласия между партиями и призывающих к созданию однородного социалистического правительства.

Представления рабочих о несущественности партийных разногласий, равно как и их нежелание делать выбор в пользу лишь

---

⁹⁶ Они фиксировались вплоть до начала 1920-х гг. В «Протоколе беседы» по «Азбуке коммунизма» на Огнескладе 10 декабря 1920 г. отмечен и такой вопрос слушателей: «Разве у нас дик[тату]ра проле[тариа]та, когда у власти стоят ком[муни]сты, ведь это дик[тату]ра ком[мунист]ов?» (ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1426. Л. 12). На Беспартийном совещании рабочих Петрограда 14 апреля 1921 г. слова Н. М. Анцеловича: «(При диктатуре пролетариата заводские комитеты— это частица власти) прервали возгласом: «А есть ведь коллективы коммунистов» (ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 70. Л. 11 об.). Выступая в 1921 г. на Четвертом Всероссийском съезде профсоюзов, Бухарин, например, отмечал, что в «глазах некоторых беспартийных то, что мы осуществляем диктатуру нашей партии, является каким-то грехом, чем-то таким, что заслуживает порицание, чего должен стыдиться каждый порядочный коммунист» (Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов. 17—25 мая 1921 г. Стеногр. отчет. М., 1921. Ч. 1. С. 23).

⁹⁷ Новая жизнь. 1917. 3 нояб.; см. также: Там же. 2 нояб.; Петроградский военный-революционный комитет. Документы и материалы. М., 1966. Т. 2. С. 6—7.

⁹⁸ Постановление собрания рабочих и служащих Механического завода В. Т. Однер // Новая жизнь. 1917. 1 нояб.

⁹⁹ Постановление собрания рабочих завода «Анчар» // Там же. 31 окт.

¹⁰⁰ Постановление собрания рабочих Петроградского трамвайного парка // Там же.

одной из партий социалистического толка, отмечались и в начале 1920-х гг. Характерно, что на предприятиях даже в 1920 г. во время выборов в Совет либо в фабрично-заводские комитеты большинством голосов избирались как коммунисты, так и представители оппозиционных партий.¹⁰¹ В этом отношении примечательна, например, серия записок, направленная в президиум Беспартийного совещания в апреле 1921 г. Мы приведем (с сохранением синтаксиса) лишь несколько из них, достаточно показательных для той среды, которая составляла костяк общегородского собрания. Первая из них не подписана: «Товарищи, скажите, пожалуйста, кто рабочего класса друг и кто враг. Я прав[о] слушаю и не понимаю, каждый оратор хвалит свою партию. Я думаю, что все партии наврали, а поэтому почему же не объединиться всем социалистическим партиям для борьбы за счастье рабочего класса».¹⁰² Очень много похожего мы обнаруживаем и во второй записке. «Я слышу ораторов разных партий, каждая партия хвалит себя, как каждый спекулянт хвалит свой товар, а скажу, у нас не должно быть никаких партий, у нас должна быть одна партия, которая и должна избирать себе правительство, какое ему будет угодно, безо всяких обещаний, и мы от него должны требовать не слов, не посулов, и только дела», — так оценивал сложившуюся ситуацию некто Морозов.¹⁰³

Обвинения в кастовости и в получении привилегий — две доминанты дискурса, характерные для 1918—1921 гг. Коммунисты в это время были для рабочих не просто одной из социалистических партий, более радикальных, нежели другие. Они отчетливо уже ассоциировались с властью и понятия «большевик» и «комиссар» представлялись в то время синонимами. Отношение рабочих к большевистским структурам необходимо объяснять не только политическими и экономическими реалиями 1917—1923 гг., но и стереотипами, сложившимися в массовом сознании в течение многих лет. Признание непосредственной связи между обладанием властью и извлечением личной выгоды из этого было одним из обычных массовых мнений. Поэтому любое явление, подтверждавшее эту связь, вписывалось в упрочившуюся систему представлений, приобретало вследствие этого в массовых оценках особый размах и внушительность, и имело широкий общественный отклик еще и потому, что привилегии коммунистов, сколь бы малыми они не были, реально существовали на фоне всеобщей

---

¹⁰¹ ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1431. Л. 20; Красная газета. 1920. 26 июня.

¹⁰² ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 73. Л. 106.

¹⁰³ Там же. Л. 150 об.; см. также записку рабочего Торвиде (Там же. Л. 93); ср. с выступлением рабочего Сенина на общем собрании фабрики «Скорород» 28 февраля 1921 г.: «Должна быть одна партия рабочих и крестьян, а коммунисты уже сами делают раскол» (Там же. Ф. 1776. Оп. 23. Д. 10. Л. 51).

нишеты и нужды. Конечно, это были льготы не рядовых коммунистов, но лиц, облеченных властью. Рабочие же зачастую не делали различий между верхами и низами компартии. Их мало интересовало, получал ли «ответработник» усиленные пайки в силу своего партийного статуса, либо только потому, что принадлежал к государственным управленческим структурам. «Отношение к коллективу [РКП] плохое, говорят, что коммунисты много получают жалованья и продовольствия», — отмечал один из агитаторов, побывавший на 1-й Государственной гильзовой фабрике в 1919 г.¹⁰⁴ И это сообщение в целом типично как для военного, так и для послевоенного времени.¹⁰⁵

О привилегиях коммунистов в полный голос заговорили уже в 1919 г. «Есть такие коллективы [РКП], которые сумели оградить себя стеной от масс, которые видят задачу в том, чтобы иметь определенные привилегии, взять хорошую квартиру, завести мягкую мебель, не ходить на дежурства и т. д. Местами они создали такое настроение, что на эти коллективы смотрят как на начальство, вместо того, чтобы смотреть на них как на передовых людей», — узнаем мы из выступления Г. Е. Зиновьева на VIII съезде РКП(б).¹⁰⁶ В резолюции Девятой Всероссийской конференции РКП(б) (сентябрь 1920 г.) «Об очередных задачах партийного строительства» на это явление уже обращается особое внимание.¹⁰⁷ Отметим, что в выступлениях рабочих подчеркивался прежде всего интерес как раз к материальным, а не к идеологическим или политическим вопросам. Поэтому именно бытовые конфликты в

---

¹⁰⁴ «Сообщение о жизни 1-й Государственной гильзовой фабрики», составленное агитатором-пропагандистом Меркурьевым (ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 145. Л. 230 об.); см. также отчет репортера «Красной газеты» с выступления на собрании 1-й Государственной табачной фабрики в 1922 г.: «Мы голодаем, нам есть нечего, а коммунисты ходят в каракулях с золотыми кольцами» (Красная газета. 1922. 9 апр.).

¹⁰⁵ Примечательно, что когда в 1919 г. агитаторы попытались провести вербовку в партию рабочих 22-й Типографии, им ответили: «Нечего записываться в партию, все равно есть нечего» (ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 145. Л. 40); ср.: доклад организатора коллектива РКП(б) Хлебозавода № 7 за январь 1920 г.: «Некоторые еще с презрением смотрят на коммунистов как на хозяев выше поставленной власти, якобы в коммунисты записываются ради своей личной выгоды» (Там же. Д. 225. Л. 7); доклад В. Невского о пере выборах в Петроградский Совет на общем собрании рабочих и служащих фабрики «Скороход» 26 октября 1921 г.: «Теперь многие говорят и кричат, что коммунисты... только забрались на тепленькие местечки...» (ЦГА СПб. Ф. 1776. Оп. 23. Д. 10. Л. 33—33 об.).

¹⁰⁶ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М., 1959. С. 294.

¹⁰⁷ Пункт 18 означенной резолюции гласил: «Выработать вполне годные практические меры к устранению неравенства (в условиях жизни, в размере заработка и т. п.) между „спецами“ и ответственными работниками, с одной стороны, и трудящейся массой, с другой стороны. Поскольку это неравенство нарушает демократизм и является источником разложения партии и понижения авторитета коммунистов...» (Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 302).

большей степени, нежели политические разногласия, усиливали негативные элементы дискуссий о компартии. На заседании Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда 13 марта 1918 г. представитель Трубочного завода, говоря о том, что «среди рабочих царит бурное, противобольшевистское настроение», прежде всего упоминал о «материальной» подоплеке споров: «из-за расчетов и вычетов добавочных сумм».¹⁰⁸ «Скверное, часто с обывательской стороны» отношение рабочих к коммунистам отмечалось на 1-й Государственной фабрике одежды в 1920 г.,¹⁰⁹ что на языке той эпохи означало бытовые столкновения. В 1921—1922 гг. зафиксированы и выступления рабочих против предоставления льгот коммунистам при сокращении штатов, распределения одежды «по партийному признаку».¹¹⁰ И не случайно информационная сводка коллектива РКП(б) фабрики Шерис, сообщая о мелких бытовых стычках на предприятиях, делала следующий вердикт, вполне применимый и в целом ко всей городской рабочей среде: «Все таки[е] на первый взгляд мелочи создают нежелательное настроение и отсюда лишнее нареkanie на партию...»¹¹¹

Разрыв между коммунистами и беспартийными весьма активно обсуждался среди петроградских рабочих в 1918—1923 гг. Разговоры в городе о «барстве коммунистов» фиксировались в 1919 г. даже в официозной прессе.¹¹² Антисоветские выпады наблюдались среди отдельных рабочих и во время наступления Юденича осенью 1919 г.¹¹³ Множество призывов к смычке коммунистов и беспартийных содержалось в выступлениях на беспартийных районных конференциях в 1920 г., но эффективность самих этих собраний некоторыми их участниками оценивалась невысоко.¹¹⁴

---

¹⁰⁸ ЦГА СПб. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

¹⁰⁹ Протокол заседания ответственных коллективов РКП(б) Московского района. 10 нояб. 1920 г. (ЦГАИПД. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 68. Л. 14 об.).

¹¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 6261. Оп. 7. Д. 55. Л. 67—67 об.; Ф. 6276. Оп. 6. Д. 75. Л. 15.

¹¹¹ Информационная сводка о состоянии фабрики Шерис в 1923 г. (ЦГАИПД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 415. Л. 161).

¹¹² Петроградская правда. 1919. 11 июля.

¹¹³ См. протокол общего собрания рабочих и служащих 4-й Государственной табачной фабрики 17 октября 1919 г., где сообщалось, что после доклада о подготовке Петрограда к обстрелу «одна работница выкрикнула, что пусть коммунисты не бегут с фронта, а теперь дескать поздно» (ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 269. Д. 93. Л. 75). Однако отметим, что выкрик работницы не нашел поддержки среди рабочих и ей было вынесено порицание.

¹¹⁴ См. выступление Березова на беспартийной конференции Петроградского района в мае 1920 г.: «А если сейчас нам дали собраться на беспартийной конференции, то это так же, как раньше собрал земский начальник мужиков, что мол вот я вас собрал, чтобы побеседовать с вами, но если кто то осмелится сказать против его, то извольте быть арестованы» (ЦГАИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1439. Л. 4). С ним перекликается и выступление рабочего Васильева на собрании Невского судостроительного завода 2 апреля 1921 г.: «В прошлом году также была беспартийная кон-

Ситуация усугублялась еще одним обстоятельством. Ввиду малочисленности коммунистов на предприятиях оказывалось, что значительная их часть занимала довольно высокие посты в фабрично-заводских управленческих структурах. Собственно, у станков оставалась лишь малая часть партийцев, а это подпитывало утверждение о том, что коммунисты стремятся приобрести привилегированное положение. «Что же делается там, где члены [партийной] ячейки занимают те или иные административные места, — сообщал аудитории X съезда РКП(б) представитель оппозиции Сосновский, — там между коммунистами и рабочей массой — сплошная пропасть».¹¹⁵

К 1921 г. пресловутый «зазор» между коммунистами и беспартийными стал на фабриках и заводах Петрограда притчей во языцех. «Сейчас чувствуется большая отчужденность коллективов [РКП] от беспартийных рабочих», — сообщалось в информационном сводке вопросов, заданных рабочими в марте 1921 г.¹¹⁶ После «волынок» пришлось сменить многих организаторов коллективов РКП(б) на предприятиях, а кое-где и целиком партбюро, причем, как разъяснял впоследствии петроградский партработник И. Крайнев, «не потому, что они были плохими работниками, а потому, что их работа по ликвидации „волынки“ вызвала неприязнь беспартийных рабочих».¹¹⁷

На предвыборных собраниях по обсуждению Наказа Беспартийному совещанию в марте—апреле 1921 г. тема взаимоотношений

ференция, тоже нас призывали к работе, а мы сидели, как мебель, кто с нами считался — никто» (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 98); ср. с более поздним откликом — выступлением одного из беспартийных на собрании Адмиралтейского завода при обсуждении Наказа Петросовета во время выборов в Петроградский Совет 6 октября 1922 г.: «Много хороших бумажек коммунисты пишут, да не видно что-то, чтобы они их исполняли... Незачем нам и Наказ принимать» (Петроградская правда. 1922. 20 окт).

¹¹⁵ Десятый съезд РКП(б). С. 81; Достаточно ярким «низовым» комментарием к этому обозначенному в общем плане явлению может служить информация, предоставленная, возможно, в вышестоящие партийные инстанции неким М. Польтовым, обследовавшим коллектив РКП(б) Охтинского снарядного цеха 12 октября 1920 г.: «Отношение рабочих к коллективу пассивное. Причины такого явления оказываются следующие: общее положение, отсутствие работников в коллективе и самое главное, по-моему, именно, что заставляет рабочих быть недовольными коммунистами — это отношение ответственных работников, вышедших из завода, отмежевывавшихся от рабочих». Здесь же отмечается, что один из них, «если приезжает, то вид одежды рабочим бросается в глаза, которые говорят: „Как немного выше — смотришь и приоделся, приобрел квартиру с хорошей мебелью, а мы, рабочие... после!“» (ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 225. Л. 2). Перепись коммунистов в Петрограде, проведенная в январе 1922 г., обнаружила, что у станков находилось лишь 11,6% переписанных членов РКП(б) (см.: *Молотов В.* На шестой год // Красная новь. 1922. № 6 (10). С. 25).

¹¹⁶ ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 490. Л. 1; см. также: ЦГА СПб. Ф. 1776. Оп. 23. Д. 10. Л. 33 об.; Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 27. Рабочий день. 1923. 7 нояб.

¹¹⁷ Сборник материалов Петроградского комитета РКП. Пг., 1921. Вып. 3. С. 68.

членов РКП(б) с беспартийными заняла прочное место.¹¹⁸ Основные сюжеты дискуссии: затрудненность для беспартийных доступа к ответственной советской работе, недоверие к рабочим и обвинение их в контрреволюции (как ответ на критику с их стороны), наличие партийных льгот и привилегий, снобизм и чванство отдельных коммунистов.

Необходимо также отметить, что именно рядовые коммунисты были исполнителями мер, которые едва ли способствовали повышению их авторитета среди рабочих. Упомянем в связи с этим о привлечении коммунистов к обыскам рабочих на проходных предприятий.¹¹⁹ Возникло это явление не случайно: считалось, что именно принадлежность к компартии гарантировала честность и неподкупность обыскивающих, а, следовательно, и эффективность этой акции. Но власти очевидно просчитались в оценках агитационных последствий данного шага. Едва они стали видны, коммунистов сразу же лишили присвоенных ими контрольных функций, но уважение среди рабочих восстанавливалось не столь быстро. Коммунисты в лице своих низовых организаций являлись опорой местной фабрично-заводской администрации. Тем самым они прямо считались виновниками и репрессивных мер, предпринимаемых директорами, и тех производственных неурядиц, возникновение которых также нередко связывалось с действиями заводоуправления. К числу их относились прикрепление рабочим к «своим» предприятиям, взыскание штрафов, отказ в предоставлении отпусков, задержка в выплате заработной платы, неправильное распределения тарифных ставок. Коммунистов подозревали в том, что они собирают информацию о «неблагонадежных» рабочих (что, кстати, подтверждается документами¹²⁰) и затем передают ее в ЧК, их обвиняли в подавлении рабочих волнений.¹²¹ Многие партийные коллективы не пользовались авторитетом среди рабочих и в силу других причин. Подчеркнем, что партийные ячейки были крайне малочисленными, а при

---

¹¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 11.

¹¹⁹ ЦГАИПД. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 7. Л. 7; Ф. 6. Оп. 1. Д. 1424. Л. 68.

¹²⁰ Там же. Ф. 470. Оп. 1. Д. 8. Л. 61; Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 138; Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 103. В постановлении собрания коллектива РКП(б) завода Новый Лессер 24 февраля 1921 г. коммунистам было вменено «в обязанность информировать бюро коллектива о всех происходящих волнениях в мастерских, дабы бюро коллектива могло своевременно принять соответствующие меры и также давать сведения о всех особых замеченных лицах, бастующих массу» (Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 2 а. Л. 14 об.); ср. со сводкой информационного отдела при ревтройке Петроградского района 8 марта 1921 г. о положении в районном трампарке: «Рабочие собираются группами и ведут разговоры, но при приближении кого-нибудь из членов РКП смолкают и расходятся» (Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1226. Л. 7).

¹²¹ «Коммунистической сводной ротой» были подавлены волнения в Рождественском трампарке в 1918 г. «Коммунистическая дружина» участвовала в стычках с рабочими завода «Треугольник» в марте 1919 г. (Петроградская правда. 1919. 20 марта).

мобилизациях зачастую и вовсе распадались.¹²² Многие члены партии не разбирались в политике и не могли дать беспартийным ответ на интересующие их вопросы.¹²³ Обследование коллективов РКП(б), осуществленное в 1920 г., признало неудовлетворительной работу их по многим основным критериям.¹²⁴

Разумеется, нельзя утверждать, что облик коммуниста в восприятии рабочих имел однозначно негативный смысл. Есть много свидетельств о нормальных и даже хороших отношениях между беспартийными рабочими и коммунистическими ячейками. Часть рабочих различала собственно Коммунистическую партию и лиц, ее представляющих и замеченных в неблагоприятных поступках. В какой-то мере это возникло вследствие агитации самих коммунистических активистов, призывавших не идентифицировать партию и тех членов РКП(б), которые ее дискредитируют. В некоторых рабочих документах это разделение проводится, и весьма отчетливо. Примечательна анкета коллектива РКП(б) 2-й Государственной гильзовой фабрики (1919 г.), в которой подчеркивается, что отношение рабочих к Советской власти и партии коммунистов сочувственное, но отношение к коллективу РКП(б) — «посредственное».¹²⁵ В двухнедельной сводке Петроградской районной транспортной ЧК (сентябрь 1920 г.) отмечается то же явление: «Отношение рабочих к РКП в целом вполне сочувственное и лишь имеют место случаи нареканий на отдельных ее членов, благодаря их нетактичным поступкам».¹²⁶ В ряде случаев это противопоставление получало даже подробную мотивацию. На партийном собрании 8-го механического завода 11 марта 1920 г. было зафиксировано и такое выступление некоего Сергеева: «Таких коммунистов у нас вообще нет, как Карл Либкнехт и другие ..., у нас будут идейные коммунисты через три поколения..., работая в продовольствии, они на полфунта не живут».¹²⁷

В документах забастовочной волны 1921 г. также можно обнаружить двойственное отношение рабочих к компартии. В известном постановлении общего собрания завода Дюмо (февраль 1921 г.) содержится требование «выбросить коммунистов-шкурников из

---

¹²² Сборник материалов Петербургского комитета РКП. Пг., 1921. Вып. 2 (июль—декабрь 1920 г.). С. 8; *Романовский В. К.* Консолидация советского рабочего класса. 1921—1928 гг. (на материалах Москвы и Ленинграда). Канд. дисс. Л., 1984. С. 45—46.

¹²³ ЦГА СПб. Ф. 8145. Оп. 1. Д. 18. Л. 1; ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3034. Л. 1; Ф. 6. Оп. 1. Д. 29. Л. 10, 11; Ф. 8145. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

¹²⁴ Сборник материалов Петербургского комитета РКП. Вып. 2. С. 8; *Ваксер А. З.* Из истории классовой борьбы в Петрограде в начале восстановительного периода (январь—апрель 1921 г.) // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 188. Л., 1959. С. 6.

¹²⁵ ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 145. Л. 231.

¹²⁶ ЦГА СПб. Ф. 5125. Оп. 1. Д. 8. Л. 2 об.

¹²⁷ ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 420. Л. 15 об.

партии»,¹²⁸ о таких же настроениях можно узнать и из документов о подготовке и проведении Беспартийного совещания в апреле 1921 г.¹²⁹ Подобные отклики, хотя уже и малочисленные, отмечались и в годы НЭПа.¹³⁰

Ряд документов 1919—1920-х гг. отмечает хорошие отношения рабочих и коммунистов и сочувственное отношение их к Компартии, хотя и не содержит подробной их мотивации. В частности, это явление зафиксировано в 11-й и 22-й Государственных типографиях, 1-м Государственном гильзовом отделе, 2-й и 3-й Государственных гильзовых фабриках.¹³¹ В докладе организатора коллектива РКП(б) Главной станции городских водопроводов 3 марта 1920 г. сообщается о том, что политический доклад по «текущему моменту» «рабочие слушают и охотно вступают в беседу, на что получают ответы и охотно соглашаются..., что нужно взяться за работу», здесь же содержится упоминание о том, что есть рабочие, которые «сочувственно относятся к коллективу».¹³²

Точкой отсчета в переломе взаимоотношений рабочих с коммунистами следует, возможно, считать кронштадтские события 1921 г. Об этом свидетельствуют и мемуаристы, и информаторы партийно-государственных структур. Хотя во время Кронштадтского мятежа на ряде предприятий наблюдались антикоммунистические выпады, информаторы отмечают даже некоторую эйфорию, охватившую часть рабочих после получения известий о ликвидации восстания. Организатор коллектива РКП(б) 2-й Государственной табачной фаб-

---

¹²⁸ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 6. Л. 12.

¹²⁹ См. протокол общего собрания рабочих и служащих Государственного фарфорового и стекольного завода 2 апреля 1921 г.: «Тов. Сиротинин сказал, что некоторые коммунисты для личных своих интересов присосались к Советской власти, когда как раньше они валялись пьяными и у кабаков, что тов. Сиротинин со своей стороны считает недопустимым и назвал таковых „паразитами“ и заявил, что таковым людям не место в Советской России» (Там же. Оп. 5. Д. 7. Л. 176). В выступлении делегата Беспартийного совещания от Хлебозавода № 24 мая 1921 г. с отчетом о его работе отмечались разговоры на Совещании о том, что «в Коммунистическую партию пролезло много проходимцев, которые только принесут вред Советской власти» (Там же. Ф. 6261. Оп. 6. Д. 57. Л. 22).

¹³⁰ Там же. Оп. 6. Д. 73. Л. 4; Ф. 1275. Оп. 13. Д. 3. Л. 11.

¹³¹ ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 225. Л. 20; Д. 145. Л. 19—20, 240, 243, 263, 271 ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 3. Д. 22. Л. 122 об; см. также «сводку работы за две недели» по Рождественскому району, представленную литколлегией района: «В то же время среди рабочих настроения сочувственные нашей партии» (Петроградская правда. 1919. 7 марта); доклад о пере выборах Петросовета на собрании организаторов коллективов РКП(б) Василеостровского района 22 декабря 1919 г.: «Сейчас настроения рабочих безусловно в нашу пользу» (ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 117). «Со стороны немногих сознательных тов[аришей] очень внимательное» отношение к коллективу РКП(б) было отмечено в анкете коллектива РКП(б) 4-й Государственной табачной фабрики 9 апреля 1919 г. (Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 145. Л. 191), а в анкетах 9 мая и 26 мая 1919 г. — даже «вполне сознательное» отношение рабочих к коммунистам (Там же. Л. 192, 193).

¹³² ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 225. Л. 17—17 об.

рики сообщал, например, что после его доклада об освобождении Кронштадта рабочие «были очень рады..., даже не давали проходу, что с победой нашей просили по несколько штук папирос».¹³³ В политсводке Штаба внутренней обороны Петрограда 24 марта 1921 г. особо подчеркивалось, что «после Кронштадтского мятежа частично наблюдались случаи, когда беспартийные... становились на точку зрения коммунистов; вчера многие беспартийные выражали желание быть на общем партийном собрании во Дворце [имени] Урицкого».¹³⁴

Здесь сказалось влияние нескольких факторов, и в первую очередь «фактора Козловского», определившего настороженное отношение рабочих к матросам, а также сочувствие «жертвам Кронштадта» (оно подчеркнуто и в сводках) и опасение оказаться причисленным к контрреволюции или быть мобилизованным на фронт.

Этот перелом удалось закрепить в последующие годы. В 1922—1923 гг. информаторы повсеместно отмечают улучшение отношений рабочих с коммунистами. Член Петросовета Дударов на собрании рабочих государственных типографий Московско-Нарвского района в октябре 1923 г. по выборам в Петросовет заметил, что рабочие уже не подчеркивают свою беспартийность, объясняя это тем, что «каждый понял, что РКП проводит правильную линию для улучшения быта рабочих и крестьян».¹³⁵ Повышение авторитета коллективов РКП(б) и их влияния на рабочих было отмечено на таких предприятиях, как Гвоздильный завод, фабрика Бух, 2-я Государственная табачная фабрика, завод «Красная звезда», типография ПЕПО, фабрика «Рабочий».¹³⁶ О том, что настроение рабочих «вполне соответствует коммунистическим взглядам», сообщалось в информационной сводке коллектива РКП(б) завода «Стенька Разин» в 1923 г.¹³⁷ В информационном отчете коллектива РКП(б) завода

---

¹³³ Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 106.

¹³⁴ Там же. Л. 33; ср. с воспоминаниями Н. П. Пясецкого о работе коллектива РКП(б) 1-й Государственной табачной фабрики в 1920—1922 гг.: «Полный перелом в беспартийных массах... получился после событий под Кронштадтом» (Там же. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3034. Л. 4 об.).

¹³⁵ Цит. по: *Шкаратан О. И.* Изменения в составе фабрично-заводских рабочих г. Ленинграда (1917—1928 гг.). С. 443.; ср. с выступлением уполномоченного от рабочих Журкина на общем собрании Типографии милиции 5 марта 1923 г. в связи с поднесением ячейке РКП(б) знамени ко дню 25-летнего юбилея РСДРП: «По существу беспартийный рабочий не является беспартийным уже потому, что он рабочий, а партия РКП — рабочая партия, которая имеет своим идеалом объединение и защиту интересов пролетариата против мирового капитала» (ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 7. Д. 90. Л. 48).

¹³⁶ ЦГАИПД. Ф. 84. Оп. 1. Д. 96. Л. 14 об.; Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 98; Ф. 1987. Оп. 1. Д. 1а. Л. 39 об.; ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 7. Д. 6. Л. 344; Ф. 4804. Оп. 7. Д. 91. Л. 6.

¹³⁷ ЦГАИПД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 415. Л. 114.

«Красная звезда» за 1922 г. подчеркивалось, что «на все обращения к[оллектив]а беспартийная масса откликается и идет навстречу»,¹³⁸ а на заводе Новый Лесснер было замечено даже «паломничество» рабочих, стремившихся попасть на XII съезд РКП(б).¹³⁹

Особо отметим процедуру поднесения знамен от рабочих партийным ячейкам в 1923 г. в честь 25-летия образования РСДРП.¹⁴⁰ Разумеется, это был привнесенный извне и в определенной степени даже навязанный рабочим ритуал, но едва ли он мог репродуцироваться на фабриках и заводах без массовой поддержки. Понятно, правда, и то, что это явление не могло бы принять столь широкие масштабы, если бы именно в первые годы НЭПа не убыстрилось бы вытеснение оппозиционных рабочих с предприятий, равно как и не был бы предпринят и ряд других, схожих с этим политико-репрессивных акций. Но мы также не должны игнорировать в событиях 1923 г. и специфичный эмоциональный момент. Многие из действий, рассматриваемых историками как элемент поддержки коммунистов — и демонстрации против ноты Керзона, и праздники поднесения знамен, — это прежде всего красочные зрелища, будившие чувства масс и поощрявшие их стихийную эйфорию.

В политических сводках мы, как правило, встречаемся лишь со «вторичной» передачей информаторами настроений рабочих. Их прямую речь мы слышим очень редко, сведения информаторов не только отрывочны, но и не свободны от субъективности и пристрастности. Менее всего заботит информаторов объяснение причин поворота рабочих к РКП(б), и о них можно узнать (и то лишь приблизительно), обратившись к показаниям косвенных источников. В ряде отчетов указывалось, что повышению авторитета коллективов РКП(б) во многом способствовало то, что они отчасти в условиях НЭПа брали на себя функции защиты прав рабочих. Увеличение числа рабочих-партийцев у станков уменьшило анклажность партакчейки на предприятиях и имело немалое значение для нормализации отношений коммунистов и беспартийных. С другой стороны, это и поубавило число антикоммунистических выпадов в цехах, и сведения об этом, попадая в отчеты и политсводки, кое-где создавали довольно радужную картину сосуществования партакчеек и фабрично-заводских масс.

---

¹³⁸ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 98.

¹³⁹ Протокол собрания коллектива РКП с уполномоченными и завкомом завода Новый Лесснер. 8 мая 1923 г. (Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 4а. Л. 19).

¹⁴⁰ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 7. Д. 6. Л. 214 об.; Д. 14. Л. 39; Ф. 1275. Оп. 13. Д. 7. Л. 1; Ф. 4804. Оп. 7. Д. 90. Л. 48. Общепартийная кампания, впрочем, не исключала и местных импровизаций. На 2-й Государственной табачной фабрике беспартийные предложили в 1923 г. создать инициативную группу для подготовки празднования 5-летия коллектива РКП(б) фабрики (ЦГАИПД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 415. Л. 93).

Дополнительным источником, также проливающим свет на историю взаимоотношений коммунистов и рабочих, могут служить сведения о выборах в профсоюзные комитеты на предприятиях. В документах 1918—1920-х гг. можно обнаружить свидетельства и о том, что списки кандидатов в ФЗК, предложенные коллективами РКП(б), одобрялись большинством голосов,¹⁴¹ но обычно во время выборов в профкомы шла сложная, порой закулисная борьба. Нередко список, предложенный коммунистами, существенно изменялся, составлялись и одобрялись смешанные списки из двух, представленных коммунистами и беспартийными.¹⁴² На Невской ниточной фабрике 24 ноября 1919 г. «ввиду нареканий со стороны отдельных лиц, будто бы комитет ведет свои действия и свои работы неправильно» предложили список кандидатов в новый фабком, причем «исключительно из партийных товарищей», но собрание постановило оставить полномочия прежнему фабкому, куда, кстати, входил и член Коммунистической партии.¹⁴³

Однако в 1919—1920-х гг. иногда происходило и отклонение коллективистских списков. Это было зафиксировано, в частности, на заводе «Петроград».¹⁴⁴ 1-й Государственной словолитне,¹⁴⁵ Охтинском снарядном отделе Адмиралтейского судостроительного завода.¹⁴⁶ Во время выборов ФЗК в 1-й Государственной словолитне 6 марта 1920 г. выдвижение списка коммунистов мотивировали тем, что «коллективисты будут ответственны не только перед общим собранием, но и перед партией и поэтому от них можно ожидать более планомерной работы», однако, как отмечалось в протоколе, «все доводы не убеждают большинства [участников] собрания и после продолжительных и горячих прений... список коллектива в целом отвергается...».¹⁴⁷ Скандалом закончилось собрание на фабрике «Светоч» 14 ноября 1919 г. После того как был выдвинут альтернативный коммунистическому список от беспартийных, «возник шум, споры, председатель и секретарь поки-

---

¹⁴¹ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 3. Д. 16. Л. 104; Ф. 4804. Оп. 4. Д. 19. Л. 6 об., 214.

¹⁴² Во время выборов завкома на заводе Вестингауз 16 декабря 1919 г. коллективом РКП(б) были предложены четыре кандидатуры, из которых собрание рабочих одобрило три (Там же. Ф. 4591. Оп. 3. Д. 16. Л. 20—20 об.). Шесть кандидатов были предложены коллективом РКП(б) во время выборов завкома завода Новое Адмиралтейство 27 апреля 1920 г., из них избранными оказались трое (Там же. Оп. 4. Д. 11. Л. 187).

¹⁴³ Протокол собрания рабочих Невской ниточной фабрики. 24 нояб. 1919 г. (Там же. Ф. 6255. Оп. 17. Д. 83. Л. 24).

¹⁴⁴ См. протокол собрания рабочих завода «Петроград» 26 апр. 1920 г. (Там же. Ф. 4591. Оп. 4. Д. 11. Л. 65).

¹⁴⁵ См. протокол собрания рабочих 1-й Государственной словолитни 6 марта 1920 г. (Там же. Ф. 4804. Оп. 4. Д. 19. Л. 48).

¹⁴⁶ См. протокол общего собрания рабочих Охтинского снарядного отдела Адмиралтейского судостроительного завода 9 июля 1920 г. (Там же. Ф. 4591. Оп. 4. Д. 11. Л. 53).

¹⁴⁷ Там же. Ф. 4804. Оп. 4. Д. 19. Л. 48.

дают собрание, с ними с собрания уходит часть рабочих».¹⁴⁸ Споры были отмечены и при обсуждении списка коммунистов во время выборов в ФЗК в 24-й Государственной типографии 11 сентября 1919 г. Здесь некто Марголин требовал «разъяснения о заслугах предлагаемых лиц перед рабочими, бросая коллективу обвинения в том, что он, не излагая таковых, выносит на обсуждение своих кандидатов».¹⁴⁹ Косвенным свидетельством сложности борьбы за влияние на фабзавкомы служат данные о тактических приемах, применявшихся во время выборов коммунистами. В числе их — проведение только открытого (но не тайного) голосования, переголосование итогов выборов либо неутверждение кандидатур по формальным критериям.¹⁵⁰

В 1921—1923 гг. отклонения партийных списков стали наблюдаться очень редко, но отзвуки прежней борьбы за ФЗК еще давали о себе знать. Данных о том, кто был инициаторами отвода списков коммунистов, равно как и о механике этих действий, документы 1921—1923 гг. (так же, как и сводки и отчеты 1919—1920-х гг.) почти не содержат. На заседании коллектива РКП(б) 1-й Табачной фабрики 14 декабря 1921 г. при обсуждении итогов выборов на общем собрании, которое «произвело неблагоприятное впечатление на членов партии ввиду того, что здесь была явная подготовка определенной группы рабочих... для срыва кандидатов, выставленных от коллектива», высказывалось мнение, что «те самые товарищи, которые поднимали бузу во время кронштадтской волынки и были даже некоторые арестованы впоследствии, и обратно приняты через профорганы на фабрику, они и провели определенную кампанию против коммунистов».¹⁵¹ В типографии «Сеятель», как отмечалось в отчете за март—июль 1923 г., во время выборов в ФЗК «выявилась политическая физиономия некоторых „рабочих“, являющихся противником организации РКП и видящих лишний „кнут“ в лице каждого коммуниста».¹⁵² Но даже эти скудные сведения являлись в основном догадками, никаких конкретных фактов документы не приводят.

«Коллективистский» список был отклонен 19 марта 1923 г. при выборах в ФЗК типографии им. Гутенберга.¹⁵³ Во время обсуждения кандидатур в завком на делегатском собрании рабочих и служа-

¹⁴⁸ Там же. Оп. 3. Д. 22. Л. 109 об.—110.

¹⁴⁹ Протокол собрания рабочих 24-й Государственной типографии. 11 сент. 1919 г. (Там же. Л. 88).

¹⁵⁰ ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 57. Л. 25; ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 3. Д. 22. Л. 94—94 об.; Ф. 4591. Оп. 4. Д. 11. Л. 257—257 об.

¹⁵¹ ЦГАИПД. Ф. 81. Оп. 1. Д. 8. Л. 61.

¹⁵² «Справка» об итогах «культурной связи тип[ографии] Откомхоза с типографией «Сеятель» и Билстопечатной им. тов. Маклина». Март—июль 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 7. Д. 91. Л. 35).

¹⁵³ Там же. Д. 90. Л. 67 об.

ших Авторемонтного завода им. Плетнева 31 марта 1923 г., несмотря на призыв организатора коллектива РКП(б) Макеева «выбирать людей партийных, которые могли бы быть ответственны перед партией», один из рабочих, Богачев, заявил, что «для нас все ответственные, как партийные, так и беспартийные», и собрание решило продлить полномочия прежнего состава завкома.¹⁵⁴ Подчеркнем также, что в некоторых выступлениях на фабрично-заводских собраниях в 1923 г. высказывалась мысль о том, что поскольку речь идет о выборах рабочих органов, то они и должны формироваться прежде всего по профессиональному, а не партийному признаку.¹⁵⁵

В кампании по выборам в фабзавкомы не всегда следует усматривать политический аспект.¹⁵⁶ Разрушение системы социальной защиты рабочих (а они зорко оберегали свой привилегированный социальный статус), угроза профессиональной независимости, изменение групповых традиций и стереотипов и даже нарушение процедурных деталей могли иметь здесь столь же существенное значение, как и политические программы. В целом же необходимо отметить деполитизацию дискуссий о компартии в 1922—1923 гг. — явление, аналогичное прекращению публичных политических дебатов о власти в эти годы и обусловленное им. Оно, как уже отмечалось, было определено и идеологическими, и экономическими новациями эпохи НЭПа и представляло важнейший этап формирования общественного конформизма в России.

3. Военный коммунизм

Два элемента военного коммунизма стали объектом бурного обсуждения в петроградской рабочей среде в конце 1910—начале

---

¹⁵⁴ Там же. Ф. 4591. Оп. 7. Д. 6. Л. 306 об. Показательны в этом отношении дебаты, возникшие во время выборов ФЗК в 3-й Государственной типографии 19 марта 1923 г. Докладчик, выступивший по вопросу о выборах, рекомендовал «остановиться на списке кандидатов, предложенных делегатским собранием..., особенно упирая на представителей РКП как наиболее желательных». Далее в протоколе читаем: «Т. Дамаскина, отмечая плодотворную работу беспартийных, рекомендует руководствоваться не партийностью, а исключительно признаком деловитости кандидата. Т. Куликов ратует за кандидатов от РКП. Т. Тарасов настаивает на кандидатах свободной воли, но дельных и энергичных. Т. Быстров высказывается за кандидатов, выдвинутых общим..., а не делегатским [собранием]. Т. Абрамов за список, включающий в себя больше кандидатов РКП. Тов. Скиндер и Николаев рекомендуют голосовать персонально, независимо от списка» (Там же. Ф. 4804. Оп. 7. Д. 90. Л. 70 об.—71).

¹⁵⁵ В выступлении рабочего Механического цеха Балтийского завода Рысица на делегатском собрании Балтзавода 23 февраля 1923 г. прямо говорилось: «Завком есть рабочая организация, а потому и выборы должны происходить непосредственно от самих рабочих, а в данном случае инициатива выборов происходит от коллектива коммунистов» (Там же. Ф. 4591. Оп. 7. Д. 12. Л. 57 об.).

¹⁵⁶ Особенно это характерно для 1922—1923 гг.

1920-х гг. Это прикрепление рабочих к предприятиям и запрещение свободной торговли.

Первые меры по ограничению «свободы труда» начали предприниматься уже в 1918 г., когда были объявлены мобилизованными рабочие ряда отраслей военной промышленности. В марте 1919 г. статус военнотружеников получили рабочие речного и морского транспорта и судовые ремонтники, а вслед за этим — рабочие предприятий, связанных с заготовкой топлива. В 1920 г. в числе мобилизованных оказались рабочие и служащие предприятий лесной, угольной, торфяной, нефтяной, строительной и электротехнической промышленности, водного и железнодорожного транспорта. Наряду с этим осуществлялось перераспределение трудовой силы, перевод рабочих с закрытых предприятий на еще действующие, при закреплении их на новых местах работы. Отметим, что самовольный уход с работы при этом оценивался как дезертирство, что влекло за собой применение административных мер. В октябре 1918 г. было принято решение о введении трудовых книжек,¹⁵⁷ хотя и не связанное напрямую с милитаризацией труда, но также воспринятое частью рабочих как попытка их «закрепощения».¹⁵⁸

Наиболее активно вопрос о милитаризации труда начал обсуждаться зимой и весной 1921 года. Пункт о свободе труда содержался во многих резолюциях фабрично-заводских собраний, одобренных рабочими в феврале—апреле 1921 г.¹⁵⁹ Одним из первых этот лозунг был выдвинут на заводе Дюмо. Общее собрание рабочих завода 10 февраля 1921 г. потребовало «свободного труда, то есть свободного перехода с завода на завод».¹⁶⁰

В дальнейшем, во время социальных волнений в городе весной 1921 г., этот лозунг, оказавшись в составе политических оппозиционных резолюций, в ряде случаев стал рассматриваться как элемент общего «раскрепощения», включавшего, разумеется, и раскрепощение политическое. В наказе 5-го ремонтно-строительного завода (апрель 1921 г.) он был, например, сформулирован следующим образом: «свобода труда, кустарной промышленности на началах артельных и товарищеских»,¹⁶¹ т. е. предусматривалось не только открепление от предприятий, но и разрешение заниматься частным предпринимательством. Еще сильнее эта тенденция расширить рамки дискуссии дала о себе знать в одном из наказов

---

¹⁵⁷ Гимпельсон Е. Г. Советский рабочий класс. 1918—1920 гг. Социально-политические изменения. М., 1982. С. 133.

¹⁵⁸ См., например, протокол собрания коллектива РКП(б) Хлебозавода № 12 14 мая 1920 г.: «Товарищем организатором было доложено о трудовых книжках, ... он указал на распространяемые слухи разными лицами, будто бы трудовыми книжками закрепощают рабочих» (ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 421. Л. 10).

¹⁵⁹ Ваксер А. З. Указ. соч. С. 30—31.

¹⁶⁰ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 12. Л. 46.

¹⁶¹ Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 86. Л. 76.

рабочих-металлистов Беспартийному совещанию (апрель 1921 г.), в котором требовалось «полное раскрепощение трудящихся и свободное передвижение в отрасли труда по всей республике».¹⁶² Основываясь на таком расширительном толковании этого лозунга, «Красная газета» не случайно в то время писала, что «свобода труда — лозунг, выброшенный меньшевистско-эсеровскими агентами».¹⁶³

Вопрос о политическом содержании лозунга «свобода труда» достаточно сложен. То, что он имел преимущественно экономическую подоплеку, несомненно. Но бесспорно и то, что отсутствие права на переход быстрее и легче удавалось оппозиционным партиям связать именно с отсутствием политической свободы вообще. Поэтому закономерно, что данный лозунг был неизменной принадлежностью почти всех политических резолюций. Показателем политизации лозунга может служить и выдвижение его, как правило, в абстрактных, расплывчатых формулировках — именно в виде «свободы труда» или даже «раскрепощения», а не права переходить на другие предприятия. Но очень трудно определить, имели ли в виду рабочие при отстаивании «свободы труда» ее политическое содержание, либо они воспользовались политическими клише, которые лишь маскировали экономические интересы фабрично-заводских масс.

В целом о политизации этого лозунга можно говорить лишь условно. Сами рабочие преуменьшали политические аспекты «свободы труда», и в большинстве случаев касались только его экономико-бытового содержания. Это обстоятельство, кстати, было замечено и при обсуждении постановлений заводов Дюмо и «Арсенал» Президиумом ПГК ВСРМ. В протоколе совместного заседания Президиума и представителей рабочих Дюмо 14 февраля 1921 г. пункт о «свободе труда» после обмена мнениями получил такую интерпретацию: «Оказывается, что вопрос стоит не в плоскости свободного труда..., а в том, что за отсутствием средств передвижения и квартир вблизи завода некоторым рабочим приходится очень далеко ходить, а некоторые из них не используются по своей профессии».¹⁶⁴ Похожую мотивацию мы обнаруживаем и при интерпретации на заседании Президиума 16 февраля 1921 г. пункта о «свободе труда», включенного в постановление завода «Арсенал»: «После обмена мнениями выяснилось, что вопрос не стоит о введении в рабоче-

---

¹⁶² Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 8. Л. 41.

¹⁶³ Красная газета. 1921. 2 апр. Такой же настрой был характерен и для газеты «Маховик», которая писала, что меньшевики и эсеры «пользуются тяжелым положением рабочих..., подсовывают им всякие требования о „свободе торговли“, о „свободе от труда“» (Передовая статья «Не на таковских напали» // Маховик. 1921. 24 февр.).

¹⁶⁴ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 6. Л. 12.

крестьянском государстве формы „свободного труда“, которая в корне нарушает народное хозяйство и предаст рабочих в руки капиталистов, а стоит в плоскости принятия некоторых практических мер». ¹⁶⁵ В какой-то степени свидетельством умеренности постановлений о «свободе труда» являются и преамбулы соответствующих пунктов, объясняющие необходимость «раскрепощения». Даже в довольно политизированном наказе 5-го ремонтно-строительного завода требование перехода сопровождалось оговоркой «ввиду поднятия промышленности», ¹⁶⁶ а формулировка арсенальцев почти полностью состоит из такого рода оговорок: «Для того, чтобы поднять производительность, требуем раскрепощения трудящихся, так как свободный труд принесет больше пользы, чем труд принудительный». ¹⁶⁷

Дискуссии о «свободе труда» осложнялись двумя немаловажными обстоятельствами. Во-первых, рабочие, пытавшиеся добиться свободы перехода на другие предприятия, зачастую умалчивали о подлинных причинах этого: стремлении перейти туда, где имелись возможности получить большой приработок, либо дефицитные продукты и товары, т. е. на хлебозаводы, пекарни, обувные и швейные фабрики. В частности, как сообщал репортер «Маховика» со ссылкой на Экономический отдел Союза рабочих-пищевиков, именно на хлебозаводах было обнаружено немалое число рабочих-металлистов, причем здесь они работали сторожами и чернорабочими. ¹⁶⁸ О последствиях «свободного перехода» довольно откровенно говорилось в то время на делегатском собрании завода Нобель: «Ежели так сделаешь, то токари пойдут в пекарю..., слесарь пойдет на „Скороход“, чтобы поближе к ботинкам». ¹⁶⁹ Вместе с тем именно подлинные причины интереса к «свободе труда» отходили в выступлениях рабочих на второй план. На первом же плане оказывались мотивировки, долженствующие показать не меркантильные расчеты, а «благонамеренные» побуждения («поднять производство», «улучшить жизнь республики») и тем самым, в соответствии с тогдашними традициями, повысить шансы на успех обращений рабочих. Вот эти-то выступления рабочих и подхватывала официозная пресса, представляя, что устремление фабрично-заводских масс не имеют ничего общего с эсеро-меньшевистскими трактовками «свободы труда».

---

¹⁶⁵ Там же. Л. 8 об.; здесь же отражены причины недовольства рабочих: «отсутствие средств передвижения и квартир поблизости завода», и было отмечено также то обстоятельство, что «во время войны (скрываясь от военной службы) пришло много рабочих других специальностей, которые в настоящее время хотели бы работать по специальности» (Там же).

¹⁶⁶ Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 86. Л. 76.

¹⁶⁷ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 6. Л. 8 об.

¹⁶⁸ Маховик. 1921. 1 февр.

¹⁶⁹ Красная газета. 1921. 7 апр.

Во-вторых, дискуссия о «свободе труда» формировалась и усложнялась в тех условиях, когда государственные и профсоюзные структуры, идя навстречу рабочим, постепенно ослабляли «крепостные» стеснения. 9 апреля 1921 г. постановлением Совнаркома РСФСР фактически был разрешен свободный переход.¹⁷⁰ Его регламентация уточнялась Правилами о переходе из одного предприятия в другое, утвержденными Наркоматом труда и ВЦСПС 23 апреля 1921 г. 29 апреля 1921 г. было опубликовано подписанное заместителем председателя Губисполкома Г. Е. Евдокимовым соответствующее постановление по Петрограду.¹⁷¹ Аргументация, направленная против лозунга «свободы труда», не очень-то поспевала за законодательными новациями, что придавало ей двусмысленность и лишало ее цельности. «Ввести такой порядок [свободу перехода] немедленно, сейчас же, завтра — и в результате получится окончательный развал слабого транспорта, ослабление многих предприятий, необходимых всему рабочему классу для восстановления хозяйства, а может быть и окончательная приостановка», — все это печаталось в «Красной газете» буквально за несколько дней до того, когда «такой порядок» действительно был законодательно закреплён.¹⁷²

Лозунг «свободы труда» стал исчезать из рабочих дискуссий с конца весны 1921 г. и уже осенью 1921 г. о нем почти перестали говорить.¹⁷³ Нэповская практика сделала ненужным прикрепление рабочих к предприятиям, поскольку проводился курс на концентрацию промышленности. Экономический эксперимент, начатый в 1921 г., быстро прекратил дискуссию и по другому вопросу, в еще большей степени привлечшего внимание рабочих, — о «свободе торговли».

Свобода торговли была полностью ликвидирована в 1918—1920-х гг. в результате серии последовательно проведенных ограничительных мер. В годы войны постепенно сокращался ассортимент продуктов и товаров, разрешенных к продаже, пока, наконец, рынки вовсе не запретили в 1920 г. Это вызывало глухое недовольство рабочих, кое-где отразившееся и в оппозиционных резолюциях. Требования разрешить свободную торговлю были выдвинуты в 1918 г. на Обуховском и Путиловском заводах, фабриках Паль, Торнтон и «Скороход».¹⁷⁴ В 1919 г. протесты горожан, и, в частности, рабочих, вызвало решение о прекращении пассажир-

---

¹⁷⁰ Романовский В. К. Консолидация советского рабочего класса. С. 50; Красная газета. 1921. 10 апр.

¹⁷¹ Вестник Петросовета. 1921. 4 мая.

¹⁷² Красная газета. 1921. 2 апр.

¹⁷³ Одно из очень редких исключений — прения на делегатском собрании Обуховского завода 26 октября 1921 г. где вновь обсуждался вопрос о свободном труде (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 65 об.). Конкретное содержание дискуссии не уточняется, но вполне возможно, что речь шла о медлительности в проведении начал новой трудостроительной политики — это действительно имело место.

¹⁷⁴ Потехин М. Н. Первый Совет пролетарской диктатуры. Л., 1966. С. 136.

ских перевозок на железных дорогах.¹⁷⁵ Но самым массовым ответом на экономические новации властей стало мешочничество, которым занимались многие петроградские рабочие,¹⁷⁶ и которое в 1918—1919 гг. еще вынуждены были разрешать власти.¹⁷⁷

Вместе с тем выступления рабочих в защиту свободной торговли в 1919—1920 гг. нередко сочетались с протестами против высоких цен и «спекуляций» на рынках. Именно опираясь на эти настроения, власти смогли полностью прекратить свободный товарообмен в городе осенью 1920 г.¹⁷⁸ «Рабочие наших заводов требовали это сделать», — заявил один из ораторов на заседании Петросовета 17 сентября 1920 г.¹⁷⁹ Немаловажным в глазах рабочих было и то обстоятельство, что реквизируемые у торговцев продукты и товары намеревались раздать населению Петрограда.

К 1921 г. маятник настроений качнулся уже в иную сторону. На Балтийском заводе в это время рабочие спрашивали докладчиков: «Зачем рынки закрыли, обещали все продукты распределять между рабочими, а между тем ничего не распределялось»;¹⁸⁰ словами «никогда не говорили» прервали на заседании секции Беспартийного совещания докладчика, сообщавшего о том, что рабочие сами просили закрыть рынки.¹⁸¹

В январе и отчасти в феврале 1921 г. лозунг «свободы торговли» выдвигался в умеренных формулировках. Постановление общего собрания Балтийского завода 14 января 1921 г. даже не употребляло этого слова, здесь говорилось об отмене разверстки и снятии за-

---

¹⁷⁵ См.: Воспоминания рабочего Сторожевого цеха Северной судостроительной верфи П. Белякова, составленные к 19 марта 1927 г., о протестах на митинге в Народном доме в марте 1999 г. (ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 269. Д. 8. Л. 141). Характерна и оговорка мемуариста: «...с трибуны никто не пошел заявить, что вы это делаете с целью, только говорили между собой» (Там же).

¹⁷⁶ Даже пресса вынуждена была писать о «повальном увлечении целых групп пролетарским мешочничеством» (Красная газета. 1921. 24 авг.).

¹⁷⁷ *Баевский Д. А.* Рабочий класс в первые годы Советской власти. 1917—1921 гг. М., 1974. С. 218.

¹⁷⁸ Разумеется, какие-то начатки торговли в городе оставались вплоть до введения НЭПа, существовал и «черный рынок». См.: *Дан Ф.* Два года скитаний. С. 102.

¹⁷⁹ Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов. Заседание 5. 17. IX. 1920 г. Стб. 252. Примечательно, что оратор возмущался тем, как медленно это решение проводится в жизнь и даже вопрошал: «А где наша многоуважаемая милиция»? (Там же); ср. с выступлением работницы Алексеевой на заседании Петроградского Совета 3 декабря 1920 г. в прениях по докладу о «неделе ребенка»: «И нам надо следить за тем, нет ли где спрятанной обуви у буржуев, которые ждут свободы торговли и прячут детские сапожки. Им, конечно, легко жить при свободе торговли, им не надо работать» (Там же. Заседание 10. 3. XII. 1920 г. Стб. 501).

¹⁸⁰ Третий Петроградский губернский съезд профессиональных союзов. Бюллетень 2. С. 18.

¹⁸¹ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 75.

градотрядов.¹⁸² Действия заградотрядов вызвали наибольшее порицание рабочих: на одном из фабрично-заводских собраний их даже назвали «лучшими агитаторами против Советской власти».¹⁸³ Нападки на заградотряды не могла игнорировать и официозная пресса, видевшая в числе причин неприяни рабочих то, что «со стороны заградительных отрядов были некоторые чрезмерные крайности, бывали несправедливости, иногда злоупотребления, бывало невнимательное, чисто формальное отношение к рабочим, провозящим продукты действительно по крайней нужде».¹⁸⁴ На фабрично-заводских собраниях же рабочие высказывались гораздо жестче. «Вспомните, как они у голодных баб с ребятишками последнее отнимали, да и тошно станет», — говорил один из выступавших на собрании Невского судостроительного завода 2 апреля 1921 г.¹⁸⁵

Однако вопрос о разрешении свободной торговли в полном объеме в феврале 1921 г. на многих крупнейших предприятиях города еще не ставился. Постановление рабочих завода Дюмо требовало только «свободного проезда по жел[езным] дор[огам] как женам рабочих, так и семьям рабочих», причем на совместном заседании заводских рабочих и Президиума ПГК ВСРМ 14 февраля 1921 г. «при обсуждении выяснилось, что вопрос не стоит в плоскости массовых поездок без ограничений, а в более упрощенном способе выдачи рабочим пропусков и билетов на проезд по ж[елезной] д[ороге]».¹⁸⁶ Когда же на этом заседании зашла речь собственно о свободной торговле, то и здесь «выяснилось, что вопрос ставится рабочими не о свободной торговле (спекуляции), а упорядочении способа выдачи рабочим предметов первой необходимости».¹⁸⁷ Подобные формулировки мы можем встретить и в протоколе совместного заседания Президиума ПГК ВСРМ с представителями рабочих Кабельного завода, выдвинувших требование свободного проезда.¹⁸⁸ Как весьма умеренную можно оценить ре-

---

¹⁸² Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 24. «Маховик» сообщал в начале февраля 1912 г. о том, что на заседании Петроградской губпартконференции металлистов был оглашен наказ одной из мастерских Балтийского завода, который «требовал открытия рынков, свободы передвижения по железным дорогам и всяких других спекулятивных свобод» (Маховик. 1921. 4 февр.). Однако отсутствие конкретных деталей в сообщении не позволяет точно оценить степень радикальности этого постановления.

¹⁸³ Протокол общего собрания рабочих 2-й Государственной фабрики производства одежды. 2 марта 1921 г. (Там же. Ф. 6006. Оп. 5. Д. 5. Л. 14 об.).

¹⁸⁴ Маховик. 1921. 26 февр.

¹⁸⁵ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 98.

¹⁸⁶ Там же. Д. 6. Л. 12.

¹⁸⁷ Там же. Это разъяснение позволило публицисту газеты «Маховик» Г. Валентинову даже утверждать, что «все они [рабочие Дюмо] такие же враги „свободной торговли“, спекуляции, как и все рабочие» (Маховик. 1921. 25 февр.).

¹⁸⁸ «После обмена мнениями обеих сторон выяснилось, что вопрос не ставится в плоскости разрешения свободного без ограничения проезда по жел[езным] дор[огам].

золюцию общего собрания завода «Арсенал». Она требовала предоставить рабочим организациям право производить закупку продовольствия без вмешательства государственных продорганов, но «по определенной норме». Роспуск заградотрядов здесь не предусматривался, но предполагалось, что их возглавят профработники, избранные рабочими. Устанавливалась также норма провозимых «для личного потребления» продуктов, не подлежащих изъятию.¹⁸⁹ Примерно такими же были и требования рабочих Петроградского трампарка, выдвинутые в конце февраля 1921 г.: «увеличение нормы провоза продовольствия, установление контроля над заградительными отрядами по всей республике и снятие контроля в Петрограде».¹⁹⁰ На фабрике «Светоч» 28 февраля 1921 г., несмотря на выкрики отдельных рабочих, желавших «свободной торговли», этот лозунг был отвергнут и принято постановление, призывавшее к увеличению норм провоза продовольствия и установлению контроля над заградотрядами в России, причем в Петроградской губернии их предполагалось полностью снять.¹⁹¹

Начиная со второй половины февраля 1921 г. рабочие в своих резолюциях уже не ограничиваются паллиативными мерами. В частности, в конце февраля свободной торговли потребовали работницы Невской ниточной фабрики.¹⁹² Пункт о свободной торговле в фабрично-заводских постановлениях тех дней предлагается, как правило, без разъясняющих оговорок, призванных доказать «благонадежность» рабочих. Большая раскованность в выдвижении радикальных требований отчасти была связана с известным решением Петросовета 26 февраля 1921 г. о снятии с 1 марта заградотрядов в Петроградской губернии и сообщением о подготовке перехода от продразверстки к продналогу. Вместе с тем необходимо отметить, что переход от умеренности к радикализму произошел не сразу и не везде. Говорить о некоей унификации взглядов рабочих по вопросу о свободной торговле нельзя: в одно и то же время на различных предприятиях принимались и резолюции, содержавшие реликты прежних «торговых» дискуссий, и постановления, требовавшие корен-

---

ибо ясно всем, что свободные поездки разрушат наш... транспорт и сыграют только в руку спекулянту...» (Протокол совместного заседания Президиума ПГК ВСРМ и представителей Кабельного завода. 14 февр. 1921 г. (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 6. Л. 2)). Стороны согласились с тем, что необходимо «добиться, чтобы заградительные отряды считались с удостоверениями рабочих, выдаваемыми союзными организациями и не отбирать провозимые рабочими продукты» (Там же).

¹⁸⁹ Маховик. 1921. 26 февр.

¹⁹⁰ Стенограмма вечера воспоминаний о событиях 1921 года (1932 г.). Сообщивший о требованиях Трампарка докладчик Василевский сделал следующую оговорку: «Это имело широкое обсуждение в общегородском масштабе» (ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 228. Л. 5).

¹⁹¹ Справка о настроениях рабочих и «волыночном» движении на фабриках и заводах г. Петрограда. С. 129—130.

¹⁹² Там же. С. 132.

ной ломки военно-коммунистической системы распределения. Сравним два документа: наказ рабочих 5-го ремонтно-строительного завода и наказ, данный мастерами и рабочими сборочно-установочного цеха Балтийского завода. Оба они подготовлены к Беспартийному совещанию, т. е. почти одновременно. Если наказ ремонтников безапелляционно требует «свободного товарообмена и торговли с крестьянами и другими гражданами Советской России»,¹⁹³ то наказ балтийцев более уклончив: «...открытие рынков или чего-либо подобного, дабы рабочий имел бы возможность приобрести крайне необходимые предметы, а также питание».¹⁹⁴ И это ограничение торговли расплывчатыми упоминаниями о каких-то ее «подобиях», и оговорка о продаже только «крайне необходимых предметов» возвращают нас именно к дискуссиям начала февраля 1921 г. Другой пункт резолюции ремонтников требует «свободного проезда по железн[ым], шоссейн[ым] и водн[ым] путям не только рабоч[им] и служащ[им], а всех гражд[ан] Сов[етской] Росс[ии]».¹⁹⁵ Это место изложено в постановлении балтийцев следующим образом: «...разрешить свободный проезд рабочему или его семье, специально для провоза чего-либо необходимого из продуктов хоть 1 раз в месяц».¹⁹⁶ Здесь умеренность балтийцев выступает еще более наглядно: признается необходимость мотивировки поездки и установления ее частоты.

Разумеется, различие степеней умеренности фабрично-заводских резолюций не всегда адекватно отражала градацию настроений рабочих. Многие определялось авторитетом партийных и профсоюзных руководителей, составлявших и предлагавших постановления, умелой агитацией, силой и эффективностью политического контроля, равно как и другими особенностями конкретной ситуации на предприятии. Однако в дискуссиях о торговле манипулирование массами давало не очень обильные плоды. Для большинства петроградских рабочих было характерно стремление отменить все торговые запреты. Отсюда и выступления рабочих за расширенный («московский») вариант свободной торговли и протесты против вновь вводимых ограничений на поездки¹⁹⁷ и

---

¹⁹³ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 86. Л. 76.

¹⁹⁴ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 8. Л. 41.

¹⁹⁵ Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 86. Л. 76.

¹⁹⁶ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 8. Л. 41.

¹⁹⁷ Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 75. Л. 46 об.; Д. 86. Л. 155; Маховик. 1921. 17 мая. Насмешками встречали рабочие предупреждение чиновников об опасности свободной торговли. Когда в апреле 1921 г. на заседании секции Беспартийного совещания по улучшению быта рабочих один из продовольственных работников, Осипов, призвал «подумать, что из всего этого выйдет, как бы не вышло плохо для рабочего», его прервали репликой: «Подумаешь, как теперь хорошо для рабочего» (Там же. Д. 75. Л. 45). Здесь же во время выступления члена Правления Петрокоммуны Копылова, говорившего о том, что «может народиться особый класс посред-

неприятие государственного посредничества при товарообмене.¹⁹⁸

В прессе была развернута мощная агитационная кампания против свободной торговли.¹⁹⁹ После снятия запретов на куплю-продажу в марте 1921 г. антиторговая аргументация лишь слегка изменилась, но основные ее постулаты оказались нетронутыми вплоть до осени 1921 г. Утверждалось, что свободная торговля нужна только спекулянтам, что рабочим она ничего не даст, но они потеряют из-за «грабительских» цен последние сбережения, что разрешение купли-продажи приведет к сбоям в государственном продовольственном снабжении фабрик и заводов. Незначительность модификации этой аргументации весной 1921 г. (вольная торговля признавалась уже как вынужденная неизбежность, но рабочим рекомендовалось заниматься ею «организованно» и только при посредничестве государственно-кооперативных органов) была связана с тем, что торговый эксперимент оказался обставленным десятком ограничений, и власти считали его временной мерой, в ряде случаев даже не упоминая о свободной торговле, но используя термин «товарообмен».

В прессе весной 1921 г. взгляды чиновников на куплю-продажу пытались отождествить с настроениями рабочих, но даже из приведенных ею кратких свидетельств видно, что антиторговая кампания не имела существенного влияния на фабрично-заводские массы. Разумеется, рабочие возмущались высокими ценами на рынках и отсутствием ряда продаваемых там продуктов в составе госснабжения. Но делать при этом вывод (чем и занималась пресса) об антиторговых настроениях рабочих никаких оснований нет. «Петроградская правда» сообщала в августе 1921 г. о том, что «среди работников и рабочих ведутся разговоры...: „Зачем разрешили свободную торговлю“»,²⁰⁰ но и она равно как и другие газеты, не могла привести

ников, особый класс спекулянтов», раздались возгласы: «Он уже давно родился в самой Петрокоммуне» (Там же. Л. 44).

¹⁹⁸ См. выступление профсоюзного работника Вейнберга на заседании IV Всероссийского съезда профсоюзов 18 мая 1921 г. о ситуации в Петрограде: «Мы были вынуждены разрешить отдельным заводским кооперативам самостоятельный товарообмен. Вот каково, в этом отношении, настроение у рабочих. Мы всячески боролись против этого, но все же до настоящего момента преодолеть это настроение никак не удалось» (Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов. Ч. 2. С. 10).

¹⁹⁹ См. заметку Ф. Правдина «Заград[ительные] отряды нужны» (Маховик. 1921. 16 февр.), статью И. Десятова «Свободная торговля» (Красная газета. 1921. 26 февр.), передовую статью «Всегда вместе» (Маховик. 1921. 24 марта); статью Д. Трилиссера «Нельзя молчать» (Красная газета. 1921. 14 мая); заметку рабочего «Арсенала» А. Иванова «Вот тебе и рынок открыт» (Там же. 27 мая), передовую статью «Уроки» (Там же. 19 июля), заметку А. Тихомирова «Что даст свободная торговля» (Маховик. 1921. 12 марта); статью Гр. Валентинова «Снятие заградительных отрядов» (Там же. 26 февр.), передовую статью «Продналог и кооперация» (Петроградская правда. 1921. 14 мая), статью М. Колосова «Вольный рынок» (Красная газета. 1921. 9 апр.).

²⁰⁰ Петроградская правда. 1921. 10 авг.

ни одного конкретного факта, который недвусмысленно бы свидетельствовал о желании фабрично-заводских масс вернуться к военно-коммунистической системе распределения.

4. Новая экономическая политика

Дискуссии о новой экономической политике выявили одну примечательную особенность: многие рабочие игнорировали политические аспекты нэповских акций. Они безучастно воспринимали рассуждения о политической опасности НЭПа и о том, что не надо его опасаться, поскольку власть принадлежит пролетариату. Они слабо откликались на уверения в том, что НЭП, несмотря на капиталистический оттенок, укрепляет именно социализм в России. Они прошли мимо всех этих агитационных ухищрений, не обращая на них особого внимания. Их интересовало другое: социальные последствия нэповских новшеств. Это обстоятельство отчетливо обнаруживается уже в откликах рабочих на денационализацию предприятий.

Передача государственных предприятий частным владельцам была допущена в мае 1921 г. и узаконена Декретом Совнаркома РСФСР от 5-го июля 1921 г. «О порядке сдачи в аренду предприятий, подведомственных ВСНХ». ²⁰¹ Прочные позиции частник в 1921—1923 гг. приобрел в основном в торговле. ²⁰² Из промышленных предприятий его интересовали лишь те, которые не требовали больших капиталовложений и приносили быструю прибыль, в первую очередь кондитерские фабрики и пекарни. В целом же денационализация в Петрограде шла довольно медленно и к январю 1922 г. было сдано в аренду 67 промышленных предприятий. ²⁰³

Возможно, это была одна из причин того, что дискуссии об аренде почти не затронули петроградскую рабочую среду. Открытых выступлений против денационализации не отмечают ни протоколы фабрично-заводских собраний, ни политсводки, ни публикации официозной печати. Пресса начала кампанию по разъяснению необходимости денационализации, ²⁰⁴ но очень трудно выяснить,

---

²⁰¹ *Присягина Н. А.* Работа партийных организаций среди рабочих и служащих на госкапиталистических и частных предприятиях в период восстановления народного хозяйства. 1921—1925 гг. Автореф. канд. дисс. Л., 1971. С. 11.

²⁰² XV лет диктатуры пролетариата. Экономико-статистический сборник по г. Ленинграду и Ленинградской области. Л., 1932. С. 90; Статистический справочник по г. Ленинграду. Л., 1930. С. 253.

²⁰³ *Арский Р.* Петроградская промышленность в условиях новой экономической политики (обзор за 1921 год) // Справочник петроградского агитатора. 1922. № 5 (18). С. 161.

²⁰⁴ См. статью Н. Кузьмина «Не отречение, а маневрирование» (Петроградская правда. 1921. 17 мая); статью И. П. «Государственный капитализм» (Там же. 18 июня); статью Р. Арского «Концессии и аренды» (Там же. 26 авг.); статью Л. Шер-

возникла ли она вследствие проявления интереса рабочих к этому вопросу и, вообще, кому она в первую очередь предназначалась. Возможно, она адресовалась коммунистам, среди которых, если принять во внимание глухие намеки информаторов (более точные сведения отсутствуют), в основном и проявлялось недовольство новым курсом.²⁰⁵ Не исключено, что эта агиткампания имела и превентивный характер, и была формой выработки новых систем аргументации, призванных упрочить основные идеологические постулаты правящей партии. Она затронула широкий спектр сюжетов, связанных с денационализацией, но уже то, что здесь значительное место было уделено идеологическим аспектам, мало волновавшим рабочих, свидетельствует о ее своеобразной безадресности. Основная черта «арендной» агиткампании — это «подгонка» новой экономической практики под устоявшиеся теоретические клише. Устранение и замена всех блоков прежней идеологической догматики могли вызвать лавинообразный эффект и привести к ее полному распаду — уж слишком эти блоки были увязаны между собой. Поэтому решились лишь на частичную модификацию устаревших постулатов. Ценой за это стала определенная противоречивость, двойственность прежней монолитной системы аргументов. Но сама она устояла. Одним из главных результатов стало достижение внутреннего равновесия, устойчивости ортодоксального идеологического канона, для которого была обязательна антикапиталистическая риторика. А это, в свою очередь, в значительной мере обеспечило сохранение системности, разветвленности и масштабности приемов идеологической «обработки» рабочих.

Агитаторы в годы войны много усилий приложили к тому, чтобы доказать народность нового государства и его социалистические устремления как раз ссылками на передачу фабрик и заводов в руки рабочих. Во время НЭПа им же пришлось доказывать, что именно денационализация укрепляет социализм. Но вот что примечательно. Если в 1918—1919 гг. национализация проводилась отчасти и по инициативе рабочих, то денационализация не вызвала среди них сколько-нибудь заметных откликов: они восприняли ее в основном индифферентно. В ходе трудовых конфликтов на частных предприятиях (невыплата жалованья, увольнения, внеурочные работы, про-

---

берга «Аренда и рабочий класс» (Маховик. 1921. 7 окт.); передовую статью «Пути борьбы» (Красная газета. 1921. 20 окт.).

²⁰⁵ Оно затронуло очень малое число людей, причем мотивировки выхода из партии ввиду несогласия с НЭПом в ряде случаев маскировали подлинные причины: нежелание участвовать в бесплатном коммунистическом труде и различных мобилизациях, платить взносы, исполнять общественную работу, делать отчисления в фонды — это отмечалось и в партийной документации. Версия о широком, массовом недовольстве коммунистов «уступками капиталу» (в частности, вызывавшаяся в усиленном приписывании им фразы: «За что боролись?») является элементом историкографического мифотворчества и не подтверждается документами.

изводственные придирки и т. п.) рабочие, пытаясь вызвать сочувствие у расценочно-конфликтных комиссий, иногда сопровождали свои жалобы политическими оговорками о классовой сущности капиталиста-арендатора. Но об аренде как таковой, о ее необходимости либо о ее альтернативах, они почти не высказывались. Частник обеспечивал рабочим своих предприятий заработки лучшие, чем на государственных фабриках и заводах,²⁰⁶ и это тоже должно быть учтено. Пресса нередко писала о патриархальных отношениях, царивших в частновладельческих мастерских, о защите рабочими своих хозяев от обвинений государственных инспекторов.²⁰⁷ По обыкновению, этому обстоятельству быстро придали политический оттенок,²⁰⁸ хотя и безосновательно, поскольку поступки рабочих имели прежде всего «материальную» подоплеку: классовые симпатии или антипатии, как это видно из имеющихся документов, здесь попросту отсутствовали. Хотя считалось, что рабочие частных предприятий не имеют социальных гарантий и поэтому находятся в худших условиях, чем государственные рабочие,²⁰⁹ тем не менее именно работа у арендатора тогда являлась наиболее привлекательной.

Протоколы фабрично-заводских собраний 1921—1923 гг. не фиксируют ни индивидуальных, ни коллективных протестов против разрешения частнокапиталистической аренды. Чаще всего они отмечают лишь некоторый (и крайне незначительный) интерес рабочих к этому вопросу, но он не имел утилитарного характера. Почти все фабрично-заводские собрания автоматически одобряли аренду и концессии. Это не вызывало ни прений, ни споров.²¹⁰

---

²⁰⁶ Это вынуждена была признать даже пресса. В частности, «Петроградская правда» писала по этому поводу в передовой статье «Первые пути»: «Советское правительство выдвинуло мысль о сдаче в аренду части промышленных предприятий, но здесь на этой почве оно встречается с повседневной демагогией путем создания лучших материальных условий» (Петроградская правда. 1921. 27 окт.).

²⁰⁷ Петроградская правда. 1922. 30 мая; Красная газета. 1922. 4 авг.; 1923. 14 апр.; см. также: *Рафаилова Т. К.* Положение рабочих и классовая борьба на частнокапиталистических предприятиях в период НЭПа. 1921—1929 гг. // Труды Ленинградского технологического ин-та им. Ленсовета. Вып. XLVII. Л., 1958. С. 79.

²⁰⁸ Как указывалось в циркулярном письме ЦК РКП(б) и ВЦСПС от 10 января 1922 г. на частных предприятиях «выкристаллизовывается слой старых деклассированных рабочих и служащих явно белогвардейского пошиба», который стремится свои привычки «прививать отсталой рабочей массе» (*Быкова С. Г.* Борьба советских профсоюзов с нэпманской буржуазией. 1921—1925 гг. Автореф. канд. дисс. М., 1973. С. 14).

²⁰⁹ Петроградская правда. 1923. 29 нояб.; *Барсукова Е. Г.* Партийные и общественные организации на частных промышленных предприятиях в восстановительный период. (1921—1925 гг.) // Труды Московского государственного историко-архивного ин-та. М., 1970. Т. 28. С. 89.

²¹⁰ Собрание рабочих Трубочного завода 5 февраля 1923 г. одобрило даже сдачу в концессию Сахалина, хотя сомнительно, чтобы заводские рабочие разбирались в подробностях этого вопроса.

Пресса об общественной реакции на разрешение аренды сообщала крайне туманно, она редко упоминала конкретные факты, имена, события.²¹¹ Негативное отношение масс, как это видно из газет, вызывала не аренда, а кафе, рестораны, игорные клубы и притоны, недоступные обывателю из-за своей дороговизны. Лишь изредка в письмах рабочих, помещенных прессой, можно узнать о политических мотивах их выпадов против НЭПа. Так, рабочий фабрики «Скороход» Рыбаков в своем письме в газету «Маховик» подчеркивал, что «государство не должно было бы сдавать в аренду вместе с фабрикой и рабочую силу».²¹² Из ответа «Красной газеты» рабочему Северного Кабельного завода Васильеву следовало, что Васильев опасался возврата к прошлому и, в частности, сдачи крупных заводов в аренду.²¹³ Впрочем, эти выступления с идеологическим оттенком исчислялись единицами и в целом были нетипичны для рабочих.

Куда более оживленно обсуждали рабочие другую «нэповскую» меру — введение платности за услуги. Она непосредственно отразилась на их материальном положении. До лета 1921 г. посещение бань, парикмахерских, пользование жильем, городским общественным транспортом, прачечными было бесплатным. С августа 1921 г. стала вновь вводиться платность за услуги, и эта новость была неоднозначно встречена в рабочей среде.

Введение платности сопровождалось агитационной кампанией в прессе. Ее основные аргументы: платность восстановит равенство среди трудящихся, поскольку платить будут все, она послужит улучшению быта рабочих, восстановлению домов, расширению числа услуг и повышению их качества. Особо отмечались два обстоятельства: рабочие получают льготы при оплате услуг, и сама платность будет введена только после установления новых (повышенных) тарифных расценок труда.²¹⁴ Последнее было предпринято с целью смягчить впечатление рабочих от первых нэповских новаций и, возможно, оно отчасти достигло цели. Как бы то ни было, на фабриках и заводах не обнаружилось сколько-нибудь существенного противодействия платности.²¹⁵ Ее восприняли как неизбежность, обусловленную объективными причинами. Споры вызвало другое:

---

²¹¹ Отмечались, например «разговоры о сдаче позиций Советской власти» (Петроградская правда. 1921. 14 авг.), подчеркивалось, что «изустная молва на рынках и базарах изображает ее, эту аренду, как сдачу классовых позиций» (Маховик. 1921. 7 окт.), но более детальных сведений печать обычно не приводит.

²¹² Маховик. 1921. 19 окт.

²¹³ Красная газета. 1923. 7 февр.

²¹⁴ См.: Красная газета. 1921. 3. 10 авг.; Петроградская правда. 1921. 4, 17 авг.

²¹⁵ Председатель ВЦИК М. И. Калинин в ноябре 1921 г. даже утверждал, что «рабочие в настоящее время ничего не хотят получать бесплатно, при условии, что все остальные также будут платить» (М. И. Калинин о профсоюзах. 1919—1945. М., 1958. С. 27).

отставание тарифных ставок от роста цен. Руководитель Петроградского РК РКП(б) Я. Никулихин, выступая в августе 1921 г. говорил «по впечатлению с митингов» о том, что «рабочие приветствуют новую финансовую политику, но боятся, что она будет проведена после введения тарифных ставок».²¹⁶ О том, что эти опасения не являлись беспочвенными, свидетельствует, в частности, выступление одной из работниц 1-й Табачной фабрики в декабре 1921 г. Она призвала обратиться к «высшим органам и гос. власти для разъяснений о том, что не успели еще рабочим утвердить новый тариф и уплачивать, как цены на все поднимаются, и у нас жгучий вопрос стоит не только с электричеством, а и о воде, жилищах и других предметах».²¹⁷ Ей вторил и коммунист Махлин, говоривший на собрании членов Петроградской районной организации РКП(б) в 1921 г. о том, что «наши новые тарифы никогда не успеют за новыми ценами».²¹⁸ В этом же выступлении Махлина предлагалось «услуги рабочим оплачивать учреждениям и предприятиям»²¹⁹ — возможно, такие разговоры были привычны для петроградских рабочих, поскольку с близкими им по содержанию высказываниями спорила пресса.

Наиболее бурно рабочие восприняли введение платности за обучение в 1922 г.²²⁰ и, как отмечалось тогда в одном из докладов, «очень многих удивляет этот вопрос».²²¹ Но возмущение быстро улеглось, а при помощи подоспевшей, как обычно, агитационной кампании в прессе рабочим по старой, окостеневшей пропагандистской схеме разъяснялось, что только плата за обучение улучшит его качество, даст возможность построить новые школы и не позволит рухнуть старым.

Недовольство рабочих вызывали и другие финансовые последствия НЭПа, и в первую очередь рост цен, задержка выдачи жалования и выплата ее денежными суррогатами. Рабочие возмущались дороговизной товаров, высокой инфляцией (особенно быстрый рост цен наблюдался в начале 1922 г. и в 1923 г.), выдачей части зарпла-

---

²¹⁶ Протокол собрания агитаторов Петроградского района. 16 авг. 1921 г. (ЦГА-ИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 34).

²¹⁷ Протокол расширенного собрания коллектива РКП(б) совместно с делегатами женской секции, делегатами отделений и беспартийными 1-й Табачной фабрики. 5 дек. 1921 г. (Там же. Ф. 81. Оп. 1. Д. 8. Л. 34 об.).

²¹⁸ Протокол общерайонного собрания членов РКП(б) Петроградского района. 1921 г. (Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 27).

²¹⁹ Там же. О недовольстве коммунистов введением платности известно и из протокола заседания бюро коллектива РКП(б) Выборгского Трубочного завода (б. Барановского) 31 января 1922 г. Здесь говорилось о том, что «некоторые факты, с которыми сталкиваются рядовые члены партии, в некотором отношении влияют на последних», и к числу таких фактов было, в частности, отнесено введение платности (Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 123 об.).

²²⁰ См. письма рабочих, опубликованные в «Петроградской правде» в мае — июне 1922 г.

²²¹ ЦГА СПб. Ф. 6161. Оп. 7. Д. 43. Л. 44.

ты облигациями золотого и хлебного займов, обменять которые на деньги в банке было трудно и которые сдавались спекулянтам по пониженной цене. Задержка выдачи жалования (она стала повсеместной в 1923 г.) нередко приводила к кратковременным забастовкам. Сдержанно восприняли рабочие введение общегражданского налога в 1923 г. Коммунисты одного из крупнейших заводов — Нового Лесснера — даже предложили перенести его на лиц, «живущих за счет чужого труда, это энпманов и других захребетников».²²² Многочисленные жалобы на материальные трудности были обычны для петроградских рабочих в 1922—1923 гг. На собрании завода «Большевик» 10 сентября 1923 г., в записках докладчика среди вопросов о золотом займе, скачках курса червонца, о том, «почему у нас много бродячих нищих» и «почему червонцы выдают в кассе не по курсу выдачи», есть и один общий вопрос: «Когда рабочему будет жить легче».²²³

Недовольство многих рабочих вызывало установление нового «нэповского» режима труда.²²⁴ С переходом к новой экономической политике вводилось единоначалие на фабриках и заводах, ограничивались права профсоюзов по управлению производством, устанавливался жесткий контроль за соблюдением дисциплины, повышались нормы выработки продукции. «Мы сейчас, за последнее время, видим... эксплуатацию рабочих администрацией или техническим персоналом, в старое прошлое время таких эксплуататоров вывозили на тачке и изгоняли из рабочей среды», — говорилось в прениях на заседании расширенного пленума Невского завода им. Ленина 7 февраля 1923 г.²²⁵ И это не единичный отклик. На 6-й губконференции ВСРМ в 1923 г. представитель Северной верфи Тарасов жаловался на «бесправие рабочих»: «Хозяйственники начинают смотреть теперь на рабочего с точки зрения старого капиталиста. Неоднократно на трибунах рабочие указывали на это..., говорили: „Вот новые Рябушинские появились“. Бывали такие случаи, что члены [правления] треста и управляющий завода, выступая..., говорили один одно, другой другое. И рабочие с мест замечали: „Приказчик с хозяином не могли договориться, как им врать“».²²⁶ «Капиталистическая эксплуатация» на государственных фабриках и заводах отмечалась даже в документах центральных органов комсомола и профсоюзов.²²⁷

²²² ЦГАИПД. Ф. 376. Оп. 1. Д. 3-а. Л. 92 об.

²²³ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 7. Д. 12. Л. 201.

²²⁴ Один из рабочих корреспондентов в письме в газету «Маховик» счел укрепление дисциплины даже формой насаждения принудительного труда (Маховик. 1921. 19 окт.).

²²⁵ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 7. Д. 12. Л. 423 об.

²²⁶ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 7. Д. 8. Л. 141.

²²⁷ См. резолюцию II Всероссийской конференции РКСМ «Итоги проведения решений IV съезда и дальнейшая работа Союза»: «В значительной мере в государ-

Это явление весьма примечательно. Рабочие, отчасти и под влиянием «классовой» пропаганды, оценивали производственный порядок как капиталистический прежде всего в зависимости от степени интенсивности труда. Ссылки агитаторов на некорректность употребления понятия «эксплуатация», на национализацию предприятий и передачу управления ими в руки рабочих успеха на имели. Хозяевами завода рабочие себя не считали, что была вынуждена признать даже пресса.²²⁸ И это не случайно. Внешне все повторяло в общих чертах дооктябрьский порядок вещей. Единоначальный директор нэповской эпохи зачастую вел себя как прежний хозяин, проявляя, во всяком случае, тот же жесткий стиль руководства. Многочисленные отступления от трудового законодательства, объективно вызванные нэповской практикой, ассоциировались с прежним хозяйским произволом, а сокращение штатов многими рассматривалось как увольнение по хозяйской прихоти. Этих внешних совпадений было достаточно, они быстрее убеждали рабочих, чем речи агитаторов, протестовавших против употребления самого термина «эксплуатация».

5. Учредительное собрание

Если попытаться выявить на основании советских исторических публикаций динамику «учредительских» настроений рабочих, то определится ее следующая схема. Рабочие поддерживали созыв Учредительного собрания безоговорочно вплоть до сентября 1917 г.

ственной, а особенно в частной промышленности усиливается капиталистическая тенденция эксплуатации труда подростков как наиболее дешевого труда» (ВЛКСМ в резолюциях его съездов и конференций. 1918—1928. М.; Л., 1929. С. 2); см. также: Отчет ЦК РКСМ 5-му Всероссийскому съезду. М., 1922. С. 9. В составленном в ноябре 1921 г. циркулярном письме ВЦСПС по всем организациям профсоюзов отмечались «новые формы ведения хозяйства в отраслях государственной промышленности на основах хозяйственного расчета, трестирование и возможность конкуренции в производстве, введение сдельных систем заработной платы» и подчеркивалось, что «все это несомненно усиливает элемент эксплуатации наемного труда в производстве» (Цит. по: Андреев А. Профессиональные союзы России в 1921—1922 гг. Пг., 1922. С. 9—10).

²²⁸ «Часть беспартийных рабочих еще не уяснила себе значение пролетарской революции и той роли, которую они в ней играют. Эта часть рабочих смотрит на революцию, как на чью-то революцию, на завод как на чей-то завод» (Петроградская правда. 1921. 24 июня). Эта же газета сообщала, что при обсуждении в одном из женских агиткружков пьесы Г. Гауптмана «Ткачи», во время которого лектор старался «остановиться на местах, ярко характеризующих оплату труда рабочих, эксплуатацию их» работницы шептались: «Тогда спрашивали работу, теперь ведь тоже спрашивают» (Там же. 1922. 4 янв.).

и, с оговорками, до конца ноября 1917 г. Затем в их взглядах обозначился и все более углублялся перелом: негативное отношение к Учредительному собранию на исходе 1917 г. становится преобладающим. Вследствие этого разгон Учредительного собрания 6 января 1918 г. большинство рабочих встретило с одобрением и значительная их часть — безразлично.

Такая точка зрения канонизирована историко-партийной литературой и она частично основана как на трудах большевистских лидеров, в частности Ленина, так и на «антиучредилловских» агитках, бывших фактором идеологической борьбы уже с 1917 г.²²⁹

Ранее мы уже отметили специфику фабрично-заводских резолюций. Они выдвигались на предприятиях, как правило, партийными агитаторами и зачастую отраженные в них лозунги прямо соотносились с тактическими целями той или иной партии в данный момент. В том, что к ноябрю 1917 г. рабочие резолюции осторожно упоминали только о необходимости признания всех советских декретов Учредительным собранием и не касались его будущей судьбы, менее всего следует видеть лишь характерную примету тогдашних пролетарских настроений. Эти резолюции просто отразили очередной зигзаг тактики большевиков по отношению к Учредительному собранию. Разогнать его они пока не решались, но всячески зондировали почву для подготовки этой акции. До той поры, пока результаты выборов в Учредительное собрание не были известны, не нужно было и диктовать условия будущему парламенту: его состав вполне мог оказаться большевистским. Но коль скоро этого не произошло и стало ясно, что контролировать Собрание едва ли удастся, тактические приемы большевиков изменились и соответственно изменились предлагаемые ими резолюции.

Эта соотнесенность фабрично-заводских постановлений и политической тактики большевиков очень характерна. В существующей между ними зависимости очень трудно вычленить первичное и вторичное, причину и следствие. Можно было добиться, пользуясь изощренной техникой манипулирования общественным мнением, принятия «антиучредилловских» резолюций, а затем объявить, что

---

²²⁹ См. наиболее подробное описание Лениным «антиучредилловских» настроений масс, данное им в книге «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» (1920 г.): «...По вопросу специально о том, что значит понятие: „парламентаризм политически изжит“ обязательно точно учесть наш опыт. Не имели ли мы, русские большевики, в сентябре—ноябре 1917 года больше, чем какие угодно западные коммунисты, права считать, что в России парламентаризм политически изжит? Конечно имели... Что в России в сентябре—ноябре 1917 года рабочий класс городов, солдаты и крестьяне были, в силу ряда специальных условий, на редкость подготовлены к принятию советского строя и к разгону самого демократического буржуазного парламента, это совершенно бесспорный и вполне установленный исторический факт» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 43).

выраженные ими настроения рабочих побудили покончить с «учредилловским» экспериментом. Попытки найти критерий истины в скрупулезном сверении дат и установлении последовательности резолюций едва ли дадут верный ответ. Многие из случившегося тогда не получило адекватного отражения в сохранившихся текстах рабочих документов. Есть и другой путь, позволяющий выявить внутренние механизмы политико-психологических перемен — определить степень механичности принятия и репродуцирования политических постановлений рабочих.

Отметим здесь одну немаловажную деталь. Когда обращаешься к текстам «антиучредилловских» коллективных резолюций рабочих, то сразу обращаешь внимание, что их содержание меняется в зависимости от изменения тактики правящей партии. Поэтому необходимо подробнее рассмотреть генезис большевистской «антиучредилловской» аргументации в 1917—1918 гг. Это позволит, во-первых, обнаружить скрытые пружины метаморфоз именно коллективных решений рабочих и тем самым выяснить, могут ли они быть надежным источником для изучения их подлинных настроений, а во-вторых — отчасти ответить на вопрос о том, почему же лозунг Учредительного собрания потерял поддержку в рабочих массах в 1919—1920 гг.

Формирование большевистской «антиучредилловской» аргументации, ее систематизация и генезис представляются достаточно сложным и неоднозначным процессом. Придя к власти, большевики подтвердили назначенную Временным правительством дату выборов в Учредительное собрание (12 ноября 1917 г.), присовокупив к этому еще и обвинение Керенского в затяжке проведения выборов. Это было достаточно логично, если учесть, что большевистская партия выступала за созыв Собрания в марте—октябре 1917 г. Делала она это, однако, не совсем последовательно, с характерными умолчаниями и оговорками, и не случайно так сдержанно и уклончиво говорил об Учредительном собрании Ленин в своих статьях и выступлениях апреля 1917 г. Как ни покажется странным, но данный вопрос, казалось бы, окончательно решенный и VII (Апрельской) конференцией РСДРП(б) и VI съездом РСДРП(б), можно было даже считать дискуссионным. В партийных организациях и в партийной печати все время уточняли и переформулировали, в зависимости от складывавшейся политической ситуации, положения о соотношении Советов и Учредительного собрания, о месте и роли последнего в закреплении результатов революции и т. д.

Дискуссия об иерархии Учредительного собрания и Советов отчасти оказалась инициированной выдвижением лозунга «Вся власть Советам». При определенной автономности местных партийных комитетов в 1917 г. появление «неортодоксальных» точек зрения в «учредилловском» дискурсе было вполне естественным. Отличительной особенностью данных местных импровиза-

ций стало принижение значимости Учредительного собрания: в нем видели то вызывающую досаду «пристройку» к «советскому» зданию, то подсобный инструмент для осуществления «советских» целей.²³⁰ В значительной мере скрытая полемика в большевистских кругах об отношении к Учредительному собранию обеспечила им возможность скоро и довольно открыто перейти в послеоктябрьское время от «учредилловской» к «антиучредилловской» позиции. Это — своеобразная первичная лаборатория, ставшая впоследствии генератором «антиучредилловских» идей.

Два явления обозначили быстро начавшееся оформление и, что очень важно, канонизацию в большевистских кругах «антиучредилловской» аргументации. Это — обнародование первых результатов выборов 12 ноября 1917 г., выявивших довольно скромный успех большевиков (особенно в деревне) по сравнению с другими партиями, и начавшаяся политическая борьба вокруг созыва Собрания 28 ноября 1917 г. Победившим на выборах партиям хотелось побыстрее «подобрать» власть, большевики резко воспротивились этому и, пока еще минуя Учредительное собрание, главный огонь критики направили на «учредилловцев». Это и стало доминирующим элементом «антиучредилловской» кампании вплоть до середины декабря 1917 г., когда Ленин выступил с известными «Тезисами об Учредительном собрании».

Обратим внимание на эпитеты, которые применялись к участникам «учредилловской» демонстрации 28 ноября 1917 г. в резолюции рабочих новоснарядной мастерской Обуховского завода: «небольшие кучки торговцев, спекулянтов, мироедов и всей честолубивой сволочи», «гнусные вожди контрреволюционной шайки», «сатрапы, ловко скрывшиеся под ширмой Учредительного собрания». Сама же демонстрация тут была оценена как «поклонение приспешникам контрреволюционной шайки корниловско-калединской закваски и компании».²³¹ Резолюция, составленная, видимо, одним из местных партийных либо профсоюзных активистов и представлявшая собой несомненную стилистическую импровизацию, вместе с тем ориентировалась уже на общепартийные агитки конца ноября 1917 г. В них все отчетливее проводилась одна мысль: Учредительное собрание становится прибежищем контрреволюционных сил.

Отождествление контрреволюции с «учредилловцами», проводимое в большевистской литературе конца ноября—начала декабря 1917 г., то прямым указанием на кадетов, то теоретизированием по поводу классовой борьбы, имело одно характерное последствие. Оно

---

²³⁰ Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание. Л., 1976. С. 85, 88, 161, 162.

²³¹ Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. М.; Л., 1967. Т. 3. С. 452.

поставило под сомнение и политическую репутацию самого Учредительного собрания, хотя на него пока еще никто не покушался. Для того, чтобы Учредительное собрание явилось полноценным политическим институтом, выражающим подлинные устремления масс, необходима его «классовая» чистка — таковой можно считать уже почти официальную позицию властей, выработанную после событий 28 ноября 1917 г. Она тотчас же получила практическое воплощение в Декрете СНК «Об аресте вождей гражданской войны против революции», фактически лишившем кадетов мандатов членов Учредительного собрания, и отразилась в некоторых фабрично-заводских резолюциях.

В дальнейшем еще будут отмечены модификации этой части «антиучредилковской» аргументации. Подчеркнем только, что увязка Учредительного собрания с российской контрреволюцией и, как следующий шаг в данной кампании, сомнение в целесообразности самого института Собрания вскоре стали привычными в партийных кругах. Первым важнейшим большевистским документом, в систематическом и разработанном виде отразившим эти настроения, стали подготовленные Лениным и обнародованные им 12 декабря 1917 г. «Тезисы об Учредительном собрании».²³² Ленинские тезисы в известной мере были повторением ранее высказанных в партийной среде точек зрения по «учредилковской» проблеме, но повторением синтезирующим, претендовавшим на обоснование целостной идеологической программы. В тезисах Ленина характерно увязывание судьбы Учредительного собрания с политическими взглядами его депутатов: если последние отражают устремления масс, то Учредительное собрание можно использовать в интересах народа, если нет — то нет и смысла держаться «формально-демократического пути». В сущности, здесь пока еще сохраняются контуры схемы конца ноября, но с одним важным дополнением. Ленин нарочито откровенно присовокупляет к ставшей обычной мысли о классовой «селекции» Собрания рассуждения о недостаточности уже самого института Собрания по сравнению с Советами. При этом он (и вполне обоснованно) ссылается на оговорки по поводу Учредительного собрания, высказанные большевиками в послефевральское время. Таким образом, данные «Тезисы» одновременно и отразили надежду большевиков на то, что им еще удастся использовать Собрание в своих целях (путем предложенного здесь же переизбрания его депутатов), и содержали теоретическое обоснование будущего разгона «учредилки». Тезисы Ленина, как покажут дальнейшие события, стали лишь промежуточным этапом в эскалации «антиучредилковских» действий.

---

²³² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 162—163.

Дискуссии 1917 г. создали основу, ядро аргументов, которые уточнялись, развивались и усложнялись непосредственно во время и после разгона Учредительного собрания. Рассмотрим наиболее распространенные в январе 1918 г. обвинения против Учредительного собрания — они, естественно, будут тогда же включены в «антиучредилловский» канон и получают отражение в постановлениях, принятых собраниями рабочих городских предприятий. Первое из них — указание на то, что выборы в Учредительное собрание проведены «неправильно».

Здесь нетрудно уловить своеобразную преемственность «антиучредилловских» аргументов. Ленинские тезисы больше говорят о том, что выбраны «не те», кто должен быть избран, и это положение достаточно легко трансформируется в уверенность, что выбирали «не так», как надо. Вторая заметная метаморфоза «антиучредилловской» аргументации в 1918 г. — это резкое противопоставление Советов и Учредительного собрания. Как уже отмечалось, до октября 1917 г. их антагонизм публично не обнажался столь остро. И в верхах, и в низах не исключалась возможность их бесконфликтного сосуществования.²³³ Кое-кто склонен был даже увенчивать Учредительным собранием пирамиду именно советских учреждений. Противопоставление Советов и Учредительного собрания логично следовало из тезиса о маскировке контрреволюционеров «учредилловской» ширмой. Эта связь достаточно отчетливо улавливается уже из Обращения Петроградского совета 3 января 1918 г.: «Под лозунгом „Вся власть Учредительному собранию“ кроется лозунг „Долой Советы“». Вот почему все капиталисты, вся черная сотня, все банкиры — горой стоят за этот лозунг».²³⁴ А отсюда следовал и другой вывод: Учредительное собрание и Советы являются не просто враждебными организациями, они объявляются выразителями интересов различных классов. В начале января 1918 г. эта точка зрения была широко распространена и уже лидер меньшевиков Л. Мартов часть своего выступления на I всероссийском съезде профсоюзов 9 января 1918 г. посвятил опровержению мнения о том, что «борьба между социализмом и коммунизмом, которая происходит в России, объясняется тем, что Советы и Учр[едительное] собрание являются представителями разных классов».²³⁵

Происходила знаменательная «филиация» идей. «Антиучредилловские» аргументы не возникают одновременно, но они очень быстро развиваются и уточняются. Нередко новый аргумент появ-

---

²³³ О попытках использования большевиками «комбинированного типа» государственного устройства (Советы + Учредительное собрание) см.: Знаменский О. Н. Указ. соч. С. 164—165.

²³⁴ Листовки петроградских большевиков. 1917—1920. Т. 3. Л., 1957. С. 144.

²³⁵ Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов. 7—14 января 1918 г. Стеногр. отчет. М., 1918. С. 77.

ляется не потому, что он имеет практическое подтверждение, но потому, что он неизбежно должен следовать из предыдущего. Вывод о засилье «буржуазии» в Учредительном собрании (очередной в генезисе «антиучредилловских» аргументов) — это, в сущности, логическая концовка агитационного разъяснения двух явлений. Первое из них — проникновение «врагов народа» в Учредительное собрание; об этом чаще всего говорили в конце ноября—декабря 1917 г. Второе — отказ Учредительного собрания сразу признать большевистские требования, отождествляемые РСДРП(б) с устремлениями народных масс. Пропагандистская кампания против «учредилловцев» ноября 1917 г. была расширена и усложнена не фиксацией реальных фактов, относящихся к делу (большинство депутатских мест в Собрании принадлежало социалистам), а сближением двух разнотипных явлений с целью установления внешне логичной (засилье «врагов народа» — отказ признать требования народа), но внутренне противоречивой связи.

Разумеется, было бы упрощением объяснять трансформацию «антиучредилловской» программы вне зависимости от политической ситуации в России, только как следствие внутреннего кода ее развития. Тезис об «учредилловской» ширме для контрреволюционеров неразрывно связан с политическими событиями конца ноября, тезис о недостаточности самого института Собрания для народовластия во многом определен результатами ноябрьских выборов. Вместе с тем мы должны отметить достаточно сложное переплетение и политических факторов, вызвавших изменение «учредилловской» тактики и идеологических факторов, отразивших в известной мере автономный процесс развития «антиучредилловской» аргументации.

И, подчеркнем это особо, чередование, умножение и усложнение аргументов все же трудно представить как последовательное действие. Мы нередко сталкиваемся, чаще всего в резолюциях местных партийных и советских организаций, со своеобразными «реликтами» прежних систем «учредилловской» тактики в то время, когда, казалось, они уже потеряли свою актуальность и были заменены другими.

Однако в целом низовые партийные и государственные структуры ориентировались на позицию центральных партийных и советских учреждений, центральной партийной прессы, разумеется, где-то несколько отходя от нее, где-то давая ей причудливое идеологическое оформление. Неортодоксальность ряда местных импровизаций в известном смысле была запрограммирована, ввиду непоследовательной «учредилловской» тактики именно верхов. Последние и не все договаривали до конца, маскировали политический расчет идеологическими мотивами, что зачастую дезориентировало низовые структуры, оценивавших тактические шаги как стратегический курс. Подчеркнем, что и известный Декрет ВЦИК 6 января 1918 г.,

санкционировавший роспуск Учредительного собрания, тоже оставляет непроясненными многие вопросы — в том числе и о том, будет ли возобновлена работа Учредительного собрания при условии переизбрания его депутатов. Об этом упоминали ленинские «Тезисы об Учредительном собрании», одобренные ЦК РСДРП(б) и потому воспринятые провинциальными партийными комитетами и Советами как руководство к действию.

Пресловутый декрет ВЦИК, претендовавший на полноту объяснения причин разгона Собрания, в целом перечислил далеко не все «антиучредилдовские» выпады, прозвучавшие к тому времени в официозных документах и в большевистской публицистике, а те, которые он упомянул, уже не являлись новыми. Главенствующая здесь мысль — о том, что Учредительное собрание не отражает настоящего соотношения политических сил в обществе — была, как уже отмечалось, высказана в начале декабря 1917 г., причем в двух вариантах: во-первых, выборы прошли «неправильно», и, во-вторых, оказались по преимуществу избранными «враги народа». Декрет подчеркивал принадлежность «учредилки» устаревшему буржуазному парламентаризму, но о преимуществе Советов перед Учредительным собранием осторожно, еще не вынося политического приговора, говорил в своих «Тезисах» Ленин. Заключительная мотивировка роспуска Собрания — о том, что его депутаты, отказавшись признать советские декреты, могут «в силу этого играть роль только прикрытия борьбы буржуазной контрреволюции за свержение власти Советов»,²³⁶ приспособливает пропагандистский выпад против кадетов, сформулированный в связи с событиями 28 ноября 1917 г., к реалиям однодневной политической схватки 5 января 1918 г.

Свой законченный, можно сказать, канонический вид «антиучредилдовская» аргументация приобретает в первой половине 1918 г. Именно тогда она получает целостную систематизацию, именно тогда разрозненные, фрагментарные замечания об «учредилке», возникшие по разным поводам, высказанные в разное время с большей или меньшей категоричностью и ясностью, отчеканиваются в окончательных формулах. Попробуем вычленить самые существенные моменты в «антиучредилдовской» агитации большевиков в 1918 г. Их основные аргументы таковы:

1) Учредительное собрание станет прологом гражданской войны в России, настаивать на его созыве — значит ввергнуть страну в пучину ожесточенных схваток.

Этот тезис генетически был связан с многими «антиучредилдовскими» аргументами и прежде всего с двумя из них: об использова-

---

²³⁶ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 336.

нии буржуазией «учредилки» и о враждебности последней Советам. С небольшими модификациями²³⁷ этот аргумент прочно вошел в арсенал антиучредилковских кампаний. Он был уточнен и развит летом 1918 г., когда возглавляемый эсерами «Комитет членов Учредительного собрания» (Комуч) при поддержке чехословацкого корпуса захватил власть на Урале.

2) Учредительное собрание не оправдывает тех надежд, которые на него возлагают, оно не прекратит в стране хаос и не даст ей хлеба.

Этот тезис возник достаточно поздно, уже после роспуска Собрания, и напрямую связан с рабочими волнениями из-за нехватки продовольствия весной 1918 г. Образованное тогда же Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов Петрограда выдвинуло в качестве главного политического лозунга передачу власти Учредительному собранию. Тем самым, как оно считало, будут созданы предпосылки для будущего процветания России. Это дало повод для утверждений, будто «учредилковцы» обещают немедленно накормить всех голодных хлебом. Нереальность таких планов была очевидна, тут возражали и сами сторонники Собрания, но данный аргумент все же довольно часто звучал в идеологических спорах того времени.

3) Учредительное собрание — орган буржуазии, абсолютно чуждый интересам народных масс.

Вариантом этого постулата служило утверждение о том, что к «буржуазным классам» относилась подавляющая часть депутатов разогнанного Собрания. Такое мнение получило весьма широкую распространенность в большевистской публицистике уже в январе 1918 г. когда, казалось, «учредилковский» эксперимент еще не был забыт. В целом данный тезис — характерная концовка цепочки «антиучредилковских» постулатов: ширма для буржуазии — орган, отражающий интересы буржуазии, — орган, объединяющий представителей буржуазии.

4) Учредительное собрание — политическое оружие, с помощью которого враги трудящихся постараются ликвидировать все революционные завоевания.

---

²³⁷ В частности, отмечалось, что в случае передачи власти Учредительному собранию русских солдат снова заставят воевать с Германией за интересы союзников. В этом утверждении, как видим, тоже присутствует тема войны, только уже не гражданской, а мировой: вновь война увязывалась с «учредилкой». Подчеркнем, что в условиях преобладания пацифистских настроений в обществе в конце 1917 — первой половине 1918 г. любой намек на войну воспринимался массами крайне неприязненно (см. выступление представителя Табачной фабрики Юхневича на Первой конференции рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района Петрограда: «Некоторые поняли, что раз дать Учредительному собранию власть, то придется... начать войну, которую затеет буржуазия... Если мы согласимся дать власть, то заставят нас с союзниками идти» (Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района. Пг., 1918. С. 38).

Это — наиболее часто используемый аргумент в большевистской «антиучредилловской» кампании, отразившийся почти во всех фабрично-заводских постановлениях. Он получил распространенность в 1918 г. преимущественно ввиду двух обстоятельств. Первое из них — отказ Учредительного собрания согласиться на немедленное, без обсуждения, утверждение основных декретов Совнаркома и большевизированного ВЦИКа, собственно, и относимых к числу революционных завоеваний. Второе — это использование «учредилловских» лозунгов рядом антибольшевистских движений в 1918 г. Их официальная пропаганда оценивала как контрреволюционные, а борьбу с ними — как отстаивание прав народа, обретенных в результате победы революции. Разумеется, отмеченные выше политические обстоятельства января—августа 1918 г. лишь придали особую пропагандистскую значимость и силу данному аргументу. В не столь острой и отчетливой форме его выдвижение можно наблюдать уже в конце 1917 г.

Рассмотрение генезиса «антиучредилловской» аргументации 1918 г. будет неполным, если не принять во внимание известную полемическую книгу Ленина против К. Каутского, написанную осенью 1918 г. Каутский не без едкости отмечал непоследовательность большевистской тактики по отношению к Учредительному собранию. Это вызвало целую череду ленинских реплик, представляющих интерес и как исторический экскурс, и как дополнение к компендиуму «антиучредилловских» тезисов. В собственно историческом экскурсе Ленин перечислил свои послефевральские оговорки по поводу Учредительного собрания, правда, рядом акцентов придал «парламентской» тактике большевиков с февраля по октябрь 1917 г. куда больший «антиучредилловский» смысл, нежели в «Тезисах об Учредительном собрании». Он противопоставил Советы Учредительному собранию, отнеся их соответственно к пролетарской и буржуазной демократиям; целые пассажи в этом труде, естественно, отведены доказательству преимуществ первой перед второй. Ленин, подчеркивая тяготение большевиков к компромиссам, отмечает уступчивость их по отношению к сторонникам Учредительного собрания, стремление их довести до конца «учредилловский» эксперимент, прерванный лишь ввиду прямой угрозы революционным завоеваниям. Ленинские замечания, высказанные в споре с Каутским, в целом не изменили систему «антиучредилловской» аргументации, укрепив, пожалуй, лишь самое слабое звено в ней — обоснование тактических метаморфоз РСДРП(б) в «учредилловском вопросе».

Коллективное «резолюционное» творчество рабочих, выступавших против «учредилки», довольно точно отразило основные этапы официальной кампании против Учредительного собрания — естественно, если сделать поправку на местные импровизации. Уже в день выборов, 12 ноября 1917 г., первая конференция петроград-

ских работников выразила «свою солидарность... бурными рукоплесканиями» докладчице Николаевой, заявившей, что «несмотря на созыв Учр[едительного] собрания, Советы... должны остаться как революционные организации, контролирующие работу Учр[едительного] собрания».²³⁸ Газетная кампания, вызванная инцидентом 28 ноября 1917 г., возможно, оказала влияние и на рабочие резолюции, сделав их более радикальными и более оппозиционными по отношению к Учредительному собранию. Призывов к роспуску «учредилки» еще не было, но общее собрание рабочих Новоснарядной мастерской Обуховского завода 27 ноября 1917 г. прямо назвало будущее Учредительное собрание «калединско-корниловско-милюковским».²³⁹ Менее радикально, но весьма двусмысленно высказывались об «учредительном» эксперименте рабочие Электростанции Общества 1886 г.: «Считаем истинным хозяином земли русской лишь трудовой народ, а Учредительное собрание только приказчиком его..., причем народ хозяйской властью имеет неотъемлемое право устранить приказчика, не выполняющего волю народа...».²⁴⁰ Близки по содержанию резолюции, одобренные рабочими завода И. Е. Семенова и Патронного завода в декабре 1917 г. Первая из них обязывала поддерживать Учредительное собрание лишь в том случае, «если оно будет проводить реформы в интересах трудового народа»,²⁴¹ и подчеркивала, что им должны быть утверждены декреты Совнаркома о мире, о земле, о рабочем контроле над производством. Постановление рабочих Патронного завода рассматривало Учредительное собрание как «орган, который должен выразить народные слияния крестьян и рабочих».²⁴² Советы здесь оценивались как гарантия того, что Учредительное собрание действительно пойдет «по пути закрепления народной власти, борьбы за хлеб, мир и свободу».²⁴³ Как видим, вопросы о власти ставятся в резолюции весьма неопределенно, можно даже сказать, нарочито туманно. Семеновцы, правда, высказались еще более неотчетливо, предлагая формирование некоего нового народного правительства, созданного, однако, по образцу Совнаркома. Но смысл обеих резолюций почти одинаков: вопрос о будущей власти не предрешен, но декреты и структура власти настоящей должны быть сохранены. Обе резолюции содержат требования изгнания кадетов из политической жизни России; нетрудно разглядеть несомненную соотнесенность их с тезисом о необходимости «чистки» Учредительного собрания, занявшем видное место в «антиучредилковской» аргументации в декабре 1917 г.

---

²³⁸ Правда. 1917. 29 (16) нояб.

²³⁹ Триумфальное шествие Советской власти. М., 1963. Ч. 1. С. 184.

²⁴⁰ Правда. 1917. 13 дек. (30 нояб.).

²⁴¹ Там же. 1917. 27 (15) дек.

²⁴² Известия. 1917. 14 дек.

²⁴³ Там же.

Как инструмент осуществления народных завоеваний, закрепленных декретами Совнаркома о земле и рабочем контроле, рассматривается Учредительное собрание в постановлении комитета старост Сенатской типографии 30 ноября 1917 г. О гарантиях Советов здесь открыто не говорится, но очень недвусмысленно подчеркивается, что «Совет народных комиссаров непременно должен бороться с теми, кто восстанет против законов о земле, рабочем контроле и власти Советов рабочих, солдат и крестьян».²⁴⁴ О том, что народное правительство должно обладать всей полнотой власти, отмечалось и в постановлении 2-го делегатского профессионального съезда железнодорожников Северо-западных железных дорог.²⁴⁵ Это правительство должно было «довести страну до Учредительного собрания», но о его последующей судьбе в резолюции железнодорожников ничего не говорилось.

Фабрично-заводские резолюции ноября—декабря 1917 г., как и более позднего времени, не отражают всей совокупности «антиучредилловских» аргументов. Однако здесь заметны общие блоки и клише, очень часто содержится перечисление одних и тех же декретов Совнаркома, подлежащих обязательному одобрению, есть двусмысленность в постановке вопроса о власти, соотносимая с позицией большевистской агитационной литературы. Фабрично-заводские резолюции не предвосхищают «антиучредилловские» агитки, они следуют за ними, разумеется, стилизуя их в зависимости от специфики рабочей аудитории, кое-где отступая от канона, упрощая мотивировки рабочих требований либо делая их подробными.

«Антиучредилловские» резолюции рабочих, принятые в январе 1918 г., почти целиком используют аргументацию большевиков. Общее их требование — власть должна оставаться в руках Советов. Оно зафиксировано, в частности, в постановлениях общих собраний типографии «Русское слово», завода Дека, Латунно-мельхиорового отдела Патронного отдела.²⁴⁶ Кое-где, например на Обуховском сталелитейном и Военно-подковном заводах, рабочие выступили в поддержку III Всероссийского съезда Советов,²⁴⁷ который рассматривался в то время как альтернатива Учредительному собранию.²⁴⁸

---

²⁴⁴ Там же. I дек.

²⁴⁵ Там же. 14 дек.

²⁴⁶ Правда. 1918. 18 (5), 25 (12) янв., 1 февр. (19 янв.).

²⁴⁷ Там же. 25 (22) янв.; Известия. 1918. 18 янв. Отметим, что резолюция, принятая рабочими Обуховского завода 14 января 1918 г., была одобрена всеми против одного, несмотря на то, что здесь выступали и бывшие члены Учредительного собрания.

²⁴⁸ В постановлении рабочих Военно-подковного завода III Всероссийский съезд Советов был назван «нашим собранием, созываемом на 8 января» (Правда. 1918. 25(12) янв.). Не исключено, что заводские рабочие плохо разбирались в иерархии советских институтов, а сам текст отчасти представлял собой и низовую импрови-

Подробные мотивировки неприятия Учредительного собрания отсутствуют почти во всех рабочих резолюциях, обычно здесь ограничиваются просто ругательствами либо краткими штампами без разъясняющих оговорок: «Учредительное собрание социалистов-предателей» (Военно-подковный завод),²⁴⁹ «всякая попытка [созвать Собрание] приведет к минувшим дооктябрьским дням» (Фабрика Кебке),²⁵⁰ «под этим лозунгом [Учредительного собрания] кроется заговор контрреволюционных сил, стремящихся к восстановлению диктатуры капиталистов и помещиков» (Общегородское собрание членов фабрично-заводских комитетов).²⁵¹

В целом можно отметить, что какой-либо стойкой привязанности к «учредилевским» идеалам в рабочей среде в это время не наблюдалось. Учредительное собрание в 1917 г. было прежде всего революционным символом. О его реальном потенциале рабочие зачастую имели смутное представление, почерпнутое преимущественно из агитационной литературы социалистов — и умеренных, и радикальных. Учредительное собрание было в глазах рабочих знаком необратимости политических перемен — подобно тому, как ими были такие разные по значимости и последствиям акции, как объявление России республикой, смена государственных символов или даже переименование улиц. Такие действия быстрее всего фиксировались в массовом сознании: это являлось гарантией ненаказуемости за совершенное в феврале 1917 г. гарантией свободы, гарантией приобщения к лучшей жизни. Мысль об этом отстаивали на тысячу ладов и митинговые ораторы, и почти вся пресса; потому она не могла не быть авторитетной для миллионов людей, плохо разбиравшихся в политических хитросплетениях, и не могла не найти отклик в послефевральском российском обществе.

В конце 1917 г. положение изменилось. Теперь гарантией «революционных завоеваний» объявлялись Советы — и это не было только простой и автоматической переменной символов. Мысль о том, что Советы есть такой же равноценный инструмент народовластия на низовом, местном уровне, как Учредительное собрание — в масштабах всей России, еще с весны 1917 г. настойчиво пропагандировалась в рабочих массах, причем не только большевиками, но и другими социалистическими партиями. Происходила такая же сакрализация Советов, какая прежде была присуща Учредительному собранию, с тем же набором формулировок, в тех же формах и с помощью той же пропагандистской машины. Возможно, и в этом

занию, хотя и содержал общеупотребительные для того времени пропагандистские клише.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Там же. 29 (16) янв.

²⁵¹ Там же. 18 (5) янв.

отчасти следует искать причины столь апатичной реакции рабочих на разгон Учредительного собрания.²⁵² Рабочие массы, подготовленные послефевральской агитацией к одобрению «учредилловского» эксперимента, были столь же готовы и к принятию эксперимента «советского», поскольку аргументы, защищавшие Собрание (и отмечавшие ее народность, демократизм, революционность) были затем использованы и для защиты Советов.

В целом сложно говорить о каком-либо едином отношении рабочих к разгрому Учредительного собрания. «Учредилловские» манифестации 5 января 1918 г. собрали под свои знамена очень мало рабочих: здесь преобладала интеллигенция. «В последние дни на ряде фабрик и заводов происходили митинги в связи с последними событиями. На некоторых заводах приняты резолюции с протестом против разгона Учредительного собрания и против расстрела манифестантов 5-го января», — сообщил 11 января 1918 г. репортер либеральной газеты «Наш век»,²⁵³ но конкретных сведений об этом очень мало и они к тому же не могут быть однозначно истолкованы. Резолюция в защиту Учредительного собрания была принята в эти дни на Патронном заводе, но рабочие одного из его цехов сразу же опубликовали в «Правде» воззвание о том, что они не принимали участия в голосовании и данный документ был одобрен лишь «кучкой меньшевиков-оборонцев и правых эсеров».²⁵⁴ Бесспорно, что большинство рабочих не противилось разгону «парламента», несмотря на попытки создать в их среде организационные структуры, ставившие целью созыв Учредительного собрания. Об этом свидетельствуют результаты рабочей конференции, созванной 18 января 1918 г. Союзом защиты Учредительного собрания.²⁵⁵ Представители районных организаций Союза заявили о нежелании участвовать в «учредилловских» баталиях. Никаких волнений на фабриках и заводах в те дни отмечено не было, не получила «учредилловская» тема отражение и во многих рабочих документах января 1918 г. Сведения подобного рода иногда стремятся интерпретировать как полное и всеобщее одобрение в рабочей среде событий 6 января 1918 г. Для этого нет веских доказательств, хотя нельзя отрицать, что какая-то часть рабочих по разным причинам и одобрила разгон Собрания.

Выявить и систематизировать основные элементы «учредилловского» дискурса после января 1918 г. крайне сложно, поскольку непосредственных откликов на эту тему в рабочей среде было немно-

---

²⁵² Примечателен тот факт, что центральная пресса (газеты «Правда» и «Известия») публиковала в декабре 1917—январе 1918 г. очень мало постановлений рабочих собраний, посвященных Учредительному собранию, в основном печатались резолюции воинских частей.

²⁵³ Наш век. 1918. 11 янв.

²⁵⁴ Правда. 1918. 1 февр. (1 янв.).

²⁵⁵ Фрайман А. Л. Форпост социалистической революции. С. 213.

го. Имеются сведения о выдвижении лозунга Учредительного собрания на Путиловском заводе — в марте²⁵⁶ и в мае 1918 г.²⁵⁷ Весной 1918 г. постановление о том, что «вся полнота власти должна принадлежать всенародному Учредительному собранию, избранному на основе всеобщего избирательного права», было принято рабочими 3-й Государственной типографии.²⁵⁸ «Перевыборы большевистского комитета старост», «Да здравствует Учредительное собрание», «Долой Советы» — таковы были лозунги, выдвинутые весной 1918 г. и рабочими фабрики «Мелодер».²⁵⁹ В документах Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда, активно действовавшего с марта по июль 1918 г., также можно было найти ряд свидетельств об «учредилловских» выступлениях рабочих; они, правда, редко отражались в фабрично-заводских резолюциях. Косвенным свидетельством бытования «учредилловских» настроений в рабочей среде может служить агитационная кампания в прессе, поутихшая было в конце января 1918 г., но вновь набравшая обороты к маю 1918 г.

Учредительное собрание стало главным объектом споров на Первой конференции рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района (25 мая—5 июня 1918 г.). Материалы конференции — один из тех немногих источников, которые с максимальной полнотой отразили всю гамму различных, подчас полярных взглядов на эту проблему. Разумеется, и здесь мы видим по преимуществу столкновение ораторов разных партий. Но выступавшие на конференции, среди которых было и немало рабочих, в первую очередь обосновывали свои требования настроениями производственных групп, оправдывая свою позицию ссылками на рабочие документы.

Заметим, что именно в роспуске Учредительного собрания делегаты конференции видели одну из причин политической и экономической децентрализации государства. В их выступлениях отчетливо выдвигались на первый план два тезиса: во-первых, власть, опирающаяся на ограниченную поддержку населения, неустойчива, а, во-вторых, критическое положение страны таково, что одной партии исправить его не под силу. «Действительно, только всена-

---

²⁵⁶ См. протокол общего собрания рабочих Путиловского завода 6 марта 1918 г. «Оратор говорит, что надо хотя бы создать сейчас в Петроградском совете [рабочих] депутатов [группу] исключительно из самих рабочих, а затем начать устраивать жизнь страны общим избирательным правом, т. е. скорейшим созывом Учредительного собрания» (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 1. Д. 91. Л. 10 об.).

²⁵⁷ Решение о поддержке Учредительного собрания было принято на общем собрании Путиловского завода в начале мая 1918 г., но официальная печать, по ставшей уже обычной традиции, объявила, что состав его участников был подтасован и оно не может выражать настроения всех путиловцев.

²⁵⁸ Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района. С. 35.

²⁵⁹ ЦГАИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.

родная власть... способна вывести страну из тех тисков, в которые она попала. Только Учредительное собрание может это сделать», — говорил на конференции представитель Городской электростанции Разсудовский.²⁶⁰

В этой и других, высказанных на конференции мотивировках,²⁶¹ обосновывавших необходимость восстановления института Учредительного собрания, вряд ли стоит усматривать только антибольшевистскую или антисоветскую направленность. Основная их тема — это указание на слабость власти, а иногда и полное безвластие, объяснимые узкой социальной базой правящей коалиции. Но в отличие от оппозиции, видевшей в Учредительном собрании источник «сильной власти», большевики и поддерживавшие их на конференции рабочие отказывались в это верить именно из-за широты «учредиловской» социальной базы. Они подчеркивали, что вследствие этого в Учредительном собрании неминуемо должны были оказаться и представители тех классов, которые не были заинтересованы в преодолении кризиса в России.

Тема классового противоборства стала ключевой в аргументации противников Учредительного собрания на конференции. Собрание оценивалось ими исключительно как буржуазный государственный институт, а его созыв был для них равносителен реставрации старых политических порядков.²⁶² Сторонники Учредительного собрания утверждали, что подобные взгляды необоснованны. Они полагали, что говорить о «засилье буржуазии» относительно прежнего состава Учредительного собрания невозможно, а относительно будущего — некорректно. «Если в Учредительном собрании будут все партии, то что могут сделать буржуи. В том Учредительном собрании, которое было разогнано, их была маленькая кучка. Что бы они могли бы сделать тогда?» — так оценивал этот тезис представитель гильзового отдела Патронного завода.²⁶³

Видное место в дискуссиях на конференции занял вопрос о преимуществах Советов по сравнению с Учредительным собранием. Примечательно, что сторонники Собрания, отстаивая идеи парламентаризма, вместе с тем не определяли четко своего отношения к Советам. Особой неприязни к Советам они не выказывали. Как правило, отмечалась только недостаточность советских институтов для решения стоящих перед страной задач.²⁶⁴ В тех же случаях, когда Советы рассматривались не просто как государственный орган,

---

²⁶⁰ Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района. С. 180.

²⁶¹ Там же. С. 36, 109, 179.

²⁶² Там же. С. 105, 174.

²⁶³ Там же. С. 115.

²⁶⁴ Там же. С. 181.

но как средство диктатуры какой-либо партии, оценки их становились более жесткими.²⁶⁵

Даст или не даст хлеба Учредительное собрание — эта тема также была в центре споров на конференции. Противники Учредительного собрания приписывали оппозиции утверждения о том, что «учредилка» немедленно даст хлеб, нереальность чего в тех условиях была очевидной, — и успешно опровергали их.²⁶⁶ Сторонники Собрания, однако, настаивали лишь на том, чтобы рассматривать его новый созыв только как предпосылку для хозяйственного подъема России.²⁶⁷ Полемизируя с «учредиловцами», некоторые делегаты конференции подчеркивали, что государство спасет не та или иная форма общественного устройства, а комплекс конкретных административно-хозяйственных мер. Один из делегатов, отмечая, что «никакая партия не спасет Россию», предлагал, например, следующее: «Мы должны в первую очередь выяснить, сколько [и] на каких заводах может и должно быть рабочих, а остальных безработных в ближайшее же время распределить на местах в хлебородных губерниях».²⁶⁸

В 1919—1920 гг. лозунг Учредительного собрания стал терять свою авторитетность в рабочей среде. В протоколах петроградских фабрично-заводских собраний в эти годы почти не встречаются сведения об «учредиловских» дискуссиях, редко их отмечают и политические сводки. Во многом это было связано с той мощной «антиучредиловской» агиткампанией, посредством которой (в условиях отсутствия свободной прессы и притеснений оппозиции в России) само Учредительное собрание было превращено в одиозный жупел, причем в такой степени, что его остерегались отстаивать в начале 1920 г. даже некоторые оппозиционеры. Отчасти здесь сказался и официальный отказ РСДРП(м) в конце 1918 г. от поддержки лозунга Учредительного собрания, а ведь именно меньшевики являлись инициаторами принятия многих «учредиловских» постановлений на фабриках и заводах Петрограда в 1917—1918 гг.

Наибольшее оживление «учредиловских» настроений в городской рабочей среде наблюдалось во время политического кризиса 1921 года. Эта тема, однако, заслуживает особого рассмотрения.

Вопрос о том, каков был главный политический лозунг петроградских рабочих, бастовавших в феврале и марте 1921 г., не ясен и по сию пору. Правительственная пресса в основном писала о лозунге Учредительного собрания; обратившись к фабрично-заводским

---

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Там же. С. 118.

²⁶⁷ Там же. С. 11, 160, 260.

²⁶⁸ Там же. С. 116.

документам тех дней, мы обнаружим там упоминания только о «свободных перевыборах Советов».

Легче всего было бы признать правительственную кампанию за очередную идеологическую мистификацию. Недостатка в мистификациях в то время не было: достаточно упомянуть созданные официальной пропагандой в феврале и марте 1921 г. мифы о «генеральском заговоре» в Кронштадте и о лозунге «Советы без коммунистов». Скептицизм здесь был бы оправдан еще и потому, что и в «антиучредилловской» кампании также весьма различимы элементы мифотворчества. Однако совокупность изученных материалов по этой проблеме убеждает в том, что многое здесь не может быть объяснено только данной простейшей схемой. Мы сталкиваемся со свидетельствами, хотя и скупо, но упоминающими о бытовании «учредилловских» идей в петроградской рабочей среде зимой и весной 1921 г. Необходимо отделить здесь «дым» от «огня», выяснить, что тут вторично, а что первично.

В отечественной историографии эти сюжеты почти не изучались. О февральско-мартовских забастовках 1921 г. писалось, разумеется, много, но обратившись к литературе, мы скорее выясним, какие лозунги пытались «подбросить» рабочим, чем то, каковы же в сущности были подлинные их устремления. То, что о требованиях стачечников писалось столь скупо, вряд ли было случайностью. Сами волнения оценивались как недоразумение, вызванное голодом, причем всячески подчеркивался их экономический, а не политический смысл; данный подход, впрочем, не был исключительно тенденциозным и имел определенные основания.

Вместе с тем февральско—мартовские волнения рабочих оставили после себя массу свидетельств, по которым можно без труда воспроизвести контуры политической программы стачечников. В дошедших до нас подлинных документах фабрично-заводских собраний петроградских предприятий Учредительное собрание почти не упоминается. Но политические требования здесь отчетливо ясны. Главное из них — «перевыборы Советов на основе всеобщего, равного и тайного голосования». В резолюции Балтийского завода (январь 1921 г.), первой в ряду забастовочных документов, его, правда, еще не было.²⁶⁹ Но уже в резолюции Балтийского завода 10 февраля 1921 г. согласие возобновить работу оказалось обставленным двенадцатью условиями, первым из которых и явились собственно перевыборы Советов.²⁷⁰ И одобренная вслед за тем 14 февраля 1921 г. по предложению меньшевика А. Каменского политическая резолюция на Новом Лесснере, включавшая данный лозунг, стала как бы

²⁶⁹ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 20.

²⁷⁰ Там же. Л. 28.

канонической — ее переписывали, несли на другие заводы, дополняли и уточняли — не меняя ощутимо содержания.²⁷¹

К числу политических лозунгов, отмеченных в резолюциях крупнейших заводов (Дюмо, Балтийский, Арсенал, Новый Лесснер, Трубочный) следует отнести также требования свободы слова и печати, свободной деятельности (легализации) политических партий социалистического толка, политической амнистии, прекращения политического террора — всего того, что в ряде этих документов получило название «политического раскрепощения». Отчасти политическими можно счесть и требования «свободы торговли» и «свободы труда», ставшие обязательной принадлежностью почти всех (и даже не оппозиционных) тогдашних фабрично-заводских резолюций.

Здесь намеренно не затрагивается вопрос о том, кто, собственно, инициировал все эти требования и насколько их политическое оформление зависело от социалистов — все это еще будет обсуждено ниже. Отметим пока лишь одно: лозунг Учредительного собрания именно в документах рабочих — их резолюциях — как правило (при крайне редких исключениях) не выставлялся. Едва бы это произошло, если бы данный вопрос действительно глубоко интересовал рабочих. Достаточно привести, как пример, споры о снятии заградительных отрядов, о «свободном переходе» рабочих на другие предприятия, об освобождении арестованных и т. п. Эти сюжеты в различной степени нашли отражение даже в резолюциях, несомненно прокоммунистических и принятых даже на заводах, однозначно отвергших забастовки.

Установить вслед за этим наблюдением соответствующий окончательный диагноз нам мешают два обстоятельства: свидетельства других источников (не рабочих резолюций), достаточно веских для того, чтобы просто от них отмахнуться, и антиучредилловская кампания в прессе в феврале и марте 1921 г.

Сведений о бытовании «учредилловских» взглядов в рабочей среде Петрограда в дни забастовок в целом немного. Поэтому представляется возможным детально остановиться на главнейших из них. Первое конкретное упоминание об этом мы находим в выступлении представителя Трубочного завода Шатровского на заседании Петровета 26 февраля 1921 г.: «Предложили мне, как председателю общего собрания, резолюцию: „Мы, рабочие Трубочного завода, требуем Учредительного собрания, а Советы должны уйти“... Тогда я говорю: „Кто за Советы, тех прошу поднять руки“. Оказывается, что большинство за Учредительное собрание».²⁷² Отметим особо, что

---

²⁷¹ Там же. Д. 12. Л. 50, 168—168 об., 183 об.; Ф. 1000. Оп. 5. Д. 3. Л. 9; см. также: *Ваксер А. З.* Из истории классовой борьбы в Петрограде в начале восстановительного периода. С. 14.

²⁷² Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов. Созыв второй половины 1920 г. Пг., 1920—1921. Заседание 17. 26. II. 1921 г. Стб. 53—54.

Трубочный завод являлся в феврале 1921 г., пожалуй, главным стачечным центром в городе. То, о чем шепотом говорили на других, относительно «спокойных» заводах, тут звучало в полный голос. Здесь буквально стаскивали коммунистов с трибуны, здесь даже закидали снегом председателя Петроградского губпрофсовета, отсюда и началась знаменитая василеостровская демонстрация 24 февраля 1921 г. Здесь ничего не было умеренным, все было «крайним», и скажем прямо, это почти не имело аналогов на других предприятиях города. В свете особой «агрессивности» рабочих-трубочников можно предположить, что отмеченное Шатровским голосование «Советы или Учредительное собрание» едва ли в полной мере учитывало сущностные отличия этих двух институтов: голосовали прежде всего против любых предложений, исходивших от коммунистов. Об этом, кстати, свидетельствуют и мемуаристы, это подтверждается и другими источниками. И в дальнейшем очевидна прямая зависимость между радикализацией настроений рабочих и выдвижением ими «учредилловских» лозунгов. Но столь откровенных сведений о массовых учредилловских симпатиях рабочих мы уже не встречаем. В сообщении о собрании рабочих кожевенного цеха фабрики «Скорород» упоминается о том, что кто-то «сзади» выкрикнул «учредилловский» лозунг,²⁷³ но на ход самого собрания, судя по всему, это не повлияло. Возможно, что какие-то «учредилловские» плакаты оказались и на демонстрации 24 февраля, но точных сведений об этом нет, а те, что доходят до нас, как правило, вторичны. М. Шагинян, жившая тогда в Петрограде, отмечала в своем дневнике 25 февраля 1921 г.: «Часть рабочих бастовала, вышли с плакатами „Долой правительство“, „Учредительное собрание“, „свободу торговле“ и тому подобное», но эта запись кончается примечательными словами: «Тошно сидеть в Доме искусств».²⁷⁴

Имеются еще два характерных свидетельства, показывающих, что даже и там, где возникали «учредилловские» разговоры, они редко приводили к каким-либо осязаемым политическим результатам. Первое из них — это сводки районной ревтройки о событиях 26—28 февраля 1921 г. на заводе Речкина. Завод этот стал для коммунистических публицистов притчей во языцех — они не раз находили здесь и «отсталые» взгляды и «малосознательные» действия. «Учредилловские» призывы тут были отмечены 26 февраля, но только со стороны «некоторых ораторов» и лишь на собрании в одном из цехов — в кузнице. Но 28 февраля, когда на завод пришли менее трети рабочих, было выставлено лишь одно требование — освобождение заключенных. Костяк протестовавших здесь составила узкая

---

²⁷³ Семанов С. Н. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа 1921 года. М., 1973. С. 46.

²⁷⁴ Шагинян М. Дневники. 1917—1931. Л., 1932. С. 34.

группа в составе «около 15 человек», возможно, связанных с социалистами. После отказа властей освободить арестованных (было сказано, что все они меньшевики и эсеры, «задержанные на штабквартире с погромными прокламациями»), эта группа пыталась подвигнуть остальных рабочих на уличное выступление, но те, согласно отчету ревтройки, «не тронулись с места».²⁷⁵

Еще примечательнее в этом отношении письма начальника гарнизона и комиссара Петроградского огнесклада начальнику и комиссару Окружного артиллерийского управления 1—2 марта 1921 г. Первое из них, датированное 1 марта, сообщало: «Доношу, что после посланного мною донесения о приостановке работ во вверенном мне Огнескладе настроение рабочих резко изменилось. Они выставляют требования уже на политической подкладке, т. е. в целом присоединяются к рабочим „Арсенала“, требуя свободной торговли, снятия заградительных отрядов и Выставляя др[угие] требования вплоть до созыва Учр[едительного] собрания».²⁷⁶

При чтении доклада начальника Огнесклада 1 марта остаются неясными многие вопросы, в частности: в какой форме выдвигали «учредилковские» лозунги рабочие и в какой мере почерпнули они их у арсенальцев. Подчеркнем, что из резолюций, принятых в первой половине февраля на крупнейших заводах, резолюция арсенальцев являлась самой умеренной: там не оказалось даже требования «перевыборов Советов». Можно, конечно, предположить, что в дальнейшем, к концу февраля, их лозунги стали более радикальными (прецеденты на других заводах имелись), но это только предположение, точных данных нет. Зато сохранился подлинный и никем не опровергнутый текст выступления в Петросовете 3 марта 1921 г. представителя «Арсенала» Филиппова, относившего себя, кстати, к анархистам: «Я не свою мысль буду высказывать, а всех рабочих. Когда вопрос поднялся о том, чего же, собственно говоря, хочет вся масса — учредилку, что ли, и вот я вам должен сказать, ... что все хотят вернуться именно к октябрьским завоеваниям. Значит, власть Советов — тот лозунг, который стал перед рабочими».²⁷⁷ Далее оратор говорил о протесте против диктатуры господствующей партии и о других политических требованиях, но по «учредилковскому» вопросу, как видим, он высказался определенно. Показательно, что представители рабочих Огнесклада сделали отчет 2 марта 1921 г. о собраниях на «Арсенале», и после этого уже никто не вел «учредилковских» разговоров, но зато было решено прекратить забастовку. И, судя по рапорту начальника Огнесклада, отправленному 2 марта 1921 г.,

²⁷⁵ Лухов А. С. В Петрограде накануне Кронштадтского восстания 1921 г. С. 190.

²⁷⁶ ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 350. Л. 6.

²⁷⁷ Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов. Заседание 18. 4. III. 1921 г. Стб. 23.

события на Огнескладе приобретают уже во многом иной характер: «Настроение рабочих не против Советской власти в целом, но против некоторых постановлений власти. Главные требования общего характера — немедленный созыв общегородской конференции, а из местных требований — уравнивание пайка служащих и рабочих, выдача недополученных ордеров, отчет выборного в Петросовет, председателя Петрокоммуну — тов. Куклина, выдача недополученных продуктов за февраль месяц».²⁷⁸

Тем, собственно, и кончились «учредилловские» разговоры среди рабочих. Быстрота, с которой это произошло, впечатляюща, если, конечно, не предположить, что данный лозунг скорее использовали как угрозу администрации, не выдававшей рабочим какие-то продукты, но как только посыпались обещания, о нем мгновенно забыли. Прочие сообщения об «учредилловских» взглядах рабочих еще более туманны. В мемуаристике есть упоминания о некоем «рабочем кружке, который стоял на платформе Учредительного собрания».²⁷⁹ Но кого он объединял, и насколько успешной являлась его работа — об этом ничего не известно.

И, наконец, отметим, еще один источник сведений об «учредилловских» настроениях рабочих, в целом весьма недостоверный, — эмигрантскую печать. Наиболее подробно об «учредилловских» симпатиях петроградцев писали эсеровские газеты «Воля России» (Прага) и «Народное дело» (Ревель). Обе газеты печатали почти одинаковую информацию о Петрограде, охотно заимствуя ее друг у друга. «Воля России», правда, чуть осторожнее относилась к слухам, которые без какой-либо критики передавала «Народное дело». Их сообщения основывались на публикациях петроградской официозной печати (в основном «Красной газеты», с которой они знакомились зачастую из вторых рук — по перепечаткам западноевропейской прессы), а также на рассказах очевидцев, обычно анонимных.

В эсеровских газетах сразу же обращает на себя внимание одно обстоятельство: их сообщения из Петрограда начинаются либо заканчиваются почти нарочитым упоминанием о выдвижении рабочими лозунга Учредительного собрания. Об этом говорилось уже в первом экстренном выпуске «Народного дела» о петроградских событиях (28 февраля 1921 г.), причем газета ссылалась на «знакомое редакции и достойное доверия лицо», которое прибыло «несколько дней тому назад из Петрограда».²⁸⁰ Однако более конкретно об «учредилловском» движении рабочих газеты не высказывались.²⁸¹ Пожа-

---

²⁷⁸ ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 350. Л. 10—10 об.

²⁷⁹ Дан Ф. Два года скитаний. С. 112.

²⁸⁰ Народное дело. 1921. 28 февр. Экстренный выпуск.

²⁸¹ См. сообщения «Воли России»: «И после трех лет владычества большевистской власти рабочие в Петрограде и Москве снова борются ... за те же лозунги Учредительного собрания» (1 марта 1921 г.); «вначале требовали продолжения работ

луй, одно из немногих здесь исключений — сведения о выдвижении «учредилловских» лозунгов на общих собраниях фабрики Лаферм и Балтийского завода. Но их ценность сомнительна, если учесть, что они помещены в заметке под названием «Арест Зиновьева».²⁸² Об «учредилловских» настроениях горожан рассказывается и в корреспонденциях, содержащих фантастические детали якобы вспыхнувшего в Петрограде восстания.²⁸³ Примечательно, что едва начался мятеж на Балтийском флоте, обе газеты сразу же нашли, что Кронштадтский ревком стоит за Учредительное собрание²⁸⁴ что, как известно, не соответствовало действительности.

Говоря об «учредилловских» настроениях рабочих, «Воля России» несколько раз ссылалась на петроградскую «Красную газету».²⁸⁵ Но является ли «Красная газета» (как и близкие к ней в освещении тогдашних событий другие городские издания) достойным доверия свидетелем — на этот вопрос можно ответить, лишь рассмотрев «антиучредилловскую» кампанию в петроградской прессе в феврале и марте 1921 г.

«Антиучредилловская» кампания, как и обычная другая, по уже установившейся тогда традиции, делилась как бы на две части. Во-первых, в прессе печатались «антиучредилловские» статьи, призванные предостеречь рабочих от увлечения «учредилловскими» лозунгами. Во-вторых, здесь же публиковались «антиучредилловские» резолюции, принятые на фабриках и заводах. В целом это разделение можно признать условным — и те, и другие материалы принадлежали нередко одним и тем же авторам.

Пик «антиучредилловской» кампании пришелся на период с 25 февраля по 12 марта 1921 г. Ни о каких более или менее ясных мотивах этого из прессы почти ничего не узнаем: «учредилловская» тема возникает внезапно и безо всяких объяснений. Знакомясь с первыми «антиучредилловскими» материалами, мы можем сразу отметить две их особенности. Во-первых, основное внимание обращалось не на то, чем, в сущности, являлось Учредительное собра-

---

на закрытых заводах; позднее к этому требованию присоединились и требования созыва Учредительного собрания и свободной торговли» (11 марта 1921 г.); «Народного дела»: «Рабочие требовали на митингах увеличения продовольственного пайка, Учредительного собрания» (28 февраля 1921 г.).

²⁸² Народное дело. 1921. 5 марта.

²⁸³ Ниже приводится одна из них, содержащая ссылки на немецкую прессу: «Петроград находится в руках революционного комитета. Во главе восстания стоят социалисты-революционеры, требующие немедленного созыва Учредительного собрания и введения свободной торговли» (Воля России. 1921. 8 марта).

²⁸⁴ «В Кронштадте временный революционный комитет... выставил политическое требование — созыв Учредительного собрания» (Воля России. 1921. 8 марта); «Кронштадтцы зовут к борьбе за свободу и Учредительное собрание» (Там же. 1921. 12 марта).

²⁸⁵ Воля России. 1921. 2. 3 марта.

ние, а на то, к чему оно может привести. Характерные признаки этого политического института остаются в тени, на первый план выдвигается следующее: «В Германии царство учредилки было эпохой массовых расстрелов рабочих — 15 тысяч лучших представителей германского пролетариата пали от рук учредилковцев, отстаивавших привилегии буржуазии»,²⁸⁶ «учредилковцы являлись мостом к генеральской диктатуре, к власти белых и к царству плети и нагайки, к диктатуре русской генеральщины и европейского капитала».²⁸⁷ Все эти рассуждения — обычная концовка многочисленных «антиучредилковских» статей 1918—1919 годов. Газеты 1921 г. и воспроизводят только эту концовку, опуская обычно предварявшие ее ранее слова о «засилье буржуазии» в Учредительном собрании, о его неправомочности представлять подлинную волю пролетариата и т. д. и т. п.

И, во-вторых, здесь допускалась одна очень явная подмена: любые политические режимы, у которых советская пресса находила одиозные черты, безо всяких оговорок причислялись ею к «учредилковским».²⁸⁸

Во всей этой первичной идеологической реакции на Учредительное собрание видна какая-то поспешность, механистичность, ничего нового, сообразного с условиями начала 1921 г. в ней нет. Возникает ощущение, что воспользовались уже отшлифованным в спорах с «учредилковцами» в 1918—1919 гг. идеологическим инструментарием, мало задумываясь, пригоден он ныне или нет. Если мы уверены, что печать тех дней должна адекватно реагировать на любые оппозиционные лозунги, то ожидаем непременно встретить на ее страницах (и даже скорее прочего) и возражения против «перевыборов Советов». Но их нет, этот лозунг вплоть до начала марта 1921 г. просто не замечают.

Уже по этим наблюдениям можно с большой долей уверенности предположить, что на первой стадии «антиучредилковской» кампании (третья декада февраля—начало марта) произошла специфическая подмена одних лозунгов другими, возможно, близкими им по значению, но все же иными. Тут допустимы несколько объяснений. Сам лозунг «перевыборов Советов» до того редко применялся в политической борьбе и делать это было незачем: перевыборы проводились более или менее регулярно (во всяком случае в Петрограде) на протяжении всего периода гражданской войны. Возражать против собственно перевыборов властям было не с руки и по политическим, и по идеологическим соображениям. Однако они не могли не

---

²⁸⁶ Петроградская правда. 1921. 25 февр.

²⁸⁷ Там же. 1921. 26 февр.

²⁸⁸ См. передовые статьи «К учредилке возврата нет» (Известия Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1921. 26 февр.) и «Тщетные надежды» (Петроградская правда. 1921. 6 марта), статью В. А. Быстрянского «Блага демократического рая» (Там же. 1921. 1 марта).

понимать, что за привычным по форме, вполне лояльным требованием рабочих кроется нечто другое.

В этой ситуации власти оказались перед трудным выбором: прямо выступить против перевыборов Советов они не могли, но не могли и не заметить тот смысл, который вкладывается в лозунг перевыборов. Отсюда и вполне логичное обращение к «антиучредилловской» аргументации. Укажем на одну примечательную черту первых «антиучредилловских» публикаций: они сопровождались резкими выпадами против демократии, причем даже само это слово зачастую берется в кавычки. «Антиучредилловские» аргументы в большей степени, нежели другие, подходили для борьбы с демократическим духом «свободных перевыборов Советов», что не могли не почувствовать власти, постоянно сталкиваясь в фабрично-заводских резолюциях с оговоркой о всеобщем, равном и тайном голосовании.²⁸⁹ В сущности, на тех же принципах основывалось и Учредительное собрание (но отнюдь не Советы) — и власти имели право подозревать, что этим выдвигается некий аналог ненавистной им «учредилки», правда, в местных рамках и под другим названием. Оттого-то «антиучредилловская кампания» была предопределена. Учитывая данный контекст, ее поэтому нельзя рассматривать только как грубую фальсификацию, подобно версии о генерале Козловском, якобы руководившим восстанием в Кронштадте.

Лозунг «перевыборов Советов» пресса вынуждена была заметить лишь на второй стадии «антиучредилловской» кампании, начатой после публикации сообщений о Кронштадтском мятеже (3 марта). Прервавшая молчание «Петроградская правда» 4 марта 1921 г. опубликовала передовую статью «Так было — так будет», которую в целом можно счесть квинтэссенцией тех идеологических приемов, с помощью которых увязывали ставший уже довольно однозным лозунг Учредительного собрания с бывшим столь популярным тогда лозунгом «перевыборов Советов»: «Теперь мы видим, что рядом со знаменем учредилки черносотенная реакция пользуется и другим лозунгом „свободные перевыборы Советов“... После победы генералы скажут черновским и мартовским молодцам: „Мавр сделал свое дело, мавр может уйти“, а сами возьмутся за дело расправы с

---

²⁸⁹ См. пункт I резолюции общего собрания рабочих и служащих Петроградского проволочного и гвоздильного завода Дюмо 10 февраля 1921 г.: «Перевыборы Петроградского Совета с участием всех граждан Петрограда на равных и тайных голосованиях» (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 12. Л. 50); пункты 3—4 резолюции общего собрания завода Новый Лессер 14 февраля 1921 г.: «Требуем... тайного, прямого и всеобщего и равного для всех трудящихся права выборов в Советы и все представительные органы республики, немедленных перевыборов Совета при полной свободе устной и печатной агитации» (Там же. Л. 168 об.) и близкую им текстовую резолюцию общего собрания завода Нобель 16 февраля 1921 г.: «...тайного, прямого, равного, всеобщего голосования в Советы и все представительные органы для всех трудящихся города и деревни» (Там же. Л. 183 об.).

рабочим классом. И тогда генералы и офицеры забудут не только о „свободных перевыборах Советов“, которыми они уловляют простаков, но и об „учредилке“ — и массовым кровопусканием постараются надолго обезвредить рабочий класс».²⁹⁰ Уже по этой цитате нетрудно отметить, что и в марте 1921 г. повторяются все те же самые обычные «антиучредилковские» филиппики. Лозунг «перевыборов Советов» представляется просто как заменитель «учредилки» — и дискуссия разворачивается в соответствии с той же логикой и теми же кодами развития, которые ранее отличали классическую «антиучредилковскую» кампанию.

Таким образом, отметим основные элементы «антиучредилковской» тактики советской печати. Пресса не спорит ни с чьими заявлениями, не приводит ничьих высказываний, вообще не называет конкретных имен, дат, событий, связанных с «учредилковскими» настроениями тех дней. Она буквально анонимно, безадресно воспроизводит (и то фрагментарно) цикл «антиучредилковских» постулатов, происхождение которых нетрудно отнести преимущественно к 1918 г. Несомненно, она чутко улавливает тот «демократический дух», которым пронизаны заводские резолюции, но сокрушает его прежним инструментарием, а не изобретает что-то новое, что должно было с большей полнотой отразить реалии преднезповской России. Анализируя «антиучредилковскую» кампанию в прессе, историк едва ли уловит здесь что-то существенное для себя, однако, без труда распознает приемы мифотворчества, характерные для тогдашней идеологической практики. Иными словами, пресса об «учредилковских» взглядах рабочих той поры не скажет нам почти ничего — проверить окончательно ее правоту или обман мы можем, лишь обратившись к другим источникам.

Постараемся выяснить, не являлись ли чрезмерные и поспешные нападки прессы на Учредительное собрание следствием интенсивного выдвижения «учредилковских» лозунгов социалистами. Если это так, то мы отчасти сумеем понять и логику «антиучредилковских» действий властей. Сразу отметим, что социалистов — эсеров и меньшевиков — и публицисты, и ораторы на митингах, и партийные активисты поминали ежедневно, приписывая исключительно им и инициативу рабочих волнений, и их политизацию, как и вообще считая их виновниками и гражданской войны, и экономической разрухи.

Отметив чрезмерность политических претензий тогдашних властей к социалистам, нельзя, однако, забывать, что в ряде эпизодов февральско-мартовских волнений социалисты и в особенности меньшевики, все же сыграли немаловажную роль. Именно меньшевики — сначала Каменский, а затем Кузяков — способствовали

---

²⁹⁰ Петроградская правда. 1921. 4 марта.

принятию почти однотипных оппозиционных резолюций на заводах Новый Лесснер и Нобель. Эти резолюции стали позднее кочевать по другим крупнейшим фабрикам и заводам, обрастая дополнениями и, как правило, вызывая одобрение многих рабочих.²⁹¹ Однако в целом имеется крайне мало документальных свидетельств о деятельности социалистов в те дни, на что, кстати, уже обращалось внимание в отечественной литературе.²⁹² Да и сами эти свидетельства вызывают сомнения: точно ли информаторы идентифицировали собственно эсеров и меньшевиков с недовольными рабочими, далекими от всяких партий.²⁹³

Лидер меньшевиков Ф. Дан, приехавший в Петроград в начале 1921 г., писал впоследствии в своих мемуарах о том, что партией «было решено по возможности воздерживаться временно от агитационных выступлений на фабрично-заводских собраниях и т. п., так как по петроградским нравам почти каждое такое выступление влекло за собой немедленный арест».²⁹⁴ Эта тактика не была до конца выдержана, и член ЦК РСДРП(м) А. Каменский все же выступил на собрании рабочих с речью, после чего был немедленно арестован. Но в основном дело ограничивалось лишь распространением листовок — об этом говорит и сам Ф. Дан, об этом свидетельствуют политические сводки тех дней, об этом сообщает, хотя и по обыкновению глухо, петроградская печать.²⁹⁵

Содержали ли листовки социалистов либо выступления их партийных ораторов на рабочих собраниях призыв к Учредительному собранию? Сразу отметим, что отказ меньшевиков от лозунга Учредительного собрания был узаконен Всероссийским совещанием РСДРП(м) (27 декабря 1918 г.—1 января 1919 г.). Примечательно, однако, в резолюции совещания мы находим требование «свободных перевыборов и переизбрания Советов с полной свободой устной и письменной агитации для всех партий»,²⁹⁶ которое и было предъявлено на фабриках и заводах Петрограда зимой и весной 1921 г. В эсеровских рядах не было единства по «учредилловскому» вопросу. Левые эсеры отвергали лозунг Учредительного собрания,

---

²⁹¹ Барихновский Г. Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции. 1921—1924. Л., 1978. С. 63.

²⁹² Шкаратан О. И. Изменения в составе фабрично-заводских рабочих г. Ленинграда (1917—1928 гг.). С. 40.

²⁹³ В этом отношении примечательны почти анонимные упоминания об эсеро-меньшевистской агитации в сводках районных ревтроек с 25 по 28 февраля 1921 г. (Пухова А. С. Петроград накануне Кронштадтского восстания. С. 109).

²⁹⁴ Дан Ф. Два года скитаний. С. 109—110.

²⁹⁵ Там же. С. 114; Маховик. 1921. 24 февр.; см. также: Семанов С. Н. Указ. соч. С. 41.

²⁹⁶ Цит. по: Николаевский Б. И. Меньшевизм в период военного коммунизма (1918—1921 гг.) // Меньшевики после Октябрьской революции. Сборник статей и воспоминаний. Benson, 1990. С. 67.

правые — отстаивали его и во время и после гражданской войны. Такова была позиция верхов. В какой мере ее отражали политические импровизации местных социалистических структур (в частности, в Петрограде) — эта проблема еще недостаточно изучена. И местные социалисты, как показал российский опыт 1920—1921-х гг., могли на время приглушать либо усиливать пропаганду того или иного политического лозунга — в зависимости от настроений масс, от возможностей агитации, от расстановки партийных сил.

Обратимся к фактам. Руководитель Петроградской ЧК Н. П. Комаров на экстренном заседании Петросовета 26 февраля 1921 г. так сообщал о своей беседе с арестованным А. Каменским: «Я спросил его, на что они рассчитывают, признают ли они в данное время военную диктатуру или Учредительное собрание, он сказал: „Нет, мы против этого“».²⁹⁷ Данные слова можно подтвердить и другими свидетельствами. В ожесточенной полемике, развернутой социалистическими депутатами в Петроградском Совете в 1920 г., нет и упоминания Учредительного собрания; есть выпады против «бюрократического хозяйничанья на заводах», против «беспрерывной смены планов», против «режима бесправия и безмолвия», но больше мы там ничего не найдем.²⁹⁸ Примечательно, что официальная петроградская пресса февраля—марта 1921 г., в тех редких случаях, когда она цитировала эсеро-меньшевистские листовки, не смогла найти там ничего «учредилковского».²⁹⁹ Она вынуждена была даже сообщить о том, что ЦК партии эсеров отмежевался от «учредилковских» лозунгов, правда, скептически оценивая его заявление и считая, что в Кронштадте «эсеры с Козловским вооруженной рукой хотят осуществить этот учредилковско-антантовский план».³⁰⁰ Характерно, что и сама знаменитая резолюция кронштадтских мятежников, принятая 1 марта 1921 г., возможно, не без влияния эсеров, не содержала ни одного намека на Учредительное собрание. Первым ее пунктом значилось пресловутое требование «перевыборов Советов тайным голосованием».³⁰¹ Более того, в своих листовках и газетах кронштадтцы отвергали лозунг Учредительного собрания.³⁰² Наконец, отметим еще раз: политические резолюции, предложенные в середине февраля 1921 г. социалистами собраниям крупней-

---

²⁹⁷ Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов. Заседание 17. 26. II. 1921 г. Стб. 7—8.

²⁹⁸ Там же. Заседание 1. 6. VII. 1920 г. Стб. 27—28; заседание 7. 29. X. 1920 г. Стб. 371—372; заседание 10. 3. XII. 1920 г. Стб. 488—489.

²⁹⁹ См. статью В. Б. (очевидно, В. А. Быстриянского) «Волчий зуб и лисий хвост» (Петроградская правда. 1921 г. 3 марта).

³⁰⁰ Красная газета. 1921. 6 марта.

³⁰¹ Пухов А. С. Кронштадтский мятеж в 1921 г. М., 1931. С. 59.

³⁰² Семанов С. Н. Указ. соч. С. 107; Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. С. 345.

ших заводов (и одобренные массами), также ничего не говорят об Учредительном собрании.

Можем ли мы, учитывая все эти сведения, с должным вниманием отнестись к утверждению «Петроградской правды», высказанному ею 3 марта 1921 г. о том, что «с конца прошлого месяца среди трудящегося населения Петрограда повели усиленную агитацию за учредилровку господа эсеры, пользуясь усилившимися продовольственными и топливными затруднениями?»³⁰³ Не нужно ли нам считать заявление одного из коммунистических ораторов на собрании рабочих фабрики «Светоч» 28 февраля 1921 г. «о действительном продовольственном и топливном положении, которым воспользовались меньшевики и эсеры..., подсовывая рабочим резолюции об Учредительном собрании»,³⁰⁴ равно как и подобные ему, лишь отзвуком, специфическим «расширением» и упрощением газетной информации о кознях «учредилковцев»?

На эти вопросы все же нельзя дать абсолютно однозначного ответа, даже памятуя о тех фактах, которые приведены выше. Прежде всего отметим доминанту общей тактики социалистов — постепенный переход от обсуждения экономических вопросов к политическим дискуссиям. Эту тактику быстро разгадала советская пресса, писавшая, что «всякая волынка начинается именно с этих разбитых стекол, ложек, стаканов, тарелок, рваных сапог, и лишь потом г.г. эсеры и меньшевики подсовывают свои свободы».³⁰⁵ Но о том же говорили и сами социалисты. И Ф. Дан в уже отмеченных нами мемуарах, рассказывая об участии меньшевиков в выборах в марте 1921 г. делегатов на Беспартийное совещание Петрограда, сообщал, что его партия «все же решила принять деятельное участие в этой кампании, разъясняя рабочим массам, что всякие попытки сколь-нибудь прочно улучшить положение рабочих без коренного изменения общей политики осуждены на бесплодие. Поэтому наша организация настаивала, чтобы делегатам давался и политический наказ в смысле требования демократической свободы и как первого шага к тому (подчеркнуто нами. — С. Я.) свободы выборов в Советы и на созываемую конференцию».³⁰⁶

Очень примечательно здесь одно обстоятельство. Дан вспоминает, что ряд его сподвижников в те дни считал, будто забастовочное движение идет под лозунгом Учредительного собрания и потому нужно усиленно развивать эту его политическую сторону. Тут же Дан оговаривается, что он так не думал; очень своеобразна мотивировка его мыслей: «Мы очень хорошо видели все громадное отли-

³⁰³ Передовая статья «Революция в опасности» (Петроградская правда. 1921. 3 марта).

³⁰⁴ ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 5. Д. 77. Л. 51.

³⁰⁵ Красная газета. 1921. 2 апр.

³⁰⁶ Дан Ф. Указ. соч. С. 172.

чие данного массового движения от движения 1917 года. Перед нами были рабочие массы, распыленные, дезорганизованные..., утратившие веру в свои силы и не ставившие себе вообще ясных политических идей; массы, мысль которых не шла дальше непосредственного удовлетворения элементарных потребностей в пище и тепле, которые были опутаны полицейской сетью «комячеек» и у которых не было старой партийной организации, могущей явиться объединительницей и руководительницей всего массового движения».³⁰⁷

Здесь намеренно воспроизведен этот длинный пассаж из воспоминаний Дана, чтобы показать, что тут и слова нет о принципиальном отвержении Учредительного собрания. Сквозит лишь неприкрытое сожаление о том, что политическая апатия рабочих делает тактику политизации массовых настроений малоосуществимой. Если удастся сделать первый шаг — к местной политической свободе (перевыборы местных Советов), то можно попытаться сделать и второй шаг — к всеобщей политической свободе (олицетворяемой свободными центральными политическими учреждениями). Таковы приемы социалистов, отмеченные и в книге Дана, и в выступлениях оппозиционеров в Советах, и в программных документах социалистических партий. Оттого и вставал перед властями призрак пугавшей их «учредилки» — и не случайно.

В сущности, пропагандистские воззвания и листовки социалистов февраля—марта 1921 г., отстаивавшие принципы народовластия и демократии, клишеобразно повторяли основные постулаты их прежней «учредилковской» программы, созданной в 1917—1918 г. — иногда повторяли их полностью, не доводя лишь до естественной ранее концовки — требования Учредительного собрания. А кое-где впрочем, не удержались и от этого: «Воля России» 30 марта 1921 г. напечатала местные социалистические листовки, где все же проскальзывал лозунг Учредительного собрания.³⁰⁸ Некая «Петроградская группа социал-демократов», даже и в мае 1921 г. распространяла на заводах (в частности, на Александровском)³⁰⁹ свои воззвания, кончавшиеся требованием Учредительного собрания. Правда, если судить по их тексту, они были острее, радикальнее

---

³⁰⁷ Дан Ф. Указ. соч. С. III.

³⁰⁸ Особо подчеркнем, что призыв к Учредительному собранию содержался в двух из них, но они были подписаны не официальными представителями партий эсеров и меньшевиков, а некими «группой рабочих социалистов Невского района» и «группой социал-демократов». Примечательно, что помещенное здесь Обращение Петроградского комитета РСДРП(м) не содержит упоминаний об Учредительном собрании; его внимание обращено на другое: «Мы знаем, что Кронштадт потребовал свободных перевыборов Советов» (Воля России. 1921. 30 марта; публикация сопровождалась оговоркой о том, что листовки перепечатаны из газеты «Народное дело»).

³⁰⁹ Петроградская правда. 1921. 18 мая.

обычных меньшевистских заявлений, но общая канва и зачастую самое содержание (хотя и не стиль) у тех и у других в целом совпадали. И меньшевики, и большевики понимали, что лозунг перевыборов Советов — лишь средство, а не цель, что «местная» передвижка власти в конечном счете неминуемо реанимирует «учредилловские» требования, правда, возможно и не в столь откровенной форме. Но если социалистические листовки что-то и недоговаривали, то большевистские воспроизводили всю цепь соотнесенных между собою идеологических штампов, направленных против «чистой демократии», — и обнаруживали «учредилку», потому что в сущности любые рассуждения о политической демократии и вели к ней. «Антиучредилловские» публикации поэтому не стали неожиданностью. Они явились специфической «сигнальной» реакцией на демократическую риторику противников большевиков — реакцией неадекватной, но и небезосновательной.

Совокупность имеющихся материалов позволяет высказать ряд соображений, касающихся «учредилловского» феномена в рабочей среде в дни забастовок:

1. Можно с полной уверенностью говорить о том, что к февралю 1921 г. в петроградской рабочей среде оформилось широкое недовольство политикой большевиков: и социальной, и экономической. Конкретным его выражением стало повсеместное выдвижение на предприятиях лозунга «перевыборов Советов». Но в рабочих резолюциях нет требования Учредительного собрания, хотя «учредилловские» разговоры и выкрики в то время отмечались на фабрично-заводских собраниях.

2. Во многом эту ситуацию есть основания объяснить действием двух факторов. Во-первых, лозунг Учредительного собрания к 1921 г. в значительной мере являлся дискредитированным. Это произошло и в результате трехлетней интенсивной агитационной кампании властей, при отсутствии даже намека на свободную печать в России, и из-за непоследовательности социалистов, после своей кратковременной легализации в начале 1919 г. предпочитавших не афишировать этот лозунг, и, наконец, потому, что в сознании многих людей он был увязан с гражданской войной, а через это — с разрухой, голодом и нищетой. Нередко встречающиеся в источниках отмежевания рабочих от учредилловских идей (и коллективные, и индивидуальные), по стилю и лексике напоминали отмежевания от белогвардейских генералов, от интервентов и шпионов. Очень трудно точно выявить механику и эффективность этой дискредитации, но мы отчетливо обнаруживаем ее присутствие, анализируя психологические свидетельства тех дней. Во-вторых, нельзя игнорировать процесс адаптации рабочих к новому политическому режиму: за три года он зашел достаточно далеко. Рабочий включался в стихию политического языка революции, воспринимая, зачастую бессознательно, его ключевые формулы, употребление которых стано-

вилось обязательным едва ли не в быту, в повседневной жизни рабочего. Своеобразие его поведения заключалось в том, что даже направленные против власти политические лозунги он облекал в «социалистическую» форму и тем самым изначально ограничивал остроту противостояния с властями, допуская специфическую самоцензуру политических требований.

3. Выдвижение лозунга «перевыборов Советов» в определенной степени было инициировано низами, но в его оформлении и особенно в дополнении другими политическими требованиями заметно влияние социалистов. Оппозиционное рабочее движение февраля 1921 г. в первую очередь отстаивало принципы народовластия и демократии — те, в защиту которых долгое время выступали «учредилловцы» различных оттенков. Это вызывало соответствующую идеологическую реакцию властей, направивших острие удара не на лозунг «перевыборов Советов», а на «учредилловские» идеи.

Частично это был сознательный подлог — такой же, как объявление оказавшегося среди кронштадтцев бывшего генерала руководителем восстания. Лозунг «учредилки», который власти не без основания считали скомпрометированным, мог так же оттолкнуть рабочих от политической оппозиции, как и известия о «победе белогвардейских генералов в Кронштадте». Частично это явилось следствием неразработанности новой идеологической аргументации, которая могла бы нейтрализовать лозунг «перевыборов Советов». Но в значительной степени идеологическая кампания выглядела оправданной. Политические противники — социалисты и большевики — понимали, что «перевыборы Советов» вполне могли оказаться лишь переходной ступенью к созыву Учредительного собрания либо какого-то его аналога; но местными рамками дело здесь ограничиться не могло.

4. Размах «антиучредилловской» кампании придавало и то обстоятельство, что требование перевыборов Советов активно выдвигали представители партий, долго боровшихся с большевиками за власть. То, что для пропаганды этого лозунга широко использовалась аргументация социалистов, с помощью которой они ранее отстаивали Учредительное собрание, также предопределило выдвижение «учредилловской» темы на первый план. Нельзя упускать из виду и то, что какие-то «учредилловские» выступления могли идентифицироваться как таковые тогдашними информаторами как раз под влиянием многочисленных публикаций в прессе, и сведения об этом, подобно своеобразному рупору, в свою очередь расширяли и упрочали «антиучредилловскую» кампанию.

5. Идея Учредительного собрания, несомненно, встречала поддержку некоторой части рабочих, но эта часть не являлась большой. Еще менее уверенно можно говорить о некоей стойкой, принципиальной привязанности рабочих к «учредилловским» лозунгам. Для многих из них последние были не столько осознанной политиче-

ской идеей, сколько сильнодействующим оружием, с помощью которого выторговывали уступки и о котором забывали, едва давались обещания.

Несомненно одно: документы показывают уже отчетливое затухание к 1921 г. «учредилловских» устремлений рабочих. Они еще тлеют, но здесь больше пепла, чем огня. Идея безжизненна — ее подхватывают впопыхах и оставляют без сожалений. Идея политической демократии вечна и универсальна, но ее «учредилловская» оболочка оказывается временной и преходящей. Она отпадает, подобно старой коже, для того, чтобы дать место политическим формам, более созвучным новому времени и новым людям.

6. Кронштадтский мятеж

Политические оценки Кронштадтского восстания в рабочей среде еще не становились предметом специального исследования в советской исторической литературе. Противоречивые показания источников, заметная локальность темы, фрагментарность сведений — вот далеко не полный перечень причин, обусловивших данную ситуацию. Вместе с тем изучение этой, казалось бы, частной проблемы, позволит не только получить уникальную информацию о политической психологии масс в период кризисных ситуаций, но и существенно дополнить наши представления о состоянии советского общества на одном из переломных этапов его истории, связанном с переходом к НЭПу.

К настоящему времени выявились два основных историографических подхода к изучению этой проблемы, причем они почти лишены каких-нибудь точек соприкосновения. С одной стороны, всеобщее осуждение рабочими мятежа рассматривается как аксиома, не подлежащая критике, а с другой — переоцениваются реальная значимость и масштабы «кронштадтских» настроений масс. Первая точка зрения была присуща литературе прошлых десятилетий и вряд ли в силу условий того времени могла быть иной. Вторая стала доминирующей для некоторых публикаций последних лет, и, по-видимому, возникла под впечатлением представлений о глубине и всеобщности кризиса 1921 года.

Ежедневные сводки о настроениях рабочих стали поступать в Губком РКП(б) и Губпрофсовет еще в первые дни февральских забастовок в Петрограде. По мере обострения обстановки каналы получения информации становились все более многочисленными, сведения собирались уже не только на предприятиях, но и на улицах и вокзалах, в очередях, в чайных и столовых. Хотя к 1 марта стачки резко пошли на убыль, «включенный» в 20-х числах февраля механизм интенсивного сбора сведений работал с прежним размахом и

сразу же зафиксировал различные оттенки реакции рабочих на возникновение мятежа.

Анализируя сводки, нетрудно проследить их своеобразную иерархическую структуру. Первичной формой сводок были ежедневные отчеты коммунистических ячеек либо ревтроек на фабриках и заводах. Источником их служили не только личные впечатления организаторов (секретарей) коллективов РКП(б) и членов ревтроек (ими и подписывались сводки), но и сообщения, поступившие от коммунистов — рабочих у станков. Сообщенные ими сведения вкупе с докладами уличных наблюдателей служили основой для общей сводки по району, составлявшейся районными ревтрояками или РК РКП(б), либо какими-то их подразделениями. Отчеты, поступившие из районов, фиксировались, в свою очередь, в общегородской сводке Штаба внутренней обороны Петрограда. Районные и городская сводки составлялись обычно два раза в день. Редакция, вообще какая-либо обработка данных, полученных от «низовых» структур, в них отсутствовала, допускалось лишь простое сокращение присылаемого материала, часто при сохранении его стиля и особенностей. Какой-либо единой инструкции о сборе информации не существовало, во всяком случае, сводки сильно отличались и по объему, и по форме, и по содержанию.

В архиве сохранились все виды сводок, что позволяет во многих случаях уточнять информацию, нередко утрачивавшую при поступлении «наверх» свою конкретность. О точности политических сводок говорить трудно. Отмеченные в те дни «случаи подачи неточных и непроверенных райкомами фактов о работе на заводах во внутренних сводках»³¹⁰ были не только обычны, но и неизбежны. Этому в значительной степени способствовала обстановка страха, боязнь вести какие-либо политические разговоры, весьма заметные в городе в то время. Последнее сразу бросается в глаза, когда знакомишься со многими мартовскими отчетами наблюдателей на улицах и вокзалах. Приведенные ниже фрагменты их достаточно красноречивы: «разговоры тихие, при приближении замолкают», «на улицах, как и вчера, боязливость и отсутствие политразговоров», «при приближении молчат. Интеллигенция молчит», «на улицах кучки исчезают, политические разговоры замолкают, обыватель боится», «боятся, кронштадтских разговоров нет».³¹¹ Столь же отчетливо проявлялась данная тенденция и на заводах.³¹²

В этих условиях, понятно, сбор сведений был крайне затруднен, что и отразилось в сводках. Поэтому так сложно даже приблизительно определить соотношение разных слоев рабочих, заявивших

³¹⁰ ЦГАИПД. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 136.

³¹¹ Там же. Л. 8 об., 55, 57, 58, 270.

³¹² Там же. Л. 55; Ф. 6. Оп. 1. Д. 1226. Л. 7, 19.

о той или иной позиции по поводу Кронштадта. В данном случае можно говорить лишь о большей или меньшей распространенности порой полярных политических оценок.

Уже первые массовые отклики на кронштадтские события были весьма противоречивы. Часть рабочих восприняла мятеж враждебно, некоторые поддерживали его, отношение других оставалось неясным. И все же на основании сводок, внимательно фиксировавших весь спектр общественных настроений, создается впечатление, что в большинстве своем рабочие отнеслись к мятежу «пассивно», если воспользоваться терминологией информаторов в те дни.

Следует, правда, уточнить, что Кронштадт все же всколыхнул немалое число рабочих, и они высказали определенное отношение к нему. Первая реакция масс была преимущественно негативной. Отметим, однако, что информация о восстании дошла до рабочих в специфическом агитационном «оформлении». Утверждалось, например, что мятеж возглавляет царский генерал Козловский, что матросы исполняют роль безмолвных статистов, «будучи обманутыми», что вообще речь в данном случае идет о монархической реставрации. Скажем прямо, это хотя и мало соответствовало истине, но на рабочих заметное влияние оказало. Кстати, тезис о реставрации стал одной из ключевых тем коммунистической агитации в городе еще до Кронштадта, во время февральских забастовок 1921 года. Тогда «волынки» тоже считались прологом к установлению монархии. Понятно, что коль скоро во время восстания среди его участников мелькнул человек с «царским» прошлым, это было подхвачено прессой как доказательство прозорливости предупреждавших. Правда, забастовки к 1—2 марта в основном прекратились, но там, где, обычно бастовали, сводки зафиксировали резкое изменение настроений. Показательны в этом отношении отклики рабочих Трубочного завода, известных своими оппозиционными взглядами и сыгравших немалую роль в детонации февральских стачек. Согласно сводке Василеостровской ревтройки от 3 марта, на заводе «по единогласному заявлению разведчиков в настроении рабочих произошел крутой перелом вообще и в особенности после того, как стало известно, что в Кронштадте к власти приблизились старые генералы».³¹³ На следующий день ревтройка сообщала, что «события в Кронштадте повлияли на некоторую часть рабочих, они раскаиваются в происшедшем».³¹⁴ Подобные случаи не единичны. На нефтяных складах Нобель, согласно их сводке от 10 марта, относились к мятежу «как к аванюре заблудившихся товарищей, которые благодаря доверчивости допустили генералов»,³¹⁵ а в политсводке Штаба внутренней

---

³¹³ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 315. Л. 85.

³¹⁴ Там же. Л. 33.

³¹⁵ Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 266.

обороны по Володарскому району от 9 марта зарегистрированы разговоры на заводах о том, «что в Кронштадте встали не рабочие, а капиталисты».³¹⁶ На собрании организаторов и инструкторов коллективов РКП(б) Смольнинского района от 11 марта, упомянув, что «на Невской бумагопрядильной фабрике настроение хорошее», подчеркнули: «...в особенности на рабочих повлияло выступление генерала Козловского».³¹⁷

Трудно сказать, насколько бы изменилось отношение рабочих к Кронштадту, не появившись здесь генерал Козловский. Есть лишь одно свидетельство на сей счет — это сводка информотдела Петроградского РК РКП(б) о положении на Артскладе. «Как не было генерала, еще ничего было, но как только генерал выходит на сцену, то рабочие не могут быть за них», — такими словами были встречены тут вести о восстании.³¹⁸ Но к данному сообщению нужно подходить осторожно не только из-за его отрывочности, но еще и потому, что аналогичных ему не обнаружено.

Здесь примечательно другое. Столь ощутимо сказавшийся «фактор Козловского» объясняется не только скудостью информации у рабочих или последствиями их интенсивной идеологической обработки в годы войны, но и особенностями политической психологии масс в то время. Заметим, что рабочие настороженно относились к несоциалистическим партиям, а возможность обновления политических институтов допускали преимущественно в социалистических формах, хотя речь могла идти и о различных оттенках социализма. Ни либерализм, ни монархизм не одобрялись основной частью рабочих, им легче было усвоить альтернативные идеи, высказанные именно социалистами. И потому уже одно упоминание о Козловском (даже вне связи с последовавшей затем пропагандистской кампанией) быстро оттолкнуло многих рабочих от восставших.

Были, конечно, и другие причины неприязни рабочих к Кронштадту. Массы устали от войны, от различных вариантов осадного положения и связанных с этим бесчинств, от неизбежных «чисток», сопутствовавших почти всем критическим ситуациям. Кронштадтом, как казалось рабочим, мог начаться новый цикл бойни. В сообщенных в 1-й городской райком РКП(б) сведениях «Об отношении к Кронштадтским событиям рабочих 3[-й] Государственной электростанции» подчеркивалось, что «часть рабочих проявляла заметное беспокойство в судьбе Петрограда, вызывалось это тем, что в связи с Кронштадтским мятежом может выступить Финляндия на стороне мятежников, а это создаст новую войну».³¹⁹ «Все жалуются на голод, но вместе с тем боятся и происходящих событий», — указыва-

---

³¹⁶ Там же. Л. 152 об.

³¹⁷ Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 57. Л. 10.

³¹⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1226. Л. 10.

³¹⁹ Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 111.

лось в политсводке Василеостровской ревтройки о заводе Осипова 4 марта.³²⁰ «Боязнь, что бой приблизится», «с тревогой подготавливаются к предстоящему обстрелу» — такие впечатления о настроении масс получили наблюдатели на улицах 10 марта.³²¹

Впрочем, враждебность к Кронштадту могла иметь и иные, иногда труднообъяснимые причины. Видимо, в какой-то мере она существовала и на уровне бытовом, причем не обошлось здесь и без влияния пресловутого «клеша». «Отношение к клешникам враждебное» — отмечалось в сводке по 11-й и 15-й хлебопекарням, но характерно, что само прозвище матросов почерпнуто из низовой лексики того времени, на что указывает ряд документов. Вместе с тем имеются косвенные свидетельства, заставляющие предположить, что это раздражение «клешничеством» являлось не только бытовым, но имело, видимо, и определенную политическую подоплеку. Возможно, для отдельных рабочих оно становилось неким символом анархии и ассоциировалось с эксцессами 1917—1920-х гг., когда матросы как бы персонифицировали в себе новый государственный порядок. «Носились с клешниками, вот и доносились» — эта фраза, подмеченная на фабрике «Светоч»³²² показывает, что оценки роли матросов в трехлетней «революционной практике» среди масс не были одинаковыми. Примечательно, что когда 9 марта поползли слухи о взятии Кронштадта, на Лиговке были слышны высказывания: «Комиссаров поприжмут теперь, лучше станет».³²³ В 22-й типографии, узнав, что из Кронштадта не выпускают жителей, тут же дали этой новости следующую интерпретацию: «Эти клешники прячутся за спины женщин и детей».³²⁴ Во всех этих разговорах проглядывает какое-то плохо скрываемое раздражение, даже озлобление по поводу матросов. Трактовки их действий заметно выходят за рамки чисто политических оценок мятежа. Они приобретают специфический «личностный» характер и тем самым указывают на давность происхождения этих настроений.

Вызывало раздражение рабочих и материальное обеспечение матросов, весьма сносное в условиях голода зимы—весны 1921 года. «Что клешникам не хватает», «были одеты, обуты лучше других, а теперь натворили», «чего им недостает» — эти разговоры, зарегистрированные мартовскими сводками³²⁵, весьма симптоматичны для рабочей аудитории города, которая, если верить многим документам начала 1921 года, была раздражаема спорами о неравномерных пайках. И слышны они были тогда, когда Кронштадт не без влияния

³²⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 312. Л. 33.

³²¹ Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 52, 270.

³²² Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 53.

³²³ Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 277 об.

³²⁴ Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 307. Л. 14.

³²⁵ Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 55, 279 об.

прессы стали считать одним из виновников продовольственного кризиса. «Волнений никаких выдающихся не замечено, кроме недовольства на недостаток продовольствия, и это погашается их сознанием, что всему виноваты мятежники, по ликвидации которых рабочие снова заживут мирно трудовой жизнью», — таковы были, например, настроения в Петроградском районе, отмеченные в сводке от 12 марта.³²⁶

«Матросов надо проучить» — это требование, прозвучавшее в те дни на заводах,³²⁷ как видим, имеет довольно сложное происхождение и является не только собственно реакцией на мятеж, но отражает еще и иные, отмеченные выше обстоятельства. Вполне объясним, поэтому, тот факт, что отрицательное отношение к Кронштадту было присуще многим рабочим.³²⁸ Причем они не только открыто выражали желание поскорее покончить с Кронштадтом, как это было, например, в 1-й и 5-й типографиях, фабриках Пеклие и Керстен и др.,³²⁹ но даже обвиняли коммунистов в затяжке ликвидации мятежа. О последнем упоминают сводки с 22-й типографии и фабрики Торнтон.³³⁰

Однако в те дни были отмечены и иные настроения. Поддержка Кронштадта, хотя она и не была широкой, тем не менее существовала. Однако «кронштадтские» симпатии масс по сводкам определить весьма трудно. Имеющиеся данные расплывчаты и отрывочны еще и потому, что фиксировали наказуемые деяния, а это усиливало скрытность рабочих и делало неполноту сведений неизбежной.

«Очень незначительная группа отнеслась к восставшим благожелательно, и конечно, благожелательность проявлялись не открыто» — в этой сводке о положении на 3-й электростанции³³¹ последнее обстоятельство понималось как само собой разумеющееся. «8^{1/2} утра, рабочие торопятся на работу группами и в одиночку, разговоров уловить не удалось, т. к. идут все быстро, но были слышны возгласы: „так их и надо, и побьют их“, но к кому относились эти слова, выяснить не пришлось», — данное сообщение с завода Сан-Галли³³² наглядно характеризует условия, методику и результативность сбора сведений в это время. Разумеется, при такой ситуации информаторы могли лишь приблизительно различать оттенки «кронштадтских» настроений, а зачастую даже и не пытались этого де-

---

³²⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1226. Л. 42.

³²⁷ Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 57, 106.

³²⁸ Там же. Л. 52, 279, 279 об., 280; Ф. 4. Оп. 1. Д. 315. Л. 161 об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 52—53.

³²⁹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1226. Л. 2, 54, 54 об.; Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 106, 169; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 307. Л. 14.

³³⁰ Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 168; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 307. Л. 14.

³³¹ Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 111.

³³² Там же. Л. 273.

лать. «Симпатия больше к кронштадтцам», «часть рабочих к последним событиям относится скептически», «часть относится со злорадством», «несколько сочувствующие кронштадтцам слухи», «некоторые ждут улучшения со стороны Кронштадта», «есть группа рабочих, сочувствующая кронштадтцам и призывающая поддержать их», — эти скудные сводки, поступившие в разное время с Балтийского, Кабельного и Трубочного заводов, с Петроваты, Автозавода, прачечной фабрики № 2 и ряда предприятий 1-го Городского района,³³³ никак не уточнялись и не конкретизировались.

Понятно, почти не сообщалось и о мотивах симпатий к матросам, а ожидания «белых булок», которые принесут восставшие, сильнее проявлялись на вокзалах и на «толкучках», чем в заводских стенах. К тому же никаких активных действий по поддержке мятежа рабочие не предпринимали. В 8-й авторемонтной мастерской «в связи с кронштадтскими событиями было собрано 52 подписи для того, чтобы сделать общее собрание»,³³⁴ на 4-й парусиновой фабрике угрожали «присоединиться к кронштадтцам», если «инструкторам опять дадут муки»,³³⁵ но дальше этого дело, судя по всему, не пошло.

При том, что прямые свидетельства о взглядах рабочих на мятеж отрывочны и противоречивы, дополнительную ценность имеет информация о широко распространившихся в массах оценках борьбы с восставшими как братоубийственной войны. В 8-й авторемонтной мастерской откровенно сетовали: «Почему нельзя было избежать кровопролития»,³³⁶ на 5-й типографии говорили, «что только прольется кровь понапрасну, что рабочие этого не хотят». ³³⁷ Последняя фраза почти дословно была воспроизведена в сводке ревтройки 1-го Городского района от 12 марта: «Про Кронштадтские события говорят, что напрасно проливается кровь рабочих». ³³⁸

Отсюда и резкие возражения против бомбардировки крепости, нараставшие по мере усиления обстрелов. «О стрельбе говорят, что по братьям», «о стрельбе говорят: „наши своих бьют“», «к стрельбе относятся как к братоубийственной», «наблюдается некоторое недовольство обстрелом Кронштадта», «осуждают действия Военсовета за бомбардировку Кронштадта без переговоров от всех рабочих Петрограда» — так оценивали это событие на предприятиях Петроградского, Смольнинского и 1-го Городского районов. ³³⁹ На Кабель-

---

³³³ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 312. Л. 33, 53; Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 57, 119, 280.

³³⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1226. Л. 2.

³³⁵ Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 279.

³³⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 53.

³³⁷ Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 292.

³³⁸ Там же. Л. 50.

³³⁹ Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 57. Л. 10; Д. 307. Л. 66 об.; Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 57, 91, 177, 280.

ном заводе 17 марта во время сильной артиллерийской канонады звучали возгласы: «Затеяли кровавую бойню, пора прекратить».³⁴⁰

Все эти факты также указывают на отсутствие единой позиции рабочих по отношению к мятежу. Иногда проскальзываемые предложения о переговорах с кронштадтцами (они даже получили отражение в слухах) показывают, что рабочие не осознавали всей остроты антагонизма между восставшими и властями, т. е. часть из них оказалась невосприимчивой к официальной трактовке мятежа.

Понять мартовские события 1921 г. в какой-то мере помогает и такой специфический источник, как слухи. Распространение всевозможных слухов стало естественным в условиях отсутствия надежной информации и при недоверии к печати. Слухи, хотя они, казалось бы, имели скорее информативный, чем оценочный характер, вместе с тем позволяют увидеть те грани позиции рабочих по отношению к Кронштадту, о которых в документах тех дней нет прямых свидетельств. Источник слухов в сводках не оговаривался, здесь ограничивались безликими «на заводе», «среди рабочих» и т. д. На раннем этапе мятежа, до военной операции 8 марта, о какой-либо разветвленности и «многослойности» слухов говорить не приходится. Они были скорее своеобразным «расширением», трансформацией официальных сообщений о причинах возникновения и устойчивости мятежа. Так, на Артскладе были зарегистрированы «слухи о том, что Финляндия дает помощь кронштадтцам и тем они держатся».³⁴¹ Почти такие же слухи были зарегистрированы на 3-й электростанции, однако здесь в числе «помощников» была названа и Эстония.³⁴²

Слухи эти, несомненно, возникли как прямой отклик на газетные сообщения. Тезисы об инспирированности мятежа извне и об «обманутых матросах» стали тогда основой коммунистической агитации в Петрограде. Относительную устойчивость восстания в низах поэтому и пытались объяснить по тем схемам, которые были привычны для официозной информации. Ключевые «блоки» идей, ей присущие, разумеется, в расширенном виде, и стали основой слухов.

Правда, уже в последующие дни сводками отмечена специфическая радикализация слухов. Связано это было, видимо, с провалом наступления на Кронштадт 8 марта, что породило предположения о возможной высадке десанта в городе. Уже 9 марта в 1-м Городском районе появились слухи «о выжидательном положении крупных заводов, сочувствующих Кронштадту»,³⁴³ а 9—12 марта в сводках Штаба внутренней обороны были отмечены и уличные, и

---

³⁴⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 312. Л. 76.

³⁴¹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1226. Л. 10.

³⁴² Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 280.

³⁴³ Там же. Л. 57.

заводские слухи о некоем сигнале к восстанию в Петрограде, который будет дан из Кронштадта 12 марта.³⁴⁴ 9 марта в Петроградском районе зафиксированы разговоры о том, что «Арсенал» присоединяется к восставшим.³⁴⁵ На следующий день на 2-й фабрике производства одежды (2-й Городской район) уже говорилось о том, что «10 марта арсенальцы пойдут по фабрикам [выступать] за прекращение стрельбы».³⁴⁶

Примечательно, что брожение на заводах и возможное осложнение военной ситуации оказались почти единственной темой слухов, возникших непосредственно после операции 8 марта. Конечно, ее итоги менее всего располагали к оптимизму относительно сроков ликвидации мятежа. Вместе с тем столь однообразная реакция на попытку штурма крепости позволяет думать, что пессимистические оценки возможностей овладения Кронштадтом были более широко распространены в низах, нежели это можно увидеть по материалам прессы. Отметим также, что поведение «Арсенала» вряд ли случайно получило отражение в слухах. Еще со времен февральских забастовок создавалась своеобразная традиция, когда прекращение или возобновление работы на крупнейших заводах служило как бы сигналом для других предприятий, определяя их тактику. «Арсенал» был одним из таких центров февральских «волеынок», и понятно, что его позиция особенно оживленно обсуждалась рабочими. Интерес к ней вряд ли бы проявился и был столь заметен, если в массах сложилось однозначное отношение к Кронштадту. Он в известной степени свидетельствует о неопределившихся настроениях части рабочих, о их желании обрести какие-то ориентиры для своих дальнейших шагов.

Новый толчок слухам был дан 14 марта экстренным анкетированием членов РКП(б) на предприятиях. Причем слухи, разумеется, коснулись не только причин заполнения анкет коммунистами, но и возможного развития кронштадтских событий. Официальная версия о том, что коммунисты мобилизуются на фронт, судя по сводкам, мало кого убеждала. В низах предпочитали говорить о предстоящей эвакуации города. Так, в сводке по 4-й парусиновой фабрике от 14 марта отмечалось, что в одном из отделений «по поводу мобилизации коллективистов (членов РКП(б). — С. Я.) выражают сомнения, пойдет ли кто-нибудь на фронт».³⁴⁷ Один слух немедленно порождал другой, «уточняющий» и «развивающий» предыдущий, и в тот же день на 2-й фабрике производства одежды появились «слухи об отъезде коммунистов с Варшавского вокзала, о переезде из „Астории“ на Троицкую, о неизбежности переворота».³⁴⁸

---

³⁴⁴ Там же. Л. 152 об., 167.

³⁴⁵ Там же. Л. 153.

³⁴⁶ Там же. Л. 177.

³⁴⁷ Там же. Л. 122.

³⁴⁸ Там же. Л. 168.

Анкетирование коммунистов подхлестнуло другие слухи. Предстоявший их отъезд в глазах рабочих естественно должен был свидетельствовать о прогрессирувавшем ухудшении положения советских войск под Кронштадтом. Отсюда и появление 14—15 марта слухов, преувеличивавших успехи матросов. Так, в 1-м Городском районе 14 марта зафиксированы слухи о том, что «Ораниенбаум взят мятежниками, курсанты отказываются идти в наступление и не подчиняются комсоставу, что коммунисты все перебиты во время последнего наступления».³⁴⁹ В политсводке Штаба внутренней обороны подчеркивалось, что в Нарвско-Петергофском районе «ходят слухи, что подъем курсантов поддерживается тройным пайком и дачей спирта, 2 дивизии отказались идти в бой, после 9 ч[асов] возят расстрелянных».³⁵⁰

Прекращение стрельбы 15 марта вызвало новую волну слухов. Примечательно, что зафиксированные сводками по предприятиям различные слухи почти единодушно расценивали это как пролог к заключению мира с восставшими.³⁵¹ Это вполне объяснимо, если учесть распространенные в те дни (и отмеченные выше) пессимистические оценки состояния Красной Армии. Характерно, что политсводка ревтройки 1-го Городского района от 16 марта, зафиксировав разговоры рабочих о перемирии, передает возникшие среди них слухи о том, «что нет у нас снарядов и сил, половина курсантов перетонула подо льдом».³⁵²

Здесь не затрагивается вопрос о реальной основе того или иного слуха — это выходит за рамки данного исследования. Наша цель — выяснить, могут ли слухи быть источником для определения динамики политических настроений рабочих.

Ранние слухи были скорее отражением официальной информации, и это вполне соответствовало тому отрицательному впечатлению, которое на первых порах оказал Кронштадтский мятеж на рабочих. Однако уже после 8 марта положение меняется. Каждое новое событие, будь то заполнение коммунистами анкет или прекращение стрельбы, «вписывается» уже в иную систему «слуховой» интерпретации кронштадтских событий, в которой акценты расставлены намного иначе, нежели в сообщениях советской прессы. Этого уже не объяснить ни традиционно негативной направленностью слухов (зачастую представлявших альтернативу официальным источникам), ни скудостью дошедших до нас материалов. После событий 8 марта устная информация развивалась как бы по своим законам, вне ощутимого влияния официозных трактовок.

---

³⁴⁹ Там же. Л. 87.

³⁵⁰ Там же. Л. 169.

³⁵¹ Там же. Л. 48, 119.

³⁵² Там же. Л. 48.

Разумеется, некоторые события, отраженные в слухах, действительно могли иметь место в те дни. Но у слухов своя внутренняя логика развития и если то или иное событие приобретает широкий и неадекватный резонанс, «расширяется» по смыслу и значимости, то, очевидно, имеет значение не только факт, послуживший основой для слуха, но и общее умонастроение, определенный ракурс видения событий присущий широким массам петроградских рабочих.

Слухи — не только искаженный отблеск тех событий, которые произошли в Петрограде и его окрестностях в марте 1921 г., но и своеобразное свидетельство о «духовной ситуации» эпохи, об общественных умонастроениях и их направленности. Слухи — одновременно и отражение, и конструирование окружающего мира. Они зачастую возникают вне реального порядка вещей и имеют собственный код развития, несовпадающий с логикой того явления, которое дало им жизнь. Мартовские слухи в рабочей среде Петрограда в связи с Кронштадтским мятежом дают возможность увидеть некоторые типичные элементы данного феномена.

Первые слухи возникли и были зафиксированы информаторами лишь после 3 марта, когда власти объявили о мятеже. Само восстание началось 28 февраля, но в политических сводках нет упоминаний о том, что в городе рассказывали о нем до официального заявления. Слухи начала марта, таким образом, не имеют предыстории. Они не итог цепочки ранних слухов, уточняющих и подправляющих друг друга. Они возникают внезапно и пока свободны от влияния каких-либо установившихся оценок. Отсюда и их характерные приметы. Самые первые слухи — это низовая интерпретация именно советских газетных сообщений. Этим в значительной мере и объясним уже упоминавшийся прежде «фактор Козловского».

После срыва штурма Кронштадта 8 марта мы наблюдаем переакцентировку механизмов «слуховой» интерпретации. Жесточайшая цензура и тотальная осада Кронштадта сделали практически невозможным осведомление петроградцев обо всем происходившем в крепости. Поэтому слухи уже вряд ли могли отражать (пусть и в измененном виде) реальную картину кронштадтского противостояния. У них абсолютно не было никакой почвы. Отсюда предположения рабочих о том, что творится на острове, — это скорее своеобразное, мистифицированное свидетельство не столько о Кронштадте, сколько об общих политических настроениях масс и их оценках прочности правящего режима. Мало кто знает о Кронштадте, но создается некое идеальное представление о нем, и оно обсуждается по тем канонам и объясняется теми клише, которые в целом привычны для массового мышления.

Таким образом, отметим динамику слухов в ее предельных состояниях. Слухи возникают как специфическое повторение (в

случае отсутствия «слуховой» традиции) официальных установок, и отражают, если пресечены любые каналы информации, скорее политико-психологическую парадигму общества, чем то реальное событие, которое послужило поводом для их распространения.

Неопределенность отношения к Кронштадту, неуверенность в скорой победе над ним, ощущения предстоящего военного краха — такова гамма настроений, отразившихся в слухах и, видимо, охвативших какую-то часть рабочих. Какова была эта часть — выяснить крайне трудно, неполнота сводок позволяет судить об этом весьма приблизительно. Очевидно, однако, что такие настроения существовали и они должны быть учтены при восстановлении полной картины всего происходившего в городе в марте.

Ликвидацию мятежа рабочие встретили спокойно. Источники почти не зафиксировали каких-либо волнений по данному поводу, исключение здесь, пожалуй, составил только Балтийский завод.³⁵³ Произошедшие кое-где 17 марта остановки цехов и предприятий объяснялись, как правило, боязнью артиллерийской стрельбы.³⁵⁴

Ряд документов свидетельствует, что рабочие восприняли ликвидацию мятежа более одобрительно, чем другие слои населения. В связи с этим небезынтересно проанализировать сообщения трех политсводок о положении в 1-м городском районе. Первая из них, датированная 17 марта, отмечает противоречивую реакцию масс на бои под Кронштадтом: «Сегодня на фабриках и заводах было объявлено об успехах красных войск в Кронштадте. Это известие произвело двоякое впечатление. Часть рабочих вместе с коллективистами шумно изъявляли свою радость по этому поводу..., созывали экстренные собрания коллектива... Другая же часть очень недоверчиво отнеслась к известиям, выражала сомнение, говорила, что все эти новости дутые».³⁵⁵ Вторая сводка помечена 18 марта. В этот день из-за праздника (дня Парижской коммуны) многие предприятия не работали, так что информация собиралась в основном вне заводских стен. Здесь уже интонация сообщений несколько иная, чем в предыдущей сводке: «Ликвидация Кронштадтского мятежа в массе населения не произвела того впечатления, какого следовало ожидать. В большинстве случаев это недоверчивость к свершившемуся факту, чаще всего слышатся возгласы, что не могли пехотные части взять морскую неприступную крепость, тут что-то не то. Ходят упорные слухи, что в лагере белых существует хорошо подготовленный заговор, о котором нам ничего не известно, но который с наступлением весны будет приведен в

---

³⁵³ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 312. Л. 76.

³⁵⁴ Там же. Л. 79.

³⁵⁵ Там же. Л. 53.

исполнение. Тогда уж нам так легко не отделаться... Таково настроение на улицах, в столовых, чайных, на вокзалах».³⁵⁶

Третья политсводка, составленная 19 марта на основании преимущественно данных с заводов, рисует совершенно иную картину. Правда, здесь настораживает стиль сообщения, в целом построенного по канонам агитационной статьи и заметно отличающегося от скупых и конкретных отчетов предыдущих дней. Не исключено, конечно, что оно писалось в состоянии эйфории, но все же, если очистить его от риторических наслоений, оно вполне подтверждается и другими сведениями. Можно также предположить, что поступление окончательных известий из Кронштадта резко изменило настроение рабочих: примеры таких колебаний обнаруживаются на всех этапах развития мартовского кризиса. «Настроение рабочих, — отмечается в сводке, — в связи с известием о взятии Кронштадта сильно поднялось, газеты разбираются нарасхват и читают с неподдельной радостью... Все рады счастливому концу и с гордостью говорят о героизме красных курсантов... Изредка раздаются возгласы бессильной злобы. Противники Советской власти, обыватели и мелкие хозяйчики стараются вселить сомнение и недоверчивость в рабочие массы по поводу нашей победы... Но эта агитация очень редко встречает сочувствие и общего настроения изменить не может».³⁵⁷

И в других сводках ликование по поводу победы над Кронштадтом было замечено исключительно на предприятиях. Понятно, что здесь имелись более широкие возможности для организации митингов, собраний и даже импровизированных «шествий». Инициатива этих действий, судя по документам, преимущественно принадлежала коммунистам. Однако и определенная часть рабочих оказалась охваченной эйфорией победы, хотя мотивы их различной реакции на захват крепости, как правило, оставались вне поля зрения информаторов.

Такова в общих чертах достаточно пестрая картина, характеризующая отношение рабочих к Кронштадту в марте 1921 г. В целом она отражала диапазон политических настроений общества в послевоенный период. Кронштадт вряд ли смог ошутимо их изменить, хотя полностью отрицать его влияния и нельзя. Но в принципе он лишь ярче, рельефнее обозначил сложившуюся градацию политических взглядов рабочих и отчетливее обнаружил механизм их колебаний. Он послужил как бы индикатором для выявления тех особенностей политического облика масс, которые лишь угадываются и вообще трудно поддаются фиксации в условиях стабильной политической ситуации.

---

³⁵⁶ Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 43.

³⁵⁷ Там же. Л. 54.

Исследователь, изучая материалы об отношении петроградских рабочих к Кронштадтскому восстанию, сразу же отмечает одно обстоятельство. Это быстрое и повсеместное угасание интереса к восстанию буквально на протяжении нескольких недель после его подавления. Сведения о том, как в рабочей среде оценивали мятеж кронштадтских моряков, приходится собирать по крупицам, а к концу апреля 1921 г. они почти полностью исчезают. Начиная с 20-х чисел марта информаторы фиксируют преимущественно лишь «спокойное» настроение рабочих, озабоченных скорее раздачей продуктов и товаров, чем Кронштадтом. В связи с похоронами красноармейцев, погибших при штурме крепости, сводки сообщают о сочувственном отношении к «жертвам Кронштадта» на фабриках и заводах, вновь в них подчеркивается уже замеченный ранее отход рабочих после известий о мятеже с антикоммунистических позиций.³⁵⁸ «Прокронштадтские» настроения в это время отмечаются редко и, как правило, упоминающие об этом сводки не содержат ни имен, ни конкретных реалий.³⁵⁹ В целом же сообщений, прямо или косвенно связанных с Кронштадтом, даже в сводках третьей декады марта 1921 г. крайне мало.

В данной связи особую значимость для изучения темы имеют документы, связанные с подготовкой и проведением Общегородского беспартийного совещания рабочих Петрограда. Совещание работало с 10 по 20 апреля 1921 г. Кампания по избранию его делегатов преимущественно развернулась во второй декаде марта — первой декаде апреля 1921 г. Совещание официально созывалось для того, чтобы выяснить нужды рабочих и укрепить доверие между коммунистами и беспартийными: оно оказалось явно поколебленным

---

³⁵⁸ Характерной в этом отношении можно считать сводку № 31 по 1-му Городскому району Петрограда с 11 до 22 часов 24 марта 1921 г.: «...политические вопросы мало интересуют рабочих, чувствуется реакция, но не везде. На 4-й парусиновой фабрике, например, горячо дебатировался вопрос о похоронах красных курсантов, отношение к погибшим самое теплое, многие желают провожать их. После Кронштадтского мятежа частично наблюдались случаи, когда беспартийные резко становились на точку зрения коммунистов; вчера многие беспартийные выражали желание быть на общем партийном собрании во Дворце [имени] Урицкого» (Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 33); см. также сводку по 1-му Городскому району с 14 по 24 марта 1921 г.: «К кронштадтским событиям относились как к авантюре, когда мятеж был подавлен, рабочие и работницы были очень рады этому...» (Там же. Л. 85); сводку ремонтно-утилизационных мастерских ПВО с 10 по 23 марта 1921 г.: «Настроение тов[арищей] красноармейцев и работниц хорошее, в связи с ликвидацией Кронштадтского мятежа» (Там же. Л. 3).

³⁵⁹ Приведем ниже образцы подобных сообщений: «Обыватели ведут враждебную агитацию среди малосознательных рабочих, говоря о временном успехе и колоссальных потерях» (Политсводка штаба внутренней обороны Петрограда 19 марта 1921 г. о положении в Московско-Нарвском районе. (Там же. Л. 160)); «...только не радовались [подавлению мятежа] некоторые, да и в большинстве служащих, открыто которые ничего не выявляли, но ходят с кислыми недовольными физиономиями» (Сводка по 1-му Городскому району с 14 по 24 марта 1921 г. (Там же. Л. 85)).

после фабрично-заводских забастовок февраля—марта 1921 г. в Петрограде. «Ликвидировав Кронштадтский мятеж и петроградскую волынку, нужно ликвидировать все это политически» — столь откровенно была обозначена цель предстоящего Совещания на заседании Петербургского районного комитета РКП(б) 22 марта 1921 г.³⁶⁰

О самом Кронштадте уже в ходе предвыборной кампании агитаторы предпочитали упоминать как можно меньше. Этой темы, разумеется, касались, но как правило, не очень охотно, причем старались не затрагивать детали мятежа, высказываясь лишь в «общем плане». Нередко, говоря о Кронштадте, агитаторы отмечали его побочные аспекты, преимущественно последствия мятежа; но мало кто знал о том, что же в действительности произошло на о. Котлин в марте 1921 г. Неудивительно поэтому, что рабочие прежде всего требовали рассказать им о подробностях кронштадтских событий, хотя, как правило, дальше это зачастую и не шли.³⁶¹ «Информативную» направленность интереса рабочих к Кронштадту, правда, не следует преувеличивать — отчасти она свидетельствовала о той атмосфере сыска и репрессий, которая делала невозможным более отчетливые прокронштадтские выступления на петроградских фабриках и заводах.

Характерно, что сообщая о желании рабочих обсудить кронштадтские события, информаторы прежде всего отмечали их стремление узнать о судьбе арестованных матросов. Так, на собрании в Путиловской верфи был задан вопрос о том, сколько репрессировано матросов в Кронштадте,³⁶² в наказе делегатам на Совещание от завода Дюмо предлагалось «выбрать беспартийную комиссию в военно-революционный трибунал для разбора кронштадтских событий».³⁶³ О том, что это не было лишь проявлением праздного интереса, свидетельствует следующий пункт наказа Дюмо: «Освободить из тюрем рабочих, крестьян, матросов, красноармейцев и курсантов и всех арестованных лиц, принадлежащих к разным политическим партиям».³⁶⁴ Отметим также, что на уже упомянутом собрании в Путиловской верфи информаторы

---

³⁶⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 61. Л. 48.

³⁶¹ Примечательно, что почти во всех документах подмечен тот факт, что инициатива обсуждения кронштадтских событий исходила непосредственно от самих рабочих, а не являлась частью очередной «агиткампании» властей (ср. фрагмент протокола собрания 2-й Государственной электростанции 8 апреля 1921 г.: «Текущие дела. а) О событиях в Кронштадте ввиду того, что рабочие заинтересовались событиями в Кронштадте». (ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 71. Л. 1 об.)); см. также донесение о предвыборном собрании на заводе Нобель 6 апреля 1921 г. о том, что наибольший интерес рабочих, в числе прочих вопросов, привлекли к себе кронштадтские события (Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 11. Л. 123).

³⁶² Там же. Л. 125.

³⁶³ Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 86. Л. 87.

³⁶⁴ Там же.

обнаружили у рабочих «неудовлетворительное настроение».³⁶⁵ И думается, не случайно желание узнать о Кронштадте возникало преимущественно на тех предприятиях, которые в конце февраля—начале марта 1921 г. были наиболее мощными забастовочными центрами в городе.

Вопрос об арестах матросов перекликался на предвыборных собраниях с другим: об арестах рабочих, «изъятых» из бастовавших фабрик и заводов. Где-то в резолюциях собраний просили вернуть из ЧК только арестованных на данном предприятии, но где-то, как это было на 5-м ремонтно-строительном заводе, требовали «полной амнистии всем политическим заключенным за свои политические убеждения».³⁶⁶ Можно предположить, что усиленное обсуждение вопроса об арестованных рабочих в конечном счете инициировало интерес и к судьбе арестованных матросов. Заметим в связи с этим, что требования прекратить аресты (они выдвигались на многих предприятиях в конце марта—начале апреля 1921 г.) формулировались, как правило, весьма неотчетливо, и им может быть приписан более глубокий смысл.

Выявить скрытую механику обсуждения кронштадтского вопроса отчасти помогает протокол делегатского собрания рабочих и служащих фабрики «Скорход» 4 апреля 1921 г. Это, пожалуй, наиболее подробный и откровенный документ, касающийся данной темы, среди уцелевших в архивах. Зачин собранию дал весьма известный в то время среди скороходовцев рабочий-активист Газенберг. Он выступил против репрессий, которым «по слухам» подвергаются кронштадтские матросы. Им же было предложено «осветить всесторонне события в Кронштадте».³⁶⁷ Здесь же на собрании был задан вопрос о том, почему для расследования Кронштадтского восстания не привлекаются «представители от фабрик и заводов», и были отмечены следующие слова вопрошавшего: «Диктатура не партий должна быть, а всех рабочих и крестьян».³⁶⁸

Обратим внимание на специфическое соседство различных блоков выступления Газенберга: оно частично приоткрывает завесу над столь туманным «кронштадтским» дискурсом марта—апреля 1921 г. Умеренное требование «осветить кронштадтские события» вдруг оказывается напрямую связанным со слухами о репрессиях против матросов. Чуть более радикальное пожелание привлечь к следствию рабочих дополняется лозунгом, напоминающим кронштадтское «Власть Советам, а не партиям». Вполне логично предположить, что то, о чем недоговаривали сводки и докладные записки, о чем

---

³⁶⁵ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 11. Л. 125.

³⁶⁶ Наказ собрания 5-го ремонтно-строительного завода 6 апреля 1921 г. (Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 86. Л. 76).

³⁶⁷ Там же. Ф. 1776. Оп. 23. Д. 10. Л. 46.

³⁶⁸ Там же. Л. 47.

скудно упоминали протоколы рабочих собраний, в этом документе проскальзывает и полнее, и откровеннее, и за внешне невинной просьбой рассказать о Кронштадте мы ощущаем скрытое политическое противостояние.

Весьма характерной представляется концовка собрания. В принятой им резолюции 25-ю голосами «за» и 18-ю «против» предлагалось «избрать комиссию для расследования кронштадтских событий и всех арестованных и огласить на конференции»³⁶⁹ резолюцию кронштадтских матросов».³⁷⁰ Столь неожиданный поворот дискуссии озадачил руководителей фабрики. Вновь собравшееся на следующий день, 5 апреля 1921 г., делегатское собрание попросило «пересмотреть вопрос о выборах комиссии по расследованию кронштадтских событий и заключенных в тюрьму», причем один из предложивших этот пересмотр мотивировал свою позицию тем, что «честные рабочие и коммунисты должны отказаться идти защищать контрреволюционный пункт». Но все было тщетно: 39-ю голосами за и 4-мя против делегатское собрание подтвердило свое прежнее решение.³⁷¹

Отметим однако, что споры о Кронштадте мало затронули тогда рабочую среду Петрограда. На фабрично-заводских собраниях и в поправках к Наказу Беспартийному совещанию чаще и охотнее всего рабочие касались непосредственно волновавших их бытовых и социально-экономических вопросов: уравнивания пайков, повышения тарифов оплаты труда, выдачи прозодежды, свободной торговли, открепления от предприятий («свободного труда») и т. д. Документы свидетельствуют, что когда на каком-нибудь предприятии намечался переход от экономики к политике, рабочих немедленно одергивали, обращая их внимание на то, что политические споры мешают устранению экономических неурядиц.

Инициатива обсуждения на Совещании «кронштадтского вопроса» петроградской официозной прессой была по обыкновению приписана политической оппозиции. Отчасти это было верно. Одним из первых затронул на Совещании вопрос о Кронштадте видный петроградский меньшевик Бакленков, избранный делегатом от рабочих Петроградского военно-автомобильного транспорта.³⁷² О «домогательстве меньшевиков» расследовать «кронштадтские события» говорит и весьма осведомленный в деталях беспартийного форума Н. А. Угланов, бывший в то время в числе большевистских «вождей» Петрограда.³⁷³ Меньшевики и сами не скрывали, что они стремились придать политическое звучание Беспартийному совещанию —

---

³⁶⁹ Имеется в виду предстоящее Беспартийное совещание рабочих.

³⁷⁰ Там же. Л. 47 об.

³⁷¹ Там же. Л. 48.

³⁷² Маховик. 1921. 12 апр.

³⁷³ Угланов Н. А. Собиралис революционных сил (1917—1921 гг.) // Ленинградские профсоюзы за десять лет. Сборник воспоминаний. Л., 1927. С. 111—112.

об этом недвусмысленно рассказывает в своих мемуарах один из меньшевистских лидеров, Ф. И. Дан, находившийся тогда под арестом в Петрограде, но получавший довольно полную информацию о городских новостях апреля 1921 года.³⁷⁴

Меньшевистские инициативы в кронштадтском дискурсе нельзя игнорировать, но их значение не следует и преувеличивать. Поступившие в президиум Совещания записки, касавшиеся так или иначе Кронштадта, равно как и бурные аплодисменты, награждавшие оппозиционные выступления,³⁷⁵ отчетливо показывают, что интерес к Кронштадту не был только прерогативой партийно ориентированных ораторов.

Мы можем отметить три аспекта обсуждения кронштадтского вопроса на Совещании. Первый из них касался освещения Кронштадтского восстания. Сохранились даже записки в президиум Совещания с просьбой зачитать резолюцию кронштадтских матросов.³⁷⁶ Не совсем ясно, имелось ли в виду представление только лишь информативного доклада о мятеже, или, в дополнение к этому, речь шла еще и об обсуждении кронштадтских событий: мы не можем рассматривать предложения, исходившие от отдельных делегатов, как точные формулировки пожеланий других участников Совещания. Как бы то ни было, власти в любом случае не желали сколь-нибудь подробной дискуссии вокруг Кронштадта. Это красноречиво отражено в протоколе № 3 заседания президиума Общегородского совещания 12 апреля 1921 г. «Слушали: 2) предложение тов. Осипова вновь поставить вопрос о кронштадтских событиях — отвергнуть; 3) предложение тов. Илотовского предложить Совещанию выбрать комиссию для расследования кронштадтских событий — считать ненужным».³⁷⁷

Правда, власти пошли на компромисс: в своем выступлении на Совещании 12 апреля 1921 г. председатель Петросовета Г. Е. Зиновьев зачитал некоторые документы о Кронштадтском мятеже, но едва ли это можно было счесть началом какой-либо дискуссии. «Когда рабочие требовали осветить события, то их не осветили», так сообщал позднее, 20 мая 1921 г., в своем докладе о Совещании один из делегатов, избранных от 4-й государственной фабрики.³⁷⁸

---

³⁷⁴ Отметим, что сообщение Дана о заседании президиума Беспартийного совещания почти полностью подтверждается документальными материалами (см.: Протокол заседания президиума Совещания 11 апреля 1921 г. (ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 72. Л. 2)).

³⁷⁵ Их вынуждена была заметить даже правительственная пресса.

³⁷⁶ Очевидно, имелась в виду резолюция Кронштадтского гарнизона 1 марта 1921 г. Ниже приводятся тексты этих записок: «Прочитайте резолюцию кронштадтских моряков конференции» (ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 73. Л. 127); «Президиум. Прошу прочитать резолюцию кронштадтского гарнизона» (Там же. Л. 130).

³⁷⁷ Там же. Д. 72. Л. 5.

³⁷⁸ Там же. Ф. 6006. Оп. 5. Д. 5. Л. 29 об.

Еще одним аспектом «кронштадтских» дискуссий стало предложение пригласить на Совещание лидера меньшевиков Ф. Дана. В числе вопросов, предназначенных ему, несомненно прозвучал бы и тот, который содержался в одной из записок, присланных в президиум (мы сохраняем ее синтаксис и орфографию): «Участвовали ли члены партии меньшевиков в Кронштадтском восстании, берут ли они на себя, что восстание организовано меньшевиками и эсерами».³⁷⁹ Предложение пригласить Ф. Дана вызвало мало управляемую реакцию зала: делегаты один за другим начали перечислять имена «вождей контрреволюции», чьи речи они желали бы выслушать. Среди других в Президиум поступила и такая записка (сохраняем ее орфографию и синтаксис): «Прошу пригласить сюда Козловского здесь спросить его на очной ставке о событиях Кронштадта».³⁸⁰

Все эти поползновения были быстро пресечены руководством Совещания. Его президиум, рассмотрев 11 апреля 1921 г. вопрос «о предложении вызвать Дана, Милюкова, Козловского», постановил «единогласно отвергнуть, считая недопустимым приглашение на рабочее совещание представителей контрреволюции».³⁸¹

Укажем и на третий аспект «кронштадтских» дискуссий: протесты по поводу отсутствия на Совещании кронштадтской делегации. Власти понимали, что присутствие любых кронштадтских делегатов — все равно, лояльных или нелояльных — привлечет особое внимание петроградских рабочих. Можно было подготовить официозные доклады и попросить выступить с ними наиболее «надежных» кронштадтских работников. Но нельзя было предотвратить или полностью проконтролировать частные беседы кронштадтских и петроградских рабочих, а это неизбежно бы поколебало официальную версию мятежа и породило бы новые слухи. Подоплека решения властей для многих не была секретом. Вот почему докладчика на Совещании, начавшего объяснять отсутствие представителей из Кронштадта тем, что «там осадное положение, крепость, и мы полагаем, что нельзя устраивать выборы такие под давлением осадного положения» прервали возгласом: «Вы боялись правды».³⁸² Однако никаких действий в этом направлении делегаты не предпринимали и данный вопрос здесь уже не обсуждался.

Петроградские документы конца марта—апреля 1921 г. не зафиксировали сколь-нибудь определенного отношения рабочих к

---

³⁷⁹ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 73. Л. 127 об.

³⁸⁰ Там же. Л. 146. Ср. с отражающей точки зрения властей запиской в президиум: «Просить у меньшевиков, не нужно ли им позвать сюда их вождя генерала Козловского» (Там же. Л. 155).

³⁸¹ Там же. Д. 72. Л. 1.

³⁸² Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 70. Л. 34 об.

кронштадтским событиям. Интерес к ним быстро и заметно угас после подавления мятежа. Если кратко суммировать основные причины этого, то они сведутся к следующему. Во-первых, развитию «кронштадтских» дискуссий во многом препятствовала система политического контроля, в разных формах проявившаяся на сотнях промышленных предприятий города. Отсюда и заметная осторожность рабочих, их специфическая самоцензура. Сказалась и целенаправленная тактика властей, дозирувавших информацию о Кронштадте и манипулировавших ею. Во-вторых, следует отметить слабость политической культуры рабочих, и откровенную индифферентность многих их слоев. Документы (и предвыборной кампании, и самого Совещания) ясно показывают, что основные споры в рабочей среде почти всегда касались только бытовых и материальных вопросов, крайне редко выходя за их пределы.

ГЛАВА III

ОППОЗИЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ РАБОЧИХ: СТРУКТУРА И МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

1. Рабочие и оппозиционные партии

Любой исследователь, пытающийся определить степень влияния оппозиционных партий на рабочих, обычно обнаруживает в исторической литературе две точки зрения, подчас полярно противоположные. Первая из них — это преуменьшение роли в рабочем движении эсеров и меньшевиков — основных и самых массовых оппозиционных политических партий в послеоктябрьское время. Ее воспроизводила и обосновывала советская историография, так или иначе касавшаяся различных аспектов борьбы с антисоветскими партиями. Вторая точка зрения присуща оппозиционным политикам и публицистам. Для них утверждения о широкой поддержке социалистов рабочими являлись, помимо прочего, и эффективным идеологическим инструментом в межпартийном противоборстве. Как это ни парадоксально, но приписывание оппозиции того значения, которого она и не имела, исходило и от государственных идеологических структур: это должно было оправдать существование отрицательных явлений в рабочей среде таким образом, чтобы не затрагивался миф о «святости» пролетариата. От агитаторов требовалось не только признать наличие и объяснить причины непредвиденных отклонений в рабочей среде, но вместе с тем не позволить, чтобы эти объяснения были использованы противниками в пропагандистских целях — и все это в рамках одной идеологической конструкции.

Переплетение этих двух политико-историографических версий развертывает перед исследователем картину, полную противоречий, неточностей и умолчаний. Обнаружить здесь истину труднее еще и потому, что, изучая оппозицию, мы, по существу, вступаем в область подпольной политической практики вследствие неофициаль-

ного запрета некоммунистических партий, лишь чуть ослабляемого во время их кратких и ограниченных легализаций. Невосстановимость всех деталей дискуссий об оппозиции ввиду их неточного документирования (а это неизбежно) фактически предрешена.

Численность рабочих, принадлежавших к оппозиционным партиям в 1917—1923 гг., выяснить очень трудно, и даже скрупулезные подсчеты здесь мало что дадут: немногие в то время решались афишировать свою причастность к оппозиции. Существует мнение о малочисленности оппозиционных организаций,¹ и оно не всегда может считаться пристрастным, хотя обыкновенно исходит от недоброжелательно настроенной к социалистам историографии. Отметим, однако, что вопрос о численности партий не имел тогда того особого значения, которое ему придавали исследователи в более позднее время. Достаточно сказать, что и большевистские ячейки на предприятиях не были многочисленными, хотя вербовка в компартию уже с 1918 г. пользовалась мощной государственной поддержкой. В данном случае, возможно, стоит говорить лишь о степени влияния оппозиции на рабочих безотносительно того, входили ли последние в ее организационные структуры или нет. Влияние эсеров и меньшевиков на рабочих нередко пытаются оценить, исходя и из двух других показателей — оппозиционного контроля над профсоюзами и доли голосов, поданных за социалистические партии на выборах в Советы. Рассмотрим эти два явления.

Отчетливо размежевание профсоюзов по политическому признаку произошло в течение нескольких месяцев после Февральской революции. Правда, здесь сказались и те тенденции в профессиональном движении, которые обозначились в предыдущее десятилетие. К октябрю 1917 г. социалисты имели прочные позиции в нескольких профсоюзах, и в первую очередь печатников и химиков. Возможно, в этом сказался и более высокий образовательный уровень (особенно это касается печатников) рабочих данной специальности — в силу этого они менее были склонны откликаться на радикальные речи и лозунги. Но нельзя при этом не учитывать и то обстоятельство, что социалисты, как и большевики, широко использовали возможности профсоюзного организационного аппарата для одобрения тех документов в низовой рабочей среде, которые отвечали их политическим целям.

Приобретение большевиками государственных рычагов в 1917 г. решило профсоюзный спор в их пользу. Случилось это, однако, не скоро. Как признавала А. М. Панкратова, «в большинстве местных Советов профсоюзов признание Советской власти произошло не

---

¹ См.: Чемерисский И. А. Борьба с левонароднической идеологией по вопросам НЭПа в 1921—1922 гг. // Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М., 1974. С. 259.

сразу, так как большинством в них все еще являлись меньшевики».² В целом большевизация профсоюзов в конце 1917—начале 1918 г. объяснима не только административным нажимом властей, но скорее всего и тем, что большевистские идеи в то время оказались более близки массам рабочих, считавших, что российские проблемы нельзя решить иначе, как только радикальными мерами. Уже на I Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1918 г. среди делегатов было 273 большевика, 66 меньшевиков и 33 представителя других партий.³ Этого не оправдать единственно действием государственной репрессивной машины: ее возможности на рубеже 1917—1918 гг. были еще довольно ограниченными. Но соотношение делегатов на V съезде профсоюзов в 1922 г. — 773 большевика и 2 меньшевика (при отсутствии прочих оппозиционных групп)⁴ — можно считать созданным не столько пресловутой «победой идей», сколько жесткой чисткой профсоюзов.

Предложения о политической нейтральности профсоюзов уже в первые послереволюционные месяцы были отвергнуты в очень энергичных выражениях. Произошло это на I Всероссийском съезде профсоюзов. В постановлении съезда «О задачах профессионального движения» недвусмысленно говорилось о том, что «идея нейтральности профессиональных союзов была и остается буржуазной идеей. Нет и не может быть нейтральности в великой исторической тяжбе между революционным социализмом и его противниками. Тем более не может быть „нейтрально“ профессиональное движение в России, переживающей великую революцию и свергающей иго буржуазии... И вопрос о национализации банков, и вопрос о борьбе против буржуазной печати, и вопрос об аннулировании займов, и вопрос о борьбе против контрреволюции самым непосредственным образом затрагивают также интересы профессионального движения. Во всех этих вопросах профессиональные союзы должны целиком поддержать политику Советской власти, проводимую Советом Народных Комиссаров».⁵ Эта резолюция примечательна не только осуждением «нейтральности» как таковой, но и очень подробным, специфически «тоталитарным» перечислением тех политических вопросов, в которых профсоюзы должны были занять отчетливо пробольшевистскую позицию. Здесь власти отвергали любую недоговоренность, требуя «все и сразу». Идеологической мотивировкой для такой точки зрения было утверждение, что государство после октября 1917 г.

---

² Панкратова А. М. Политическая борьба в российском профдвижении. 1917—1921. Л., 1927. С. 12.

³ Там же. С. 146.

⁴ Там же.

⁵ Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов. 7—14 января 1918 г. Стеногр. отчет. М., 1918. С. 364.

стало «пролетарским», и потому государственные и рабочие интересы совпали, политическим основанием — давняя традиция политизации профсоюзов, обозначившаяся еще во время первой русской революции. Денеитрализация профсоюзов в годы гражданской войны — важный шаг к идеологической унификации рабочих и один из ключевых элементов формирования авторитарного общества в России.

Как уже отмечалось, наиболее сильными позициями социалисты обладали в Союзе химиков⁶ и Союзе печатников,⁷ особенно в 1918 г. В Петроградском Союзе химиков смена руководства правления произошла верхушечным путем и не вызвала массовой низовой реакции: уехавший в Москву на Совещание уполномоченных фабрик и заводов секретарь Союза меньшевик Захаров был там арестован, и 9 августа 1918 г. руководство Союзом перешло к большевикам.⁸ Иной оказалась ситуация в Петроградском Союзе печатников. Несмотря на перевыборы правления Союза весной 1918 г. вытеснить отсюда меньшевиков не удалось.⁹ Поскольку легальные возможности убрать оппозицию из Союза печатников были недостаточными, а разогнать его остерегались, опасаясь недовольства рабочих, была неофициально санкционирована необычная акция: создание параллельного «красного» Союза печатников. Официально эта мера не могла быть применена, ибо она противоречила резолюции II Всероссийского съезда профсоюзов о недопустимости существования параллельных профессиональных организаций в одной отрасли производства. Поэтому, когда в Петрограде образовался Красный Союз печатников, Президиум ВЦСПС формально высказался против этой акции.¹⁰ Впрочем, его протест не был настойчивым, и уже вскоре такой Союз был создан в Москве и других городах. В мае 1919 г. началась подготовка созыва Всероссийского съезда «красных печатников». Организационно-инструкторский отдел ВЦСПС, следуя прежней линии, попытался дезавуировать съезд, объявив его незаконным. Но он

---

⁶ См.: *Панкратова А. М.* Политическая борьба в российском профдвижении. С. 130; *Шатилова Т.* Очерк истории Ленинградского Союза химиков (1905—1918 гг.). Л., 1927. С. 95—96.

⁷ *Угланов Н. А.* Собрание революционных сил. 1917—1921 гг. // Ленинградские профсоюзы за десять лет. 1917—1927. Л., 1927. С. 108; Воспоминания комиссара типографии «Русская воля» С. Уралова // Донесения комиссаров Петроградского военно-революционного комитета. М., 1957. С. 224.

⁸ *Шатилова Т.* Очерк истории... С. 96.

⁹ Характерно, что на общем собрании Союза печатников 24 марта 1918 г. перед тем, как старый состав правления сложил с себя полномочия, была принята меньшевистская резолюция (См.: *Панкратова А. М.* Политическая борьба в российском профдвижении. С. 129). Этот настрой был подтвержден и итогами выборов: меньшевики в Правлении Союза вновь оказались в большинстве.

¹⁰ Отчет Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов за 1919 г. М., 1920. С. 36.

был сразу одернут руководством ВЦСПС. Сделано это было в резолюции, которая наглядно показала, что какие-либо закреплённые в документах профсоюзные правила не очень много значили, если речь шла о власти: «ВЦСПС считает, что данный съезд красных печатников, являясь формальным противоречием организационным принципам, признанным 2-м съездом профессиональных союзов, в то же время носит в себе здоровое пролетарское стремление к единению всех революционных сил на основе общеклассовой борьбы и диктатуры пролетариата».¹¹ После этого ВЦСПС под благовидным предлогом преодоления раскола назначил объединительный съезд. Он состоялся в августе 1919 г. и ввиду отсутствия оппозиции (она отказалась от участия в нем из-за махинаций на выборах) избрал большевистское правление нового Союза; старый Союз был распушен.

Разумеется, профсоюзный «переворот» невозможно было бы осуществить без согласия самих рабочих. Многие из них, пробольшевистски настроенные, и составили основу «красного» профсоюза печатников. Но рассматривать это лишь как знак перемены политических симпатий — от меньшевиков к большевикам — было бы не совсем верно. Тут сказалась в большей степени та «техника организационного манипулирования», как точно выразился в своей книге Д. Кип,¹² которой было присуще именно чередование ряда форм политического воздействия, включавших и подавление протеста рабочих, и их привлечение на сторону власти посредством проведения каких-либо акций, имевших популярность в фабрично-заводской среде. Диапазон средств разрушения независимых профсоюзов был довольно широким, и хотя не все они были эффективны, с их помощью удавалось проводить профсоюзные чистки. Особая значимость придавалась идеологическим аргументам: выступавшие на производственных собраниях агитаторы дискредитировали лиц, принадлежавших к независимым профсоюзам, называя их «штрейкбрехерами» и «желтыми»; о точности терминов не заботились. Тем самым они натравливали на них и т. н. сочувствующих, да и многих из тех, кто окружал «независимых рабочих».

Ликвидация оппозиционного контроля над рядом отраслевых профсоюзов была не только идеологической комбинацией, но и следствием применения целого комплекса разнородных средств — от пропагандистских до репрессивных. Говорить поэтому, что уменьшение влияния социалистов в профсоюзах являлось мерилom ослабления их авторитета среди рабочих можно лишь с оговорками. Точ-

---

¹¹ Там же. С. 37.

¹² *Keep J. The Russian Revolution. A Study in Mass Mobilization.* New York, 1976.

нее было бы отметить, что, лишённые профсоюзной трибуны, социалисты теряли и эффективные инструменты пропаганды своих программ среди рабочих, а это, в свою очередь, ограничивало их политические возможности.

Представительство социалистов в Совете даже в первые послеоктябрьские месяцы нельзя назвать широким. Большевизация Петроградского Совета началась еще осенью 1917 г. Влияние эсеров и меньшевиков в Петросовете, однако, наиболее ощутимо начало падать после выборов в декабре 1918 г. Если на выборах в Петросовет в июне 1918 г. оказались избраны в числе 1147 депутатов 49 правых эсеров и 26 меньшевиков, то в декабре — 1 правый эсер и 5 меньшевиков. После выборов в июне 1920 г. среди 2214 депутатов Петросовета насчитывалось 17 эсеров меньшинства¹³ и 5 меньшевиков. Социалисты избирались в Петросовет не только служащими учреждений (на это обычно обращается особое внимание в исторической литературе), но и рабочими. В частности, в 1919—1920 гг. меньшевики были избраны депутатами Петросовета на фабрике Паль, заводе Нобель, фабрике Торнтон, Александровском заводе.¹⁵ На заводе «Арсенал» в июне 1920 г. наравне с 5 коммунистами депутатом Петросовета был избран эсер.¹⁶

В целом же представительство социалистов от рабочих в Петросовете во время гражданской войны (не говоря уже о позднейших годах) являлось весьма скромным. И все же, зная о многочисленных фактах подтасовок итогов выборов, о принудительных переголосованиях, о неравных условиях предвыборной борьбы, о преследованиях за критику на собраниях, о запретах на выступления социалистических ораторов на предприятиях и их арестах, об ограничении в предвыборной агитации, об открытом голосовании и опасении рабочих быть замеченными в неблагонадежности, о ликвидации свободы печати и искажении позиции социалистов в официозной прессе, можно предположить, что данная ситуация возникла не только вследствие перепадов массовых настроений рабочих, но и как результат целенаправленной тактики тотального вытеснения всех оппозиционеров из советских учреждений. Надежным критерием оценки влияния оппозиционных партий данные о расстановке сил в Петросовете служить не могут. Сами некоммунистические партии уже в 1918 г. подверглись неофициальному запрету. Ввиду жестких политических ограничений многие из их представителей были вынуждены баллотироваться в

---

¹³ Партия эсеров меньшинства возникла после раскола ПСР (правых) в октябре 1918 г.

¹⁴ Гоголевский А. В. Петроградский Совет в годы гражданской войны. Л., 1982. С. 56.

¹⁵ Там же. С. 55—56.

¹⁶ Красная газета. 1920. 26 июня.

Советы как беспартийные.¹⁷ Это еще более затрудняет прояснение истинной партийной принадлежности советских депутатов и делает сомнительными однозначные утверждения о быстром и безоговорочном поражении социалистов в Советах. Обратим внимание и еще на одно обстоятельство. Едва где-то возникали стачки и восстания, вина за это немедленно — обоснованно или бесосновательно — возлагалась на эсеров и меньшевиков, хотя руководящие органы этих партий категорически отрицали свою причастность к массовым волнениям.¹⁸ Отнесем часть подобных заявлений на счет подозрительности государственных чиновников и репрессивных структур и специфичности их приемов оправдания политических арестов: и то, и другое явление было обычным в то время. Но свидетельств о влиянии оппозиции на рабочих в эпоху военного коммунизма 1918—1920-х гг., да и в более поздние годы настолько много, они настолько разнообразны и затрагивают такой широкий перечень различных вопросов, что возникают сомнения в том, можно ли выносить вердикт о влиянии

---

¹⁷ Этой тактики они придерживались не только на выборах в Советы, но и при выборах в фабзавкомы, на Беспартийное совещание. Данное явление, ставшее неизбежным следствием политических репрессий, получило отражение и во многих большевистских фабрично-заводских резолюциях (типичным в этом ряду можно считать постановление Общего собрания завода Парвизайнен в 1920 г.: «Заслушав доклад о беспартийной конференции Выборгского района, мы, рабочие и служащие завода Парвизайнен, выносим порицание и проклятие собравшейся кучке эсеров и меньшевиков, укрывшейся маской беспартийности и желавшей обманным путем завлечь рабочие массы в кабалу...» (Цит. по: *Кутузов В. А., Лепетюхин В. Ф., Степиков О. П.* Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1987. С. 437; см. также: *Мецкерский В.* Политическая работа на фронте // Немеркнувшие годы. Очерки и воспоминания о Красном Петрограде. 1917—1919. Л., 1957. С. 306). На заседании Петросовета 26 февраля 1921 г. председатель Петроградской ЧК Н. П. Комаров, говоря о тогдашних событиях в городе, отмечал: «Меньшевики ни на одной фабрике, ни на одном заводе не выступали от имени меньшевистской партии, а всегда выступали под флагом беспартийных» (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 3. Л. 8; ср. с отчетами о Беспартийном совещании, опубликованными в «Красной газете» 12 апреля 1921 г., где содержатся такие же утверждения). Однако сообщения о маскировке социалистов ширмой «беспартийности» надо оценивать с известной осторожностью: не исключено, что информаторы (в т. ч. и официозная пресса) могли без достаточных оснований идентифицировать оппозиционно настроенных беспартийных рабочих с меньшевиками и эсерами.

¹⁸ Как правило, сведения о «подрывной» работе эсеров и меньшевиков, сообщаемые официозной прессой, не подтверждались конкретными доказательствами. Особенно примечательна агитационная кампания в прессе зимой и весной 1921 г. Меньшевикам и эсерам приписывалась тогда инициация забастовок, защита интересов буржуазии и поддержка мелкобуржуазных инстинктов, пособничество интервентам, помощь белым армиям (в частности, Врангелю) и, наконец, подготовка мятежей (см.: *Красная газета*. 1921. 15, 24, 25 февр., 4, 5, 8 марта; *Петроградская правда*. 1921. 24 февр.; 3, 4 марта). «Петроградская правда» поместила сообщение о Кронштадтском мятеже под заголовком: «Меньшевики и эсеры посадили на шею рабочим и матросам Кронштадта белого генерала» (*Петроградская правда*. 1921. 4 марта).

антиправительственных партий лишь на основе арифметических подсчетов голосов на выборах в Советы.

Источники предоставляют нам разнообразную информацию о взаимоотношениях рабочих и оппозиции. Но многие из них отчетливо свидетельствуют, что т. н. «эсеро-меньшевистские» настроения рабочих в то время не всегда означали полного одобрения ими «социалистических» программ. Они являлись прежде всего следствием неприятия действий государственной власти и особенно ее экономических новаций. Если перефразировать известное изречение П. Чадаева, социалистам зачастую доверяли не потому, что они были правы, а потому, что были не правы их противники.

Одним из проявлений эсеро-меньшевистских настроений считаются выступления рабочих осенью 1917 г. с требованием создать однородное социалистическое правительство. На 5-й конференции фабзавкомов Петрограда (15—16 ноября 1917 г.) о необходимости участия в новом правительстве всех демократических сил заявили даже некоторые члены Центрального Совета ФЗК.¹⁹ В резолюции Рождественского районного Совета рабочих и солдатских депутатов 1 ноября 1917 г. также содержится пожелание, чтобы «власть принадлежала всей революционной демократии».²⁰ Депутаты Совета призывали «как товарищей-большевиков, так и социалистов-революционеров и меньшевиков всех оттенков и фракций восстановить нарушенный ныне единый революционный фронт».²¹ Сами резолюции, требовавшие создания однородного социалистического правительства, порой неотличимы друг от друга.²² Возможно, они составлялись по единому шаблону, что не исключает определенного автоматизма, механистичности их одобрения рабочими.

В первой половине 1918 г. можно отметить наивысший рост авторитета социалистов среди рабочих по сравнению с последующими годами. Свидетельством этого прежде всего следует считать создание Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда в марте 1918 г. Хотя формально этот орган был беспартийным, его руководителями и самыми активными участниками являлись в первую очередь меньшевики.²³ Документы

---

¹⁹ См.: Блинов А. С. Центральный Совет фабзавкомов Петрограда. 1917—1918. М., 1982. С. 172.

²⁰ Районные Советы Петрограда в 1917 году. М.; Л., 1966. Т. 3. С. 208.

²¹ Там же.

²² Ср. с приведенным выше постановлением Рождественского районного Совета резолюцию рабочих и служащих Механического завода В. Т. Однер, в которой «признается необходимость создания правительства, опирающегося на партии большевиков, меньшевиков и социалистов-революционеров» (Новая жизнь. 1917. 1 нояб.). В обеих резолюциях их авторы также едины в своем отрицательном отношении к правительству Керенского.

²³ См.: Богданова Н. Б. Мой отец — меньшевик. СПб., 1994. С. 65.

Чрезвычайного собрания уполномоченных²⁴ содержат множество фрагментов программ социалистов, инициированные ими фабрично-заводские постановления в ряде случаев повторяют выдвинутые меньшевиками основные политические лозунги. К Чрезвычайному собранию уполномоченных, правда, примкнули рабочие не всех городских предприятий, но его разгон летом 1918 г. был в основном осуществлен при помощи репрессивного государственного аппарата.

Беспартийные районные конференции, состоявшиеся в Петрограде весной—летом 1918 г. и привлечшие многих рабочих, также возникли благодаря инициативе меньшевиков. Первая из них, прошедшая в Рождественском районе весной 1918 г., была предложена меньшевиками, и большевикам с трудом удалось отклонить здесь антиправительственные резолюции.²⁵ Значительное влияние социалистов обнаружилось и на 1-й конференции рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района. За предложенную большевиками резолюцию по докладу Г. Е. Зиновьева голосовало 73 человека, а за резолюцию социалистов — 44 человека,²⁶ хотя последним принадлежало в районном Совете всего несколько мест.²⁷ Неоднократно лозунги социалистов поддерживались в это время рабочими Путиловского завода. Письмо Г. Е. Зиновьева, направленное завкомму Путиловского завода в августе 1918 г., отмечало в числе организаторов возникшей там забастовки «ничтожное меньшинство правых эсеров, меньшевиков и др[угих] слуг капитала».²⁸ Но если снять риторические наслоения с его обвинений, то следует признать, что зерно истины в нем есть: сами забастовки были в основном проявлением экономического протеста рабочих, но бастующие выражали свои требования в обрамлении политических формулировок, близких к социалистическим клише.

С осени 1918 г. активность социалистов, и, соответственно, их влияние на рабочих начали уменьшаться, и проведенные тогда выборы в Петросовет очень отчетливо отразили этот сдвиг. Легализация меньшевиков и некоторых эсеровских группировок в конце 1918 г. предоставила им возможности (правда, весьма скромные) вести свою агитацию.²⁹ Но следует признать, что в определенных слоях рабочих к тому времени уже сформировался одиозный облик социалиста. Идеологическая дискредитация социалистической

---

²⁴ ЦГА СПб. Ф. 3390. Он. 1. Д. 13.

²⁵ *Шелапин К. И.* Из истории Петербургского Комитета большевиков в 1918 г. // Красная летопись. 1928. № 3 (27). С. 162—163.

²⁶ Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района. С. 125.

²⁷ Там же. С. 361.

²⁸ ЦГА СПб. Ф. 4591. Он. 2. Д. 175. Л. 4.

²⁹ *Чемерисский И. А.* Борьба с левонароднической идеологией... С. 255.

оппозиции в целом имела ту же механику, что и обличение врагов народа — кадетов — осенью 1917 г. На место кадетов в этой схеме обличений были поставлены эсеры и меньшевики, но ход полемических упражнений, аргументы, техника агитации и внешне логичное умножение обвинений оставались прежними. Волнения рабочих в марте 1919 г., сразу же оцененные властями как «левоэсеровская авантюра», как раз и обнаружили уменьшение политического влияния социалистов. На ряде предприятий (в частности, на заводах Брусницына и Осипова, в Василеостровском трампарке) было зафиксировано отрицательное отношение рабочих к эсерам,³⁰ а там, где бастовали, всячески отрицали свою связь с социалистами.³¹ Заметное влияние в те дни социалисты в основном оказывали на рабочих Путиловского завода. На общем собрании путиловцев 13 марта 1919 г. его председателем был избран левый эсер, а итогом собрания стала политическая резолюция, составленная, возможно, не без участия социалистов и содержавшая ряд их программных постулатов.³²

В дальнейшем, во второй половине 1919 г. и в 1920 г., мы встречаем лишь весьма скудные и порой туманные сообщения о деятельности социалистов в рабочей среде. Летом 1919 г. волнения рабочих, возможно, отчасти инициированные социалистами, были отмечены на Васильевском острове.³³ Во время советско-польской войны в 1920 г. зафиксированы выступления на фабрично-заводских митингах «эсеров меньшинства»: они протестовали против похода

---

³⁰ См. протокол собрания организаторов коллективов РКП(б) Василеостровского района. 19 марта 1919 г. (ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 17 об.).

³¹ На это указывали, например, на заседании Петросовета 14 марта 1919 г. делегаты заводов Сименс-Шуккерт и Максвелл (Петроградская правда. 1919. 15 марта).

³² Ее позднее одобрили рабочие заводов Артур Коппель, Речкина и Трубочного (Там же. 28 марта; ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 17). Отметим в связи с этим, что на некоторых предприятиях зимой и весной 1919 г. рабочие протестовали против арестов социалистов. В протоколе собрания организаторов коллективов РКП(б) Василеостровского района 19 февраля 1919 г. подчеркивалось, что на Трубочном заводе «настроение масс плохое, арест левых эсеров повлиял на массы» (ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 14—14 об.).

³³ О крупнейшем предприятии Васильевского острова — Балтийском заводе — в то время сообщалось: «Настроение нехорошее. На заводе есть контрреволюционные элементы» (Протокол собрания организаторов коллективов РКП(б) Василеостровского района. 11 июля 1919 г. (Там же. Л. 50)). В докладе партработника Алексеева на собрании организаторов коллективов РКП(б) 9 июля 1919 г. говорилось о том, что «в связи с продовольственными затруднениями в некоторых районах на фаб[риках] и заводах начались забастовки. замечается, что массу будоражит определенная организованная кучка лиц меньшевиков и эсеров» (Там же. Л. 58). Примечательны и прения на собрании организаторов коллективов РКП(б) 26 июля 1919 г.: «Тов[арищи] опасаются, что в Совет под флагом беспартийных пройдут левые и правые с[оциалисты]-р[еволюционеры]. Другие тов[арищи] смотрят не так пессимистично... В заключительном слове тов. Аршавский [один из руководителей ВО РК РКП(б)] говорит о том, что среди коммунистов не может быть такого пессимизма» (Там же. Л. 55 об.).

на Варшаву.³⁴ Один из них, Гинзбург, смог добиться летом 1920 г. на Александровском заводе отклонения постановления, одобрявшего наступление на Польшу.³⁵ Переголосование александровцев и отмена принятого ими решения состоялись уже спустя несколько дней, но потребовали многих усилий агитаторов. В 1920 г. деятельность социалистов и их влияние на рабочих были отмечены на заводах Путиловском, Обуховском и Роберт Круг,³⁶ но сведения об этом столь фрагментарны и неконкретны, что их интерпретация требует особой осторожности.

События в Петрограде в феврале—марте 1921 г. тогдашняя пресса, равно как и ораторы на собраниях, почти всегда связывали с социалистами. Это мнение репродуцировалось и позднейшей историографией, хотя и не столь откровенно. Заметим, что антисоциалистическая кампания, достигшая своего апогея к середине марта, вскоре стала раздражать и самих рабочих, которым она, собственно, и адресовалась. Имеется ряд документов, свидетельствующих о том, что на петроградских предприятиях в феврале и марте 1921 г. протестовали против того, чтобы «сваливать все» на социалистов. Особенно показательно выступление одного из рабочих на собрании в Невском Судостроительном и механическом заводе 31 марта 1921 г.: «Беспартийные не могут согласиться с толкованием докладчика о причинах „волынки“ на наших заводах, созданных якобы агитацией враждебных правительству политических партий. ... Агитировали в данном случае представители нашей власти, получавшие ответственные и другие пайки и жившие почти в полном довольстве, тогда как рядовые рабочие буквально голодали».³⁷

Меньшевистская городская организация к началу 1921 г. была очень малочисленной. Ряды ее сильно поредели в результате арестов, начатых после случайного обнаружения во время одного из обысков списков активных членов партии. Поэтому, как отмечал Ф. И. Дан, на заседании ПК РСРП(м) было решено во избежание

---

³⁴ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 770. Л. 4.

³⁵ Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов. Заседание 5.17.IX. 1920 г. Стб. 257—258.

³⁶ Петроградская правда. 1920. 1 июля; ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 290. Л. 17 об.; Д. 420. Л. 12; Ф. 6. Оп. 1. Д. 1171. Л. 75; см. также воспоминания П. Антонова о положении на заводе Роберт Круг в 1919—1921 гг. (ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1574. Л. 8).

³⁷ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 1. Д. 13. Л. 91. Можно упомянуть и выступление рабочего Нового Леснера Богданова на заседании Петросовета 4 марта 1921 г.: «Я далеко не меньшевик, я ближе к коммунистам. Мне пришлось объездить некоторые заводы, как Балтийский, Трубочный, Путиловский и т. д. Товарищи, многие видные работники говорят, что волынка произошла благодаря эсерам и меньшевикам. В действительности беспартийные рабочие и крестьяне видят, что дело не в этом, разложение шло не от этого. Все произошло не от агитации меньшевиков и эсеров, а если и было от этого, то в меньшинстве». (Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов. Заседание 18. 4 III. 1921 г.).

арестов воздерживаться от выступлений на предприятиях.³⁸ Этой тактики они придерживались до середины февраля 1921 г., когда произошло известное выступление на заводе Лесснер члена ЦК РСДРП(м) Каменского. Хотя в некоторых фабрично-заводских документах второй половины января—начала февраля 1921 г. уже заметны политические тенденции, все же именно предложенную Каменским и одобренную общим собранием завода Новый Лесснер резолюцию следует считать точкой отсчета в политизации рабочих волнений. Собственно, только это и следует считать главным достижением меньшевиков, поскольку сами стачки имели исключительно экономический характер либо возникали под влиянием известий, полученных с других предприятий. Несогласованность стихийных и анархических выступлений рабочих стала яркой приметой петроградской «волынки», и даже официальная пресса была вынуждена процитировать речь М. Лашевича, признавшего на заседании Петросовета 26 февраля 1921 г., что «сплоченной, сильной руководящей организации не было».³⁹

Свидетельства об отношении рабочих к социалистам в то время очень фрагментарны. Известно, что после ареста Каменского на заводе Новый Лесснер был начат сбор средств в его поддержку. Оповещенный об этом одним из беспартийных, заводской коллектив РКП(б) постановил «принять решительные меры к лицам, сочувствующим... Каменскому».⁴⁰ Однако заводууправление под давлением рабочих дало согласие на сбор средств, и он был произведен неофициально, причем собрали несколько десятков тысяч рублей.⁴¹ Арест социалистов вызвал волнения и на заводе Речкина, хотя столь откровенной массовой демонстрации, как на Новом Лесснере, здесь не было замечено.⁴² Возможно, не всем выступлениям в защиту арестованных эсеров и меньшевиков следует придавать политический оттенок. В ряде случаев здесь сказались традиции рабочей взаимоподдержки, обычное проявление сочувствия к борющимся «за правду» (сам сбор средств практиковался еще издавна, с дореволюционных времен). Отчетливо политической акцией, пожалуй, можно считать лишь помощь печатников в выпуске социалистических листовок. «При содействии рабочих-печатников, — писал позднее Ф. И. Дан, — нам удалось напечатать 1000 экземпляров прокламации и кроме того 500 экземпляров составленной нами га-

³⁸ Дан Ф. Два года скитаний. Берлин, 1922. С. 109—110.

³⁹ Петроградская правда. 1921. 27 февр.

⁴⁰ Протокол собрания коллектива РКП(б) завода Новый Лесснер. 24 февр. 1921 г. (ЦГАИПД. Ф. 376. Оп. 1. Д. 2а. Л. 14 об.).

⁴¹ Письмо бюро коллектива РКП(б) завода Новый Лесснер организатору Выборгского РК РКП(б) (февраль 1921 г.) (Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 350. Л. 85).

⁴² Пухов А. С. В Петрограде накануне Кронштадтского восстания 1921 г. // Красная летопись. 1930. № 4(37). С. 109.

зеты-однодневки...»⁴³ Это подтвердил и Н. П. Комаров на заседании Петросовета 26 февраля 1921 г., уточнив, что данный случай произошел в типографии газеты «Петроградская правда».⁴⁴ Другой мемуарист, А. Дорохов, сообщал об инциденте в типографии газеты «Смена»:⁴⁵ «В последний момент, когда полосы одной из газет были уже сверстаны, метранпаж — меньшевик вынул передовую [статью] и поставил на ее место контрреволюционное воззвание».⁴⁶

Авторитет социалистов во время кризиса 1921 г. в первую очередь определялся их критикой органов власти. Их слушали так же внимательно, как и беспартийных рабочих-оппозиционеров, не проводя различия между ораторами, не отмечая особенности их политических программ, но воспринимая прежде всего их критический запал, столь созвучный настроениям широких рабочих масс зимой и весной 1921 г. «Пока на заводе читаем, что пишут эсеры и меньшевики, слышно, как муха пролетит, а как начнешь читать Обращение [Петросовета], то сейчас же свист, гам, галдеж»⁴⁷ — в этой сцене, описанной позднее организатором коллектива РКП(б) и председателем ревтройки завода Нобель Н. З. Смирновым, очень отчетливо видно одобрение меньшевистских речей именно при противопоставлении их официозным агиткам.

Эта тенденция проявилась и на Беспартийном совещании рабочих Петрограда в апреле 1921 г. «Опыт беспартийных конференций вполне доказал, что они стали ареной для агитации меньшевиков и эсеров», — писал В. И. Ленин в апреле 1921 г.⁴⁸ Особо отметим следующие факты. Уже в первые дни работы Совещания меньшевики при одобрении большинства делегатов добились оглашения своей партийной декларации. Это, правда, сделал Г. Е. Зиновьев, сопроводив чтение текста своими критическими замечаниями. Второй инцидент был связан с требованием рабочих пригласить на Совещание лидера меньшевиков Ф. И. Дана, который в это время находился в одной из петроградских тюрем. Это предложение президиуму удалось отклонить, но, как отмечал со слов очевидцев Ф. И. Дан, оно «было подхвачено массой, которая долго не успокаивалась и требовала вызова меня из тюрьмы».⁴⁹

---

⁴³ Дан Ф. Два года скитаний. С. 114.

⁴⁴ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 3. Л. 9.

⁴⁵ «Смена» — орган Петроградского Губкома РКСМ.

⁴⁶ Дорохов А. В школе революции (Из воспоминаний). М.; Л., 1931. С. 166.

⁴⁷ ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3098. Л. 3.

⁴⁸ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 43. С. 253.

⁴⁹ Дан Ф. Два года скитаний. С. 175. См. записки, посланные в президиум Совещания: «Просим пригласить Дана. Союз метал[листов]»; «Предложите проголосовать: хочет ли собрание выслушать т. Дана»; «Записку огласить. Поставить на голосование: „Желает ли собрание выслушать тов. Дана“»; «Просим пригласить Дана»; «Поставьте на голосование о приглашении сюда Дана»; «Мы беспартийные. Просим Дана. Нам очень хотелось послушать его речь» (ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 73. Л. 110, 140, 144, 149, 154, 157).

Вместе с тем этот случай требует осторожной оценки, поскольку, наряду с Ф. И. Даном, рабочие просили вызвать на Совещание и В. И. Ленина,⁵⁰ и в самих записках, как правило, не выражалось иного желания, кроме как «послушать». «Товарищ Анцелович эта не правильно мы должны ... слушать как вас, так и меньшевиков и в ... других слова надо дать и на[с] никто не соб[е]т с пути, мы не дети, понимаем, рабочие были и будет», — так не совсем грамотно, но довольно ясно мотивировал свой интерес к выступлению Дана один из делегатов конференции.⁵¹ Неудивительно поэтому, что в ряде записок вновь звучала тема социалистического единения. И если принять во внимание орфографию, стиль и лексику их авторов, то можно предположить, что ими были простые рабочие, а не опытные партийные ораторы.⁵² В связи с этим особо подчеркнем, что в итоговом постановлении Беспартийного совещания вопреки тогдашним политическим нравам об эсерах и меньшевиках не было сказано ни слова. Традиционные политические филиппики ограничились здесь следующим: «Совещание с негодованием клеймит позором русских капиталистов и их приспешников за границей».⁵³

Говорить о социалистах как об организованной силе в 1922 г. и особенно в 1923 г. уже нельзя. Можно указать лишь на отдельные, зачастую обособленные и немногочисленные группы. Подавляющая часть социалистов либо прекратила активные действия, либо открыто объявляла о самороспуске предприятий или выходе из них. Однако возможность возрождения их бывшего политического влияния как итог нэповской экономической либерализации всерьез принималась властями в расчет. Характерно, что с меньшевиками и эсерами агитаторы и публицисты по-прежнему связывали возникновение забастовок, критику рабочими государственных учреждений, негативную оценку ими некоторых экономических акций и даже срыв фабрично-заводских собраний. Традиции жесткой политической борьбы 1917—1920-х гг. давали о себе знать и тогда, когда обозначилось падение престижа и влияния социалистов. Эти опасения, в частности, нашли свое отражение в резолюции XII Всероссийской конференции РКП(б) «Об антисоветских партиях и течениях» (1923 г.): «Антисоветские партии и течения частично меняют тактику: они пытаются использовать советскую легальность в своих контрреволюционных интересах и держат курс на „врастание“ в со-

---

⁵⁰ Имена Ф. И. Дана и В. И. Ленина обычно соседствовали в записках делегатов Совещания: «Пригласить на совеща[ние] тов. Дана и Ленина» (Там же. Л. 138); «Прошу, чтобы был на совещании Дан и Ленин» (л. 150) «Если исполнено желание конференции о приглашении тов. Ленина, то нужно исполнить пожелание услышать тов. Дана...» (Л. 181).

⁵¹ Там же. Л. 45.

⁵² Там же. Л. 106, 150 об.

⁵³ Красная газета. 1921. 12 апр. Слова подчеркнуты нами.

ветский режим, который они надеются постепенно изменить в духе буржуазной демократии».⁵⁴

Разумеется, известное влияние на рабочих социалисты еще оказывали, хотя сведения об этом во многих случаях очень неконкретны.⁵⁵ Созданный при поддержке Московского комитета РСДРП(м) еще в декабре 1920 г. Российский социал-демократический союз рабочей молодежи, вскоре развернул свою деятельность не только в Москве, но и в Петрограде. Влиянием на ряде предприятий Петрограда пользовались и эсеры.⁵⁶ Даже в 1922 г. меньшевики пытались участвовать в выборах в Советы, хотя выдвинутые ими списки депутатов, как правило, немедленно блокировались на рабочих собраниях.⁵⁷ Один из руководителей Петроградского губкома РКП(б) П. А. Залуцкий сообщал в марте 1923 г.: «Позиция меньшевиков: во время выборов в Советы они не обнаруживали себя, но при выборах завкомов они принимали участие под видом беспартийных».⁵⁸

В целом же влияние социалистов на рабочих в 1922—1923 гг. было малоощутимым. Отчасти это следует объяснить репрессивными мерами властей и действием бесчисленных антисоциалистических агиток. Агитационные акции, направленные против социалистов, отличались особым примитивизмом. О сути их воззрений упоминали глухо и обязательно с комментариями. Зато вся пресса была полна сообщениями об организованных меньшевиками и эсерами террористических актах и диверсиях. Последнее даже напрямую связывалось с экономическими неурядицами и, следовательно, с нищетой и голодом рабочих. Данная тенденция особенно ярко проявилась во время суда над эсерами в 1922 г. Придавая большое значение политическому воспитанию рабочих, власти обеспечили участие их представителей на судебных заседаниях. Выборы рабо-

---

⁵⁴ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. С. 588.

⁵⁵ См., например, выступление одного из ораторов на общем собрании коллектива РКП(б) завода «Красный Путиловец» в 1923 г.: «Конечно, не будем говорить, что у нас на заводе есть какие-нибудь политические группировки, но отдельные личности этих, если можно их назвать политической партией, меньшевиков, есть, которые используя крикунов, все-таки действуют» (ЦГАИПД. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 35. Л. 38).

⁵⁶ См.: *Лейкин А. Я.* Из истории борьбы РКП(б) и РКСМ за преодоление влияния мелкобуржуазных партий на рабочую молодежь. 1921—1925 // Ленинские принципы борьбы за молодежь и современность Сб. научных трудов. Л., 1977. С. 44.

⁵⁷ В частности, свой партийный список в 1922 г. меньшевики выставили на заводе Гейслер, но он не получил поддержки рабочих. Меньшевикам приписали и инициативу конфликта во время выборов в Петросовет в 1922 г. на фабрике Гука из-за несоблюдения необходимых процедур. Но и здесь единогласно был принят список депутатов, предложенный местной партийкой (*Подболотов П. А., Спирин Л. М.* Крах меньшевизма в Советской России. Л., 1988. С. 186).

⁵⁸ Протокол заседаний 4-й Петроградской райпартконференции. 3 марта 1923 г. (ЦГАИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 115. Л. 1).

чих делегатов происходили в основном на крупных предприятиях, бывших прежде оплотом социалистов. Партийные структуры зорко следили за тем, чтобы в число избранных не попали люди, чей политический облик вызывал у них сомнения. Так, на заводе Новый Лесснер рабочим объявили, что выбранный ими делегат «отводится и не может быть послан в Москву... как пристрастный к партии эсеров».⁵⁹

В отчетах о суде рабочих делегатов, помещенных в прессе и представленных фабрично-заводским собраниям, основное внимание уделялось не политическим взглядам эсеров и не их программе, а разбору их террористической деятельности. Ничего иного они, впрочем, и не могли услышать в зале суда, озабоченного в основном тем, чтобы представить эсеров как заурядных уголовников. Часть рабочих, если читать их отчеты, видимо, с трудом разбиралась в том, что происходило в судилище. Так, в одном из отчетов фиксировались только жесты и внешний облик обвинителей и адвокатов; возникает ощущение, что своими впечатлениями делился плохо слышащий человек. Внушительный вид одного из адвокатов, бельгийского социалиста, вызвал многочисленные реплики о «жирном борове», которого «откормила буржуазия»; они отразились и в рабочих отчетах, опубликованных прессой. Доклады делегатов на собраниях, с одной стороны, прямо ориентировались на газетные клише, а с другой — были суммой непосредственных, чисто внешних впечатлений, сразу выявлявших общий уровень низовой политической культуры.⁶⁰

Противодействие данной кампании среди рабочих не приобрело сколько-нибудь широких размеров. Пресса отметила в те дни инцидент, произошедший на общем собрании Металлического завода 19 мая 1922 г. Здесь один из рабочих бывший меньшевик, по утверждению «Петроградской правды», сказал о суде: «Это борются партии меж собою. Не нам их судить».⁶¹ Вслед за этим последовало замешательство рабочих, но их сомнения, как писал репортер «Петроградской правды», быстро рассеялись. Это случилось после речи беспартийного рабочего Тюльпина, заявившего: «Рабочие не могут оставаться в стороне при борьбе партий. Партии борются за рабочих или против рабочих».⁶² Наиболее неприятными для организаторов антиэсеровской кампании оказались события на Обуховском заводе. На общем заводском собрании 26 мая 1922 г. после доклада, в котором рассказывалось о «преступной роли этой партии» и «многочисленных преступлениях, совершенных этими преступниками», выступил рабочий минной мастерской Капустин. Он говорил, что

---

⁵⁹ Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. За. Л. 76.

⁶⁰ Красная газета. 1922. 4. 5, 6 июля.

⁶¹ Петроградская правда. 1922. 23 мая.

⁶² Там же.

«суд над [социалистами]-р[еволюционерами] есть тяжба между коммунистами, стоящими у власти, и [социалистами]-р[еволюционерами], которые свергнуты и которые ведут борьбу за ту же власть, и что рабочему от этого не легче, как при старом строе, так и при Советской власти вся тяжесть ложится на плечи рабочего, и что не судить нужно, а общее объединение».⁶³ Капустин был арестован,⁶⁴ однако позднее, здесь же на одном из заводских собраний, уполномоченный от рабочих Степанов высказал упреки в том, что «до сего времени... мы слышим только одну сторону, между тем как противной стороне не дают высказаться».⁶⁵ Следствием выступления Капустина стало отклонение «незначительным большинством голосов при огромном большинстве воздержавшихся» антиэсеровской резолюции.⁶⁶ На повторном собрании, созванном для пересмотра этого решения, атмосфера была накалена. После доклада партработника Я. Никулихина, как сообщал репортер «Красной газеты», «поднимается шум..., чувствуется, что действуют люди опытные; говорят, есть сочувствующие эсерам».⁶⁷ Газета рассказала о том, что собрание присоединилось к антиэсеровскому Обращению делегатов петроградских заводов на суде, но сопровождало это известие следующей оговоркой: «Голосуют вяло. Нет против, но многие воздерживаются».⁶⁸

В целом же резолюции, осуждавшие эсеров, весной и летом 1922 г. принимались почти на всех фабриках и заводах: коллективное открытое голосование в условиях жесткого политического контроля намного поубавило число выступавших против. Антиэсеровский настрой рабочих отчасти был инициирован и агитаторами. Эсерам приписывали совершение в основном уголовных, а не политических преступлений, что вызывало однозначно негативный отклик. Рабочих быстрее можно было побудить выступить с осуждением поджогов или диверсий, а не программных постулатов эсеров, к тому же оформленных социалистическими клише.

Антисоциалистическая кампания, как уже отмечалось, использовала примитивную и односложную аргументацию, правда, не очень выделяясь по своей структуре от прочих пропагандистских акций. Устранение меньшевиков и эсеров из политической жизни

---

⁶³ Протокол общего собрания рабочих Обуховского завода. 26 мая 1922 г. (ЦГА СПб. Ф. 1275. Оп. 12. Д. 1. Л. 1—1 об.).

⁶⁴ В материалах профсоюзной организации Обуховского завода сохранилось постановление делегатского собрания завода 19 сентября 1922 г. о том, чтобы «прислать коллектив РКП через Райком... ходатайствовать перед ГПУ об освобождении из-под ареста тов. Капустина» (Там же. Д. 2. Л. 10).

⁶⁵ Протокол заседания завкома, заводоуправления, коллектива РКП(б), уполномоченных мастерских и представителей Союза металлистов Обуховского завода. 19 июня 1922 г. (Там же. Д. 3. Л. 11)

⁶⁶ Там же. Д. 1. Л. 1 об.

⁶⁷ Красная газета. 1922. 17 июня.

⁶⁸ Там же.

страны и их фактический запрет мотивировались следующими причинами. Во-первых, указывалось, что их программы непригодны для пролетариев и зачастую служат интересам бывших эксплуататорских классов.⁶⁹ Во-вторых, отмечалось, что всей деятельности социалистов присуща отчетливо выраженная уголовная направленность, причем подчеркивалось, что их террористические акции обращены непосредственно против рабочих. В-третьих, доказывалось, что их критика имеет дезорганизирующий характер, ведет к разъединению рядов рабочих и тем самым препятствует их попыткам преодолеть голод и нищету.

Агитационная кампания 1923 г., обусловленная самороспуском эсеро-меньшевистских организаций, была примечательна тем, что проводилась в основном руками самих социалистов. В прессе и в докладах на рабочих собраниях зачастую только комментировались наиболее характерные выступления, резолюции и заявления бывших эсеров и меньшевиков и обрисовывалось их политическое значение. В соответствии с этим определялась и тактика данной агиткампании. Оппозиционные партии не всегда рассматривались как нечто целое, но верхи отделялись от низов, и оценки, применявшиеся к рядовым социалистам, стали более мягкими. Это выявилось, например, при освещении съезда бывших эсеров в Москве в 1923 г. На предприятиях Петрограда все эти события 1923 г. не вызывали ни протеста, ни вообще какого-либо заметного отклика. На некоторых фабриках и заводах принимались резолюции, одобрявшие роспуск социалистических организаций, но, основываясь на ряде свидетельств, можно предположить, что это была санкционированная и направляемая сверху акция.

Выше мы отметили некоторые аспекты отношения рабочих к оппозиции, и прежде всего к социалистам. Попытаемся оценить теперь значимость социалистической пропаганды как регулятора изменения политических взглядов рабочих.

Конкретных сведений о деятельности социалистических агитаторов на предприятиях не очень много, хотя в «общем плане», не упоминая ни имен, ни событий, об этом пишет едва ли не каждый информатор либо мемуарист 1920-х гг. Представления о силе воздействия эсеров и меньшевиков на рабочих у информаторов редко возникают на основе непосредственных впечатлений. Мы имеем здесь дело скорее с их предположениями. Они пыта-

---

⁶⁹ В циркуляре ЦК РКП(б), выпущенном в связи с судом над эсерами, «предлагалось при разоблачении эсеровской контрреволюции обратить особое внимание на то, что эсеры являлись и являются агентами Антанты, их политика, направленная к свержению Советской власти, служит интересам иностранных империалистов и внутренней контрреволюции, и что лучшие элементы этой партии, сс низы, отвернулись от своих лидеров» (Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. С. 364).

лись по характерным последствиям — проявлениям политического протеста рабочих — определить круг лиц, которые могли бы его инициировать: то есть понять первичное через вторичное. Лишь изредка мы можем узнать фамилию того или иного социалиста, выступавшего в 1918—1923 гг. на митинге или собрании, и еще реже то, о чем он говорил.

Выступления эсеров и меньшевиков возникали как в связи с конкретным политическим или экономическим событием, так и безо всякого повода: для изложения программных и других документов их партий. Первой по времени была кампания протеста против большевистского переворота в октябре 1917 г. Тогда еще на фабрично-заводских собраниях сохранялась терпимость к оппозиционерам, и их слово было слышно многим. Следующий всплеск активности эсеров и меньшевиков наблюдался в январе 1918 г. во время разгона Учредительного собрания. Заключение Брестского мира, хотя и вызвало критику социалистов, но мало отразилось в речах оппозиционных ораторов. Об их антибрестских выступлениях имеются крайне разрозненные, скудные и фрагментарные сведения и, думается, это было определено не только обозначившимся тогда вытеснением оппозиции из предприятий, но и непопулярностью среди масс любой войны, и даже «революционной». Легализация социалистов в 1919 г. несколько ограничила их антибольшевистские выпады. Политический кризис 1921 г. вновь сделал социалиста на краткое время авторитетной фигурой в рабочей среде: его слушают, его речи одобряют. «Агитация наша, которую вели своими силами буквально 2—3 рабочих, так как человеку со стороны невозможно было показаться на собрании, чтобы не быть тут же арестованным, имела довольно большой успех», — писал позднее Ф. И. Дан⁷⁰ и его словам можно верить, учитывая обилие политических резолюций, одобренных рабочими в эти дни. Но 1922 г. стал началом бесповоротного, быстрого и жесткого вытеснения социалистов из политической жизни России — уже отмеченные нами суд над эсерами и самороспуск эсеров-меньшевистских организаций были наиболее значимыми вехами этого пути.

Единственными местами, где в 1918—1921 гг. социалисты могли говорить открыто и в полный голос, являлись профсоюзные конференции и Советы различных уровней, и то только в том случае, если они были здесь представлены. Эсеров-меньшевистские газеты были закрыты наравне с «буржуазными» в течение 1918 г. Продолжали выходить, особенно часто в период пресловутых легализаций, социалистические журналы, но их аудитория была малочисленной. Социалистам оставалось уповать только на листовки, хотя раскле-

---

⁷⁰ Дан Ф. Два года скитаний. С. 172.

вание и разбрасывание их на фабриках и заводах было делом далеко не безопасным.

Вопрос о том, пользовалась ли социалистическая пропаганда влиянием среди рабочих, весьма сложен. Несомненно, и эсеры, и меньшевики учитывали настроения рабочих. Они, правда, переводили их в иной регистр, оформляя и возвышая низовой бытовой протест до уровня политического. Эти настроения, собственно, формировались под влиянием разных факторов, но агитация социалистов усиливала и укрепляла их, обрамляя политическими клише. Вместе с тем, сравнивая большевистские и меньшевистские листовки, мы должны сделать вывод о том, что первые более учитывают низовой рабочий язык, более хлестки, односложны и кратки. Наконец, у них есть и одно особенное качество: они более приземлены и охотнее касаются не столько таких тем, как ликвидация свободы печати и разгон Учредительного собрания, сколько непосредственно бытовых аспектов жизни пролетариев. Многие их листовки вполне могли быть сочтены за некий свод ответов на самые обычные, «материальные» вопросы, которые задавались рабочими на фабрично-заводских собраниях.

Примитивной логике этих листовок эсеры и меньшевики должны были противопоставить аргументацию, неизбежно усложненную, поскольку опровергнуть доводы своих противников они могли, только указав на их упрощенность и демагогичность. Но усложненная аргументация требовала и усложненного языка, менее привычного для масс, требовала определенного уровня культуры, который был свойствен не всем рабочим. Обратим внимание на соответствие лозунгов, стихийно выдвигаемых рабочими, тем программным установкам ПСР и РСДРП(м), которые постоянно варьировались социалистическими ораторами и публицистами. Нередко мы можем обнаружить весьма широкий зазор, но иногда они существенно совпадают. Последнее прежде всего возникало тогда, когда обсуждались материально-бытовые вопросы.

В связи с этим приведем один пример. Отметим следующее место из резолюции группы социал-демократов, обнародованной в 1921 г. на IV Всероссийском съезде профсоюзов: «Хозяйственное положение Советской республики определяется... полным крахом всей экономической политики власти: системы огульных национализаций и конфискации, системы насильственного отнимания излишков у крестьян и системы подавления и уничтожения всякой самостоятельности масс и сосредоточения всей хозяйственной деятельности государства в бессильных бесплодных бюрократических канцеляриях».⁷¹ Эта филиппика, если освободить ее от характерных

---

⁷¹ Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов (17—25 мая 1921 г.) Стеногр. отчет. М., 1921. С. 69.

риторических наслоений, в целом совпадала с теми общими оценками, которые рабочие давали политике военного коммунизма — оценками негативными. Но если рассмотреть этот документ подробнее, то сразу обнаруживаешь пресловутый «засор», определенный в первую очередь стремлением его авторов политизировать экономическое недовольство масс. Огульная национализация ведь во многом и проводилась под давлением рабочих. Последние были недовольны только итогами национализации, естественно, предполагая, что они будут другими. Схема политического оформления социалистами требований рабочих обычно имела следующий вид: поддерживаются выпады рабочих против той или иной политико-экономической акции, но усилиями социалистических интерпретаторов они приобретают чрезмерную и специфическую детальность: подробно описываются причины, приведшие к такому развитию событий, и варианты возможных их изменений, т. е. привносится все то, что отсутствует в низовом рабочем протесте.

2. Оппозиционная политическая инициатива: ограничение и самоограничение

Меньшевики и эсеры часто объясняли ограниченность своего влияния среди рабочих репрессивными мерами властей. Они во многом правы, но необходимо заметить, что карательные операции, направленные на очистку фабрик и заводов от инакомыслящих, отнюдь не сводились только к арестам и увольнениям, но были разветвленнее и включали в себя весь комплекс мер (и идеологических, и административных), которые были возможны в условиях политического режима начала 1920-х гг.

Аресты и изгнание из предприятий рабочих-оппозиционеров в первые послереволюционные месяцы осуществлялись не столько репрессивными органами, сколько профсоюзными и управленческими структурами на предприятиях: правовой произвол и отмирание прежних юридических норм с 1917—1918 гг. создали для этого благоприятные условия. «Пришлось часть из этих наиболее ярких агитаторов арестовать и направить в Смольный как лиц, ведущих контрреволюционную агитацию. Оставшиеся присмирели и уже подобных вылазок не предпринимали» — эти события, описанные одним из мемуаристов, комиссаром С. Ураловым, произошли в типографии «Русская воля» уже в самый день переворота, 25 октября 1917 г.⁷²

---

⁷² Воспоминания комиссара типографии «Русская воля» С. Уралова // Донесения комиссаров Петроградского военно-революционного комитета. М., 1957. С. 226.

Любые агитаторы на фабриках и заводах немедленно брались на учет, за ними следили⁷³ и использовали всякие поводы (а иногда и просто не нуждались в них), чтобы убрать недовольных рабочих с предприятий. И этим стали заниматься со временем уже все структуры — и администрация, и завкомы, и партячейки, и государственный репрессивный аппарат.⁷⁴ Ведущая роль в контроле за настроениями масс принадлежала коллективам РКП(б). Информационные сообщения партячеек во многих случаях представляли собой импровизацию, какой-либо четкой системы осведомления, оформленной унифицированной инструкцией, не было.⁷⁵

Аресты являлись крайней формой борьбы с рабочими-оппозиционерами, и к ним, во избежание массовых конфликтов на фабриках и заводах, прибегали очень осторожно. В ряде случаев, правда, трудно выяснить, увольнялись или арестовывались рабочие: в документах используются такие формулировки, как «удаление», «устранение», либо даже «очищение».⁷⁶ В 1918—1919 гг. в основном

---

⁷³ О политическом контроле на предприятиях и мерах против оппозиции см.: ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 420. Л. 15 об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 1157. Л. 1 об.; Ф. 9. Оп. 1. Д. 317. Л. 7; Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3098. Л. 1, 4; Оп. 6. Д. 263. Л. 8; ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 3. Д. 16. Л. 73 об.; Оп. 4. Д. 11. Л. 65. 257 об.; Ф. 4804. Оп. 3. Д. 22. Л. 88, 94, 94 об., 110 об.; Оп. 4. Д. 19. Л. 6.

⁷⁴ См. характерные сообщения тех лет: «Усиленно распространяются слухи о забастовке железнодорожников ..., имеются в виду несколько человек, которых заводской комитет хочет изолировать» (Доклады с мест на Совещании организаторов коллективов РКП(б) Василеостровского района 9 июня 1919 г.: ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 59); «Политическая сторона осуществляется моими личными внушениями необходимости строгой пролетарской линии... и моими наблюдениями за ценовой частью оставшихся». (Докладная записка члена коллегии Сестрорецкого оружейного завода председателю революционной тройки Приморско-Сестрорецкого района 16 октября 1919 г. // Национализация промышленности и организация социалистического производства в Петрограде. 1917—1920 гг. Л., 1960. Т. 2. С. 98); «Организованных политических партий не зарегистрировано, кроме имеющихся отдельных личностей, политически неблагонадежных, взятых на учет» (Двухнедельная информационная сводка ГПУ Северо-Западного железнодорожного округа за первую половину мая 1922 г.: ЦГА СПб. Ф. 8145. Оп. 1. Д. 18. Л. 5 об.).

⁷⁵ В архиве сохранилось постановление общего собрания коллектива РКП(б) завода Сименс-Шуккерт 8 сентября 1922 г. о том, чтобы «2 раза в месяц давать краткую информацию о настроении в отдельных цехах через коммунаров» (ЦГАИПД. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 3. Л. 29), но такая периодичность, равно как и ее закрепление специальными решениями явсеч, наблюдались не всегда и не везде.

⁷⁶ См. протокол собрания организаторов коллективов РКП(б) Василеостровского района 19 марта 1919 г.: «Есть оппозиция [на фабрике Лаферм] в лице механиков, ... они проводили итальянскую забастовку ..., несколько лиц пришлось удалить с фабрики» (Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 18); протокол собрания коллектива РКП(б) Невской фабрики шерстяных изделий 23 июня 1921 г.: «Для того, чтобы изолировать [инициаторов забастовки] или скорее впредь предотвратить ее, были устранены... элементы, которые подбивали на таковую» (Там же. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 7. Л. 17 об.); Обращение Петросовета «Рабочим и работающим Путиловского завода» (март 1919 г.) «Петроградский Совет... поручил отряду кронштадтских и питерских матросов и рабочих красноармейцев взять на себя охрану Путиловского завода и очистить его от левоэсеровских проходимцев» (Петроградская правда. 1919. 16 марта).

осуществлялись одиночные аресты,⁷⁷ как правило, рабочих, принадлежавших к оппозиционным политическим партиям.⁷⁸ Многочисленные аресты проводились лишь во время массовых социальных волнений в городе. После ликвидации забастовки на Путиловском заводе в марте 1919 г. аресту подверглось около 120 человек.⁷⁹ Массовые аресты наблюдались и в феврале—марте 1921 г. Как сообщал на заседании Петросовета 26 февраля 1921 г. Н. П. Комаров, в эти дни было задержано 1000 рабочих, в том числе те, которые «призывали к открытому вооруженному восстанию» и которые «играют видную роль в с[оциал]-р[еволюционных] группировках».⁸⁰ В «совершенно секретном» приказе ВЧК № 52, подписанном 28 февраля 1921 г., предлагалось «изъять активных эсеров, меньшевиков и анархистов, работающих на заводах и призывающих к забастовкам, выступлениям и демонстрациям».⁸¹ Правда, при этом рекомендовалось «действовать особенно осторожно по отношению к рабочим и принимать... к ним репрессивные меры лишь при наличии конкретных данных об их контрреволюционной деятельности», а также принимать решение об аресте совместно с парткомами.⁸² Однако, если принять во внимание многочисленные требования об освобождении арестованных, выдвинутые рабочими Петрограда весной 1921 г., следует признать, что эта рекомендация выполнялась не очень пунктуально.

Увольнение рабочих по политическим причинам также было обычным явлением в 1918—1923 гг. В июле 1922 г. Петроградский Губком РКП(б), обеспокоенный волнениями рабочих весной 1922 г. из-за роста цен и низких тарифных расценок труда, принял решение «очистить город от контрреволюционных элементов» и уволить работавших на предприятиях эсеров и меньшевиков.⁸³ При увольнениях «за политику», как правило, учитывалось решение местного

---

⁷⁷ См., например: ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 31.

⁷⁸ Примечательное описание того, как производились эти аресты и чем они мотивировались, содержится в выступлении бывшего социалиста Ануфриева на вечере воспоминаний рабочих Невского завода им. В. И. Ленина в 1933 г.: «В 1919 г., когда были переывборы заводского комитета, у нас был блок эсеров и меньшевиков. Мы сговорились проходить в заводской комитет — 2 эсера и 1 меньшевик... Нам это дело не прошло, человек 15 ребят арестовали... Меня заводской комитет послал на Гороховую... Приехал и спрашиваю: за что арестовали наших ребят. За то, что они собирали незаконно собрание, распространяли листовки. Я говорю, листовки распространяли правые эсеры, а не мы. — Ну ладно, сами разберемся». (Там же. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 296. Л. 44—44 об.).

⁷⁹ Петроградская правда. 1919. 25 марта.

⁸⁰ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 3. Л. 11.

⁸¹ ЦГАИПД. Ф. 9. Оп. 1. Д. 317. Л. 7.

⁸² Там же.

⁸³ См.: Иванов В. М., Канев С. Н. На мирной основе. Ленинградская партийная организация в борьбе за восстановление промышленности города. 1921—1925 гг. Л., 1961. С. 112; Обичкина Л. Д. Из истории борьбы РКП(б) против антисоветских партий и течений (1921—1923 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1969. № 2. С. 108.

коллектива РКП(б), причем со временем такой обычай даже не пытались и скрывать. «Главной причиной его увольнений [рабочего Михайлова] было представлено мнение большинства коллектива РКП об увольнении его. При обсуждении вопроса персонально Михайлова характеризовали как человека, несочувствующего Советской власти», эта запись была сделана не на закрытом собрании партячейки, а на заседании паритетной расценочно-конфликтной комиссии, куда входили и представители беспартийных рабочих.⁸⁴ Характерно, что когда на Ижорском заводе один из рабочих узнал о своем увольнении за политическую неблагонадежность и заподозрил в этом сведение личных счетов, он обратился за разъяснениями именно к организатору коллектива РКП(б), хотя решение об увольнении принимала заводская администрация.⁸⁵

Особой формой массовых увольнений в 1921 г. стали т. н. перерегистрации — именно таким эвфемизмом маскировался тогда локаут. Во время перерегистрации считались уволенными все рабочие, и прием на работу осуществлялся специальной комиссией, причем «неблагонадежные» при этом отсеивались. Перерегистрация обычно считалась крайним средством, и она была проведена зимой и весной 1921 г. лишь на нескольких предприятиях, являвшихся центрами стачек в городе: Трубочном заводе, фабрике Лаферм, Невской ниточной фабрике, Обуховском заводе.⁸⁶ Перерегистрацию вполне можно было считать весьма сильнодействующим инструментом: после ее проведения забастовочная активность на предприятии значительно уменьшалась. Происходило это не только потому, что в ходе ее «изымались» активные оппозиционеры, но и оттого, что, оказавшись перед реальной угрозой наказаний, безработицы, понижения зарплаток, высылки, перевода на малоквалифицированные специальности, занесения в «черные списки», рабочие испытали определенное потрясение, что не могло не отразиться на их дальнейших поступках. В те дни в «Петроградской правде» была помещена заметка работницы Балтийского завода Ломаченковой «На Обуховском заводе. Картинки с натуры». Не затрагивая вопрос о том, каков контекст этой публикации (а напечатана она была, конечно, не случайно), отметим, что само письмо довольно точно описывает настроения рабочих, и нет особых причин не доверять ему, поскольку среди «оправдательных» документов того времени можно найти аналогичные свидетельства. Приехав на Обуховский завод, Лома-

---

⁸⁴ Протокол заседания расценочно-конфликтной комиссии 5-го механического обзона завода. 1 февр. 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 7. Д. 71. Л. 57).

⁸⁵ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 7. Д. 72. Л. 136 об.

⁸⁶ ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 228. Л. 5 об., 6 об.; *Пухов А. С.* В Петрограде накануне Кронштадтского восстания. С. 106; Справка о настроениях рабочих и «волноочном» движении на фабриках и заводах гор. Петрограда. С. 130, 131, 133, 134; см. также: *Романовский В. К.* Консолидация советского рабочего класса. 1928 г. (на материалах г. Москвы и Ленинграда). Канд. дисс. Л., 1984.

ченкова слышала здесь такие разговоры рабочих: «Наделали мы себе канители; вот идет перерегистрация; работал несколько лет, а теперь изволь идти, куда тебя назначат. Но это все еще ничего, а вдруг в шахты отправят, в такую даль очень бы не хотелось. Работали бы без волюнок, так этого и не случилось, не слушали провокаторов, то и работали бы на месте. А то они накричали, а мы должны за них страдать из-за своей неосторожности». Корреспондентка также отметила и такую деталь: «Молодежь, стоящая рядом со взрослыми, говорила, показывая на мастеров: „Сами же нас подталкивали на забастовки. А сами работают, а нас отправят в другое место“». ⁸⁷

Судьба уволенных и арестованных рабочих была различной. Принятое весной 1919 г. постановление ВСРМ об отправке политически неблагонадежных рабочих на Дон для поселения там, ⁸⁸ видимо, оказалось неисполнимым, и столь далеко оппозиционеров позднее не решались высылать. Часть рабочих возвращалась на свои заводы, но многие из них направлялись на другие предприятия. Мнение коллективов РКП(б) имело здесь немаловажное значение. ⁸⁹ Особенно старались не допускать возвращения на предприятия активных «волынщиков» и рабочих — членов оппозиционных партий. На это, в частности, прямо ориентировало постановление Бюро фракции РКП(б) Петроградского губкома ВСРМ, одобренное 26 марта 1921 г. ⁹⁰

Ограничение оппозиционной инициативы в 1917—1923 гг. не было бы столь успешным, если бы не дополнялось ее специфическим самоограничением. Отметим его некоторые элементы. Это прежде всего различие самими рабочими экономической и политической критики власти. Так, в речах рабочих, оппозиционных по своей направленности, нередко содержалось указание, что ими критикуются не в целом политика Советской власти, а только отдельные ее недостатки. Зачастую это был своеобразный прием политической самозащиты от обвинителей, нередко видевших в любой критике потаенный антисоветский смысл. Но нередко здесь

---

⁸⁷ Петроградская правда. 1921. 27 марта.

⁸⁸ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 3. Д. 16. Л. 73 об.

⁸⁹ Возможно, кое-где им принадлежало право принимать решение о приеме прежде уволенных. Как следует из протокола заседания коллектива РКП(б) и сочувствующих Рождественского трампарка 9 июля 1919 г., здесь было постановлено «в приеме отказать всем лицам, освобожденным из-под ареста... за выкрики и выступление 14 марта 1919 года, имевшего быть в Рождественском трамвайном парке против Советской власти» (ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 145. Л. 136).

⁹⁰ См. постановление бюро фракции: «...3) Признать необходимым пересмотреть списки рабочих представителями заводских организаций для выделения „волынщиков“, не подлежащих возвращению в заводы. ... 6) Тех рабочих, кои принадлежат к политическим партиям, ведущим борьбу против Советской власти, а также лиц, проявляющих активное участие в организациях забастовок, на заводы не возвращать» (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 27. Л. 55).

присутствовало и другое: рабочие стремились обеспечить свои интересы ссылками на идеологические формулы, подобно тому, как в правовом государстве было бы естественно обращение к законам, гарантирующим социальную поддержку. Они пользовались политизированными клише не только потому, что верили им, но и потому, что это имело практическую значимость и приносило определенные материальные блага.

Приведем примеры. На заводском собрании Невского судостроительного завода рабочий Ващинин жаловался на медлительность в снятии заградотрядов и видел в числе последствий этого прежде всего то, что «Советская власть дискредитируется плохими исполнительскими элементами».⁹¹ Один из рабочих Ижорского завода, сообщив Президиуму ПГК ВСРМ о своем увольнении, возмущался тем, что это происходит «в государственном учреждении, где место подобные случаи не должны иметь и где не доказанного и не доказанного ничего не должно быть».⁹² В письме работниц завода «Светлана» в конфликтную комиссию при ПГК ВСРМ (1923 г.) содержится просьба не увольнять подозреваемых работниц; она сопровождается оговоркой о том, что все подписавшие письмо — члены ВСРМ, который является «прямой защитой наших общественных интересов трудящихся, вышедших из гнезд пролетарской семьи».⁹³ Рабочие типографии Морского комитета протестовали против попыток понизить им ставки оплаты труда, что, по их мнению, «противоречит всей политике Советской власти, стремящейся к улучшению положения рабочих»,⁹⁴ а работницы типографии ПЕПО просили «оградить их от произвола старших мастеров, которые... ведут себя как в прежнее царское время».⁹⁵ На губернской конференции металлистов в 1923 г. представитель Вагоностроительного завода им. Егорова Орлов, выступая против размещения заказов в Германии (это вызывало недовольство на предприятиях, ибо вело к росту безработицы) заявил, что их бы «приветствовал лишь в том случае, если [бы] во главе ее стояла Коммунистическая партия».⁹⁶

Особый стиль был присущ «оправдательным» прошениям рабочих, пытавшихся смыть с себя клеймо «контрреволюционера». Они составлялись вследствие увольнения по политическим причинам. Приведем несколько из них, несомненно, написанных самими ра-

---

⁹¹ Протокол заседания делегатов, коллектива РКП(б), завкома и старост мастерских Невского судостроительного завода. 31 марта 1921 г. (Там же. Д. 13. Л. 91)

⁹² ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 7. Д. 72. Л. 135 об.

⁹³ Там же. Д. 71. Л. 260.

⁹⁴ Протокол делегатского собрания рабочих типографии Моркома. 16 февр. 1923 г. (Там же. Ф. 4804. Оп. 7. Д. 89. Л. 16)

⁹⁵ Протокол общего собрания работниц типографии ПЕПО. 11 сент. 1923 г. (Там же. Д. 91. Л. 6)

⁹⁶ Красная газета. 1923. 28 нояб.

бочими. Рабочий 5-го Механического обозного завода Михайлов в своем письме в ПГК ВСРМ 1 февраля 1923 г. (мы сохранили его орфографию и синтаксис) жаловался на то, что хотя в дни наступления Юденича и Кронштадтского мятежа он находился на своем посту, «а все таки нашлись люди, которые говорят что я меньшевик и есер, но я Торжественно заявляю, что я никогда ни в какой партии не состою. Организаций никаких не вел и не веду... Я никогда не имел Привычки шептать из за угла, а когда и были какие нарекания, то я говорил прямо в глаза ето неесть повод к обвинению...».⁹⁷ Почти такие же доводы мы находим в письме в Президиум ПГК ВСРМ (1923 г.) одного из рабочих-ижорцев: «И что же касается политики, так я ею не занимаюсь, и в партии не состоял и не состою, в чем меня обвинить никто не может из-за моей непричастности».⁹⁸

Отмежевываясь от «контрреволюционеров», рабочий, во-первых, косвенно оправдывал тот порядок, который делал обычным и не требующим объяснения применение репрессий к оппозиции. Примечательно, что в некоторых письмах рабочих после самооправдания либо приводятся фамилии тех политически неблагонадежных, которые, по их мнению, действительно являются таковыми, либо сообщаются сведения о подозрительных лицах. И, во-вторых, рабочий вынужден был ссылаться и на примеры своих революционных заслуг, что должно было придать его аргументам особую убедительность. Революционная биография становилась, таким образом, в глазах рабочих некоей ценностью. Но, ссылаясь на нее, рабочий тем самым в известной мере одобрял и новый политический режим, составной частью которого и являлась сакрализация революционности.

Попытаемся выяснить, в какой мере политизация ряда сторон частной жизни подготавливала специфическое усваивание в низах коммунистических доктрин, какое реальное влияние оказывало на поведение людей политическое — и именно в той ситуации, когда оно переставало быть неким чужеродным в их повседневной практике. Необходимо рассмотреть такие сюжеты, как политизация быта и языка, соотношенность группового и политического подчинения, общественного ритуала и массового конформизма, политической дискриминации и социального статуса.

В послеоктябрьскую эпоху мы отчетливо обнаруживаем переплетение быта и политики, в результате чего бытовое поведение становится и частью поведения политического. Было бы рискованно говорить о коренной ломке быта в первые послереволюционные годы. Но в самой этой ломке в той или иной степени проявилось политическое начало: и в раскрепощении семьи, и в формировании

---

⁹⁷ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 7. Д. 71. Л. 57 об.—60.

⁹⁸ Там же. Д. 72. Л. 136 об.

нового социального статуса женщин, занявших место ушедших на фронт мужчин (в домашнем хозяйстве и на производстве), и в распределении продовольствия, товаров и услуг, и в «уплотнении» жилья, и в модификациях одежды.

Либерализация семейно-брачных отношений, повлекшая обновление форм быта, будучи объективным процессом (неизбежным при цивилизации и развитии социума), одновременно являлась и органической частью программы переустройства общества. Размах и политическая направленность пресловутого раскрепощения семьи были предопределены и другим обстоятельством: в партийных и советских кругах на рубеже 1910—1920-х гг. укрепилось мнение об отсталости и индифферентности женщин, что едва ли могло быть терпимо в такой идеологизированной республике, как РСФСР. Неудивительно поэтому, что революция санкционировала более глубокое вмешательство государства в дела семьи. Его узаконило интенсивное большевистское декретотворчество, исподволь цементирувавшее систему государственного контроля в тех сферах частных отношений, которые ранее регулировались скорее традиционным правом, чем юридической нормой.

Декреты ВЦИК и Совнаркома 1917—1918 гг., давшие идеологическое обоснование революционному семейному кодексу 1918 г., являлись не только актами разлома прежнего быта и ликвидации опутавших семью стеснений. Они возлагали на государство ответственность за изменение семейно-брачных традиций и делали его гарантом нового семейного уклада. Обеспеченные государственной поддержкой агитационные кампании, призванные «освободить» женщин, вовлечение последних в общественную работу, в партийные, комсомольские и профсоюзные организации, и особенно в женотделы, — все это служило инструментами одновременно и разрушения «старой» семьи и политического воздействия на массы. Самая сущность «освобождения» увязывалась с политическими доктринами, новое положение женщин признавалось итогом политических трансформаций и любое феминистское действие (в том числе и низовое) вынуждено было обосновать свою правоту ссылками на политический порядок. Новшества в частной жизни, которые возникали под давлением обстоятельств и стали производными от экономической разрухи, был придан и политический смысл. Вынужденное оказалось потребным, то, что имело личный характер, почти автоматически приобрело общественную значимость.

Политический оттенок был свойствен и новациям в иных структурах повседневности (жилье, распределение, одежда). Его можно подметить, анализируя такой городской феномен 1918—1920 гг., как «уплотнение» жилья. «Уплотнение», являясь элементом социального выравнивания, имело политический аспект: оно выступало как символ переворачивания пирамиды власти в России, лишения прав

прежде привилегированных классов. Вражда между «уплотняемыми» и «уплотняющими» в известной мере большевизировала и тех, кто был до этого политически равнодушным или даже находился в оппозиции к власти. Оказавшись в непривычной для себя роли «уплотнителей», они, конечно, не каждый, только отчасти и далеко не сразу принуждены были принимать ту аргументацию и логику самооправдания, которые покоились на пропагандистских клише. Подчеркнем в связи с этим, что низы, не всегда понимая политическое содержание того или иного явления, либо вовсе не замечая их политической оболочки, в целях изменения бытовых или семейных условий неминуемо обязаны были пользоваться блоками официозной аргументации, которые быстрее всего отмечали политическую сторону повседневной жизни.

Политический аспект был присущ и распределению товаров и услуг, как, впрочем, и другим практикам перераспределения богатств, распространенным в эпоху военного коммунизма. Уже с 1918 г. начинается переход к уравнительной оплате труда и, соответственно, к равенству потребления. Даже такой, весьма несовершенный «потребительский коммунизм» был, по меткому замечанию Л. Крицмана, «революцией быта»: «он немедленно на деле уничтожал возмущающую роскошь, сокрушал сытую обеспеченность ..., сбрасывал — понятным для самого отсталого, для самого неразвитого пролетария способом — членов бывших... классов с их социального пьедестала и тем создавал в пролетариате и примыкающих к нему социальных группах чувство действительного освобождения, ощущения действительного переворота, мощный революционный энтузиазм».⁹⁹ Паяк зачастую представлялся не просто как плата за определенную работу, но и как средство поддержки прежде всего трудящихся, причем нередко подчеркивалось лучшее снабжение неимущих классов по сравнению с «буржуазными». В Петрограде, например, в мае 1918 г. было открыто заявлено, что рабочие пайки нужно увеличить за счет лиц свободных профессий и, несмотря на протесты Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов, это не вызвало в рабочей городской среде сколь-нибудь существенного противодействия. Отмена платы за услуги в городах в 1920—1921 гг., сколь бы ни была она ничтожна, также косвенно соотносилась с коммунистическими постулатами и отчасти тоже имела приметную классовую направленность.

Людям, получавшим в условиях всеобщего голода и нищеты чуть большие крохи продуктов, чем другие, на множество ладов давали понять, что это происходит в результате целенаправленной и методичной тактики, диктуемой скорее идеологическими мотивами,

---

⁹⁹ Крицман Л. Героический период великой русской революции. М., 1924. С. 185.

чем прагматическими расчетами. Это не всегда предупреждало забастовки рабочих, в том числе и на относительно спокойных и даже надежных предприятиях. Но сама правомерность льгот уже признавалась в низах, что отчасти определяло логику их «классового» мышления. «Рабочая оппозиция» 1920—1922 гг. возникла ведь не случайно. Питательной почвой для нее послужили настроения рабочих, недовольных, среди прочего, и большими пайками для специалистов и служащих, иными словами, эрозией тех привилегий, которые они уже считали привычными и принимали как должное.

В эти годы может быть отмечена (правда, с рядом существенных оговорок) и политизация повседневной одежды. Общеизвестно, что одежда является и знаком социального статуса, и отражением ценностных ориентаций, и маркером культуры людей. Одежда людей в это время в какой-то мере пыталась копировать милитаризованный стиль власти — френчи, кожанки, буденовки, красноармейские шинели, иногда неотчетливо усваивая, основываясь на промежуточных формах, но нередко и прямо заимствуя их особенности. Конечно, подражание в одежде нельзя рассматривать только как политическое действие. Это был и элемент моды, и способ причисления себя к социальной элите; нередко люди облачались в новую одежду еще и потому, что она предоставлялась бесплатно, и потому, что иной-то одежды у них тогда зачастую и не было. Но нельзя не принимать во внимание и другое. Косвенное одобрение атрибутики власти (в данном случае выраженной через одежду), признание стиля власти общественно значимым — все это в конечном счете (и еще раз подчеркнем, опосредованно) влияло на политическую адаптацию масс и было одной из ее предпосылок, разумеется, далеко не главной и существенной не для всякого.

Характерный феномен всего периода российской истории — оформление политического подчинения посредством групповых связей. Главное условие здесь: политизация группы — профессиональной, производственной, учебной, молодежной и любой иной. Важное значение имела политизация профессиональных и производственных групп, объединявших рабочих. Достигалась она двояким путем: через профессиональные союзы, находившиеся под контролем различных партий либо партийных коалиций, и через фабрично-заводские коллективы.

Политическая позиция верхних профсоюзных структур неизбежно определяла и степень, и направленность политизации структур нижних. И местный профсоюзный комитет на предприятиях мог и обязан был, по тогдашней традиции, и, понятно, ориентируясь на бывшие в употреблении в профсоюзных верхах агитационные штампы, выступать с политическими декларациями от имени рабочих. Наиболее активно профсоюзная политическая работа в Советской России развивалась в трех областях: выдвижение и одобрение боль-

шевистских резолюций на фабрично-заводских собраниях, идейно-воспитательная деятельность в рабочих клубах, агитационные кампании, в том числе и связанные с мобилизацией и отчислением средств на военные и политические нужды.¹⁰⁰ Продуцирование политических резолюций на фабриках и заводах стало в известной степени профсоюзным ритуалом, а главенство над профсоюзами в результате ожесточенной межпартийной борьбы перешло к большевикам. Таковы были два главных условия, превративших профсоюзную группу в политическую.

Разумеется, рабочий волен был отклонять либо принимать тот или иной политический текст. Но низкая политическая культура, а зачастую и аполитизм многих рабочих, их конформизм, зависимость от низовых профсоюзных органов, в то время нередко и управлявших предприятием и раздававших продукты, — все это заметно поубавило ряды рабочих-оппозиционеров. Обратим внимание и на другое обстоятельство: политизацию собственно предприятий, осуществляемую через фабрично-заводскую администрацию. Назначение из числа коммунистов красного директора или формирование вокруг директора прежнего целой когорты комиссаров, которые определяли управленческие решения и контролировали назначения мастеров, отсеивая неблагонадежных, — все это постепенно придавало производственной сфере политическую окраску. Потому административный аппарат не только не сопротивлялся участию рабочих в политических ритуалах, но и сам инициировал их, чисто хозяйственная документация (отчеты и пр.) содержала политические вкрапления, и выполнение промышленных планов было соотносено с политическими целями. Это было бы трудно сделать на частных предприятиях, но почти тотальная национализация 1918 г. убрала здесь многие препятствия и расширила государственную (и тем самым политическую) опеку над жизнью рабочих. Заметим также, что политизация производственной группы сопровождалась и усилением в ней репрессивного контроля: он становился более легким и разветвленным ввиду узости рамок группы, объединявшей рабочих внутри отдельных цехов и мастерских.

Еще раз подчеркнем, что групповое подчинение не обязательно вело к подчинению политическому. Но оно придавало определенный политический вектор групповым связям, ограничивало оппозиционные выступления в группе и тем самым оформляло ее конформизм, постепенно пропитывало политикой групповое мышление и

---

¹⁰⁰ ЦГА СПб. Ф. 4709. Оп. 4. Д. 61. Л. 112; Ф. 4804. Оп. 4. Д. 19. Л. 6; Колесова А. К. Деятельность рабочих клубов по коммунистическому воспитанию трудящихся в 1917—1923 гг. Автореф. канд. ист. наук. М., 1969. С. 9—10; Пять лет (юбилейный сборник) 1917—1922. М., 1922. С. 186; Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата. Сб. док. и материалов. М., 1964. С. 341—342.

представляло политическими поступки и речь, даже если субъективно они и не осознавались таковыми.

В значительной степени массовый конформизм 1917—1920-х гг. был подготовлен и посредством расширения ритуальных форм политической поддержки властей. Любая политическая идея оформляет политический ритуал, который, в свою очередь, как бы закрепляет эту идею, делает ее массовой и доступной, предохраняя ее от искажений и придавая ей специфический и неизменный смысл. Манифестации, митинги, собрания, сбор средств — все это являлось элементом ритуальных действий, приобретших политическое содержание еще до октябрьского переворота, а в послеоктябрьское время способствовавших (как раз по причине своей политичности) большевизации масс. Общественному ритуалу после Октября 1917 г. были присущи, однако, особенности, отличавшие его от послефевральских образцов. Он имел, как правило, монопартийную направленность и инициировался преимущественно верхами: всероссийскими, губернскими, городскими, уездными и волостными инстанциями. Агитационные кампании, предусматривавшие ритуальные действия, проводились зачастую по инструкциям, присланным из Центра; где-то последние издавались для всеобщего сведения, где-то оставались даже секретными. Ритуал со временем, но достаточно быстро начала отличать и еще одна характеристика: он стал обязательным. Собственно, публичный политический ритуал после Октября признавался прерогативой только большевизированных структур — государственных и общественных. Инициация ритуала со стороны оппозиции не допускалась и преследовалась. Даже если отмечались революционные праздники, вмешательство любых некоммунистических партий, в том числе и социалистов, в праздничное действо оценивалось (правда, и не без оснований) как антиправительственный выпад. Публичный ритуал по тогдашним правам мог иметь только одну окраску — большевистскую. Потому и уклонение от него, в отличие от прежних лет, получило характер вызывающей демонстрации.

Отметим и другое обстоятельство. По сравнению с послефевральским временем, в 1918—1920 гг. формы ритуала умножились, а его проявления — участились. Произошла — в значительной степени посредством институционализации идеологических структур — специфическая консервация и углубление того митингового духа, который отличал эпоху февраля—октября 1917 г. По прошествии лет он мог ослабнуть и даже обернуться апатией, но, хотя и исчезла питавшая его почва, он продолжал неизменно поддерживаться зачастую и искусственно, и путем имитации общественной активности. На промышленных предприятиях усложнение ритуала и его обязательность для рабочих во многом явилось результатом тотальной национализации фабрик и заводов и большевизации их управленческих и профсоюзных органов.

Ритуал в условиях первых революционных лет уже представлял собой специфическое «готовое письмо», если воспользоваться выражением структуралиста Р. Барта.¹⁰¹ он предполагал не обсуждение (хотя и имитировал дискуссионный дух), а подчинение, имел не дискурсивный, а безапелляционный характер. Человеку не надо было особо выделять свою позицию, он был избавлен от необходимости индивидуально оправдывать свои взгляды — его поддержка могла выражаться и в «коллективных» формах. Одним своим участием в ритуале человек подтверждал согласие с групповым мнением. Разумеется, это не одно и то же — участие в ритуале и внутренняя убежденность в правоте идей, одобряемых ритуальным способом. Можно было ощущать себя и сторонним наблюдателем, внешне соглашаясь с окружающими, но это и стало первой и промежуточной ступенью массового соглашательства. И уже внешнее подчинение, являясь важным для людей элементом самосохранения, определяло и подчинение внутреннее. Стереотипная акция приобрела оттенок автоматизма и иррациональной обязательности. Был утрачен ее первоначальный смысл, но сохранен присущий ей дух политического послушания: не всякий задумывался над ее причиной, но каждый знал, что должен быть ее участником. Отметим весьма характерный штрих: кое-где рабочие начинали ощущать даже ностальгию по ритуалу в том случае, если он становился редок.¹⁰² Коллективная мимикрия не проходила бесследно: она сужала круг инакомыслящих, ограничивала оппозиционные выступления и препятствовала передаче альтернативной информации. Люди начинали жить в атмосфере приспособления и, пропитываясь ею, меняли свои взгляды — медленно, но неуклонно.

Политико-психологические перемены в российском обществе в 1917—1920 гг. в известной мере были обусловлены и политизацией обиходного языка. Политический язык пореволюционной эпохи представляет собой сложный сплав собственно литературной и разговорной речи, со значительным вкраплением вулгаризмов и жаргонизмов, а также реликтов т. н. блатного языка. Формы упрочения и углубления коммуникативной сферы политического языка — широкое распространение речевых штампов, изменение смысла терминов и применение их в оценке не только политических, но и бытовых ситуаций. Быстрому усваиванию новых политических речений в низах способствовала унификация идеологических программ пос-

¹⁰¹ Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. М., 1983. С. 318.

¹⁰² См. протокол собрания Государственного завода взрывчатых веществ 16 января 1920 г.: «Рабочие изъявили желание, чтобы ч[е]рез известные периоды времени на завод приезжали ораторы для бесед с рабочими о текущем моменте» (ЦГА СПб. Ф. 4709. Оп. 4. Д. 61. Л. 103); сообщение инструктора Неклюдова 20 ноября 1920 г. о состоянии коллектива РКП(б) Государственного лесопильного завода: «Настроение рабочих хорошее, при опросе изъявляют недовольство, что у них нет собраний и никто не хочет с ним[и] вести политработу» (ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 289. Л. 24).

ле октября 1917 г. и признание одной из них единственно верной, а прочих — ложными. Имела значимость и централизация партийно-идеологических структур. «Сильные централизованные связи, преимущественное значение центра, строгость дисциплины, требующей безоговорочного выполнения директив, идущих из Центра, от верхушки» — таковыми представлялись истоки данной лингвистической ситуации А. М. Селищеву, видному знатоку языка революционной эпохи.¹⁰³

На политизированную речь низов в 1917—1920 гг. огромное влияние прежде всего оказали социалистические клише: и отдельные термины, к которым прибегали и к месту и не к месту (отсюда и заметная комичность словоупотребления), и целые лексические штампы. Так, самыми распространенными словами — ярлыками, имевшими отрицательный оттенок, были контрреволюционер, саботажник, враг трудового народа, буржуй, погромщик, соглашатель, учредиловец и производные от них. При этом мало заботились о точности определений. Содержавшаяся в письме членов ФЗК завода В. Д. Однер (ноябрь 1917 г.) мешанина ругательств против «служащих, ультрасоциалистов, приверженцев капитала... педантистов, идущих на поводу у своего патрона»¹⁰⁴ в значительной мере показательна и даже символична для словоупотребления низов: здесь обвинения не только не сочетаются, но и противоречат друг другу, причем смысл и происхождение некоторых из них уточнить невозможно. Эту лексическую путаницу зорко подметил М. Горький, считая ее плодом «бесшабашной демагогии людей», «углубляющих революцию».¹⁰⁵ Он писал в декабре 1917 г.: «...уже на фабриках и заводах постепенно начинается... борьба чернорабочих с рабочими квалифицированными; чернорабочие начинают утверждать, что слесари, токари, литейщики и т. д. суть „буржуи“».¹⁰⁶

И, заметим, подобные клише были присущи и радикалам-большевику и умеренным социал-демократам.¹⁰⁷ Это был в массовом

---

¹⁰³ Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917—1926. М., 1928. С. 23—24.

¹⁰⁴ Октябрьская революция и фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. М., 1926. Ч. 3. Октябрь. С. 240.

¹⁰⁵ Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 99.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Нетрудно заметить, сколь перекликается с характерными клише большевистских воззваний листовка Северного областного и Петроградского комитета партии левых эсеров «О мировой революции», выпущенная 15 ноября 1918 г.: «Боритесь за восстановление подлинной власти Советов в центре и на местах, но пусть соглашательство большевистской власти, подмена диктатуры пролетариата и трудового крестьянства самовластьем комиссаров, фальсификация и извращение самой сущности Советской власти... — пусть все это не толкает вас в лагерь черной контрреволюции, прикрывающейся флагом Учредительного собрания» (Отчественная история. 1993. № 1. С. 168).

восприятию некий знак, не только и не столько отделяющий одну партию от другой, но и имеющий более символический оттенок — как разграничивавший старое и новое. Такой смысл был придан социалистической речи в обществе уже в послефевральское время. Массовые антибуржуазные настроения, особо ярко обозначившиеся с весны 1917 г.,¹⁰⁸ привели к тому, что классовый язык стал даже общественной модой до такой степени, что его не избегали и сами «буржуи». Модель такого языка прочно увязывала между собой политические и этические термины, и когда уже в 1918 г. низы попытались выразить свое недовольство новым социалистическим порядком, они воспользовались именно социалистической терминологией, как более привычной и распространенной.

Данный феномен имел далеко идущие последствия для динамики массового сознания в послереволюционное время. Политическое слово не было лишь объективной и нейтральной по своей направленности дефиницией. Оно имело оценочный характер: произнося его, человек не столько обозначал явление, сколько выносил ему свой приговор. Самое использование массами одномерного и унифицированного политического языка ежедневно — и зачастую подспудно — видоизменяло их мировоззренческую самоидентификацию. Почерпнутые из социалистических агиток политические вкрапления, которыми изобилowała речь низов, объективно не столько разъединяли, сколько сближали их с властями. Протест против большевиков высказывался почти большевистским языком, и уже одно это сужало рамки протеста. Отметим также, что пользование коммунистической терминологией было столь же расчетливой меркантильной операцией, сколь и отражением низовых устремлений, а обрамленная политическими фразами речь рассматривалась и как инструмент получения социальных привилегий. Это был язык, необходимый в быту, язык прошений и жалоб, язык почти обыденный, употребление которого едва ли было только лингвистической игрой. Люди вовлекались в стихию этого языка и объясняли мир его терминами. И этот язык, став элементом общественного мышления, уже подготавливал массовый психологический перелом.

Революционная эпоха многими людьми — справедливо или беспочвенно — воспринималась как время изменения их общественного положения. В значительной мере, однако, повышение социального статуса низов являлось полуфиктивным и фактически основывалось скорее на идеологических, чем на политических и имущественных критериях. Система Советов, зачастую лишь имитируя полноту народовластия, была внешним зримым

---

¹⁰⁸ Колоницкий Б. И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуазное» сознание // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.

знаком того, что рабочие и крестьяне управляют государством. Приоритет в предоставлении товаров и услуг малоимущим тоже нередко являлся декларативным и ввиду малочисленности распределяемых льгот, и вследствие того, что последними пользовались не только бедняки, но и те «бывшие», без чьего опыта и знаний невозможен был элементарный экономический порядок.

И вместе с тем субъективно низы ощущали себя привилегированным слоем общества и относили себя к социальной элите. Прежде всего это стало для них специфическим элементом самоутверждения и обоснования своей личностной значимости, и они всеми силами стремились отстаивать приписываемый им статус, не слишком заботясь о том, иллюзорен он или нет. Приобщенный к новой элите человек, основываясь на своем пролетарском либо бедняцком происхождении, мог требовать и реальные блага, пусть и кустые, и нередко получал их. Будучи исключен из элиты, человек обычно терял бытовые и имущественные льготы, перемещался на более низкую ступень в социальной иерархии; ухудшался его жизненный уровень, а для подавляющего большинства людей это являлось важнейшим ориентиром. Новая социальная элита формировалась, однако, прежде всего как политическая общность. Ее вычленение и могло основываться лишь на какой-либо целостной идеологической программе. Подчеркивая свое особое место в новом сословном порядке, человек должен был принимать и политические аргументы, его оправдывающие. Его одобрение могло быть чисто формальным, но зато дары, получаемые в результате этого, признавались реальными и значимыми, что придавало конформистскому акту и устойчивость, и ежедневную повторяемость.

Изменение общественного сознания в эпоху военного коммунизма обусловлено множеством факторов, и едва ли стоит признавать расширение поля низовой политической практики главной и единственной причиной постреволюционного массового конформизма. Мы не можем игнорировать экономические процессы, тотальную централизацию распределения и огосударствление промышленности, воздействие разветвленного пропагандистского и репрессивного аппарата и многочисленных цензурных ведомств — без них не действовали бы рычаги политического давления. И вместе с тем представляется, что именно проникновение политики в частную жизнь людей, политизация низового обиходного языка, умножение массовых стереотипных ритуалов, охватывавших миллионы крестьян и рабочих, тождество профессиональной и политической групп в большей степени, нежели иное, ускоряло социальную адаптацию к новым политическим ценностям. Оно дало то, чего нельзя было достигнуть только репрессивным принуждением или агитками — оно приобщало к высокому через элементарное, к политике через быт, сделав самую политику частью повседневного быта.

3. Политическая критика: опосредованное и прямое

Политическая критика в 1917—1923 гг. не всегда проявлялась открыто. Ее специфической формой можно признать и акции, не относящиеся, собственно, к политической сфере, и прежде всего забастовки.

Забастовки не были редкостью и после Октябрьского переворота, несмотря на пролетарскую риторику новых властей. На первых порах к ним относились терпимо: они ограничивались частными предприятиями (иных тогда было мало), и государственные структуры, хотя и стремились к быстрейшему окончанию стачек, все же не склонны были рассматривать их как направленные против большевиков. Исключение составляли забастовки печатников, протестовавших против закрытия оппозиционных газет. Правда, выдвинутый ими лозунг свободы печати, как уже отмечалось, в какой-то мере лишь маскировал экономическую подоплеку конфликта: рабочие типографий были недовольны уменьшением заработков и потерей работы. Волна «саботажа» (если воспользоваться термином тех дней) в конце 1917 г. почти не затронула предприятий, охватив в основном только государственные учреждения. Если где-то на фабриках и заводах и происходили остановки работ в знак протеста против переворота, то они быстро, буквально на следующий день, кончались и в целом были малочисленными.¹⁰⁹ Не вызвали стачечного взрыва и стрельба на улицах 5 января 1918 г., равно как и разгон Учредительного собрания 6 января 1918 г.

Последующее обобществление промышленности уже в 1918 г. сделало забастовку некоей вызывающей антисоветской демонстрацией. Разумеется, бастующие в то время почти не выдвигали политических лозунгов, и фабрично-заводские волнения были ответом не на внутривластные акции, а на продовольственные кризисы, несправедливое распределение дефицитных товаров, отказ в выдаче тех предметов, которые произвели сами рабочие, задержку выдачи зарплаты, низкие тарифы.¹¹⁰ В целом после февральско-мартовских событий 1921 г. забастовочное движение пошло на убыль, и в 1923 г. на государственных предприятиях было зарегистрировано всего 17 забастовок,¹¹¹ причем все они были вызваны экономическими

---

¹⁰⁹ См.: Новая жизнь. 1917. 31 окт.

¹¹⁰ ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 59 об.; Ф. 376. Оп. 1. Д. 2-а. Л. 14; ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 12. Д. 51; Измозик В. С. Классовая борьба в социалистической промышленности в первые годы НЭПа. 1921—1925 (На материалах Ленинграда). Л., 1978. С. 136.

¹¹¹ Шкаратан О. И. Изменения в составе фабрично-заводских рабочих г. Ленинграда. С. 439; Шкаратан О. И., Ваксер А. З. Развитие социалистического отношения к труду у рабочих Ленинграда в 1917—1924 гг. // Ученые зап. ЛГПИИ им. А. И. Герцена. Л., 1958. Т. 165. С. 151.

причинами. Трудовые конфликты на предприятиях в 1923 г. обычно инициировались спорами о заработной плате и увольнениях.¹¹²

Вместе с тем забастовки, даже не выдвигая политических лозунгов, представляли в условиях монопартийной диктатуры и государственной монополии на средства производства отчетливый политический выпад. Во-первых, экономические требования, которые отстаивали рабочие, имели неизбежно и политические аспекты. На предприятиях не всегда ограничивались лишь дебатами о сапогах и мыле: очень распространенными здесь были требования свободной торговли и свободного труда. А это уже затрагивало осевые конструкции всего здания военного коммунизма. Во-вторых, политический смысл имело и совпадение забастовок с ухудшением военно-политической ситуации в регионе. Да и сами забастовки на военных заводах в то время рассматривались (и не без оснований) как политические. В-третьих, стачечные движения (не ограниченные, как это бывало часто, 1—2 днями) приобретали и откровенно политический характер. Отчасти это происходило не без участия социалистов, хотя значимость эсеро-меньшевистского влияния на бастующих, как правило, преувеличивалась правительственной прессой. В целом эффект политизации стачек, как это было и до октября 1917 г., достигался путем присоединения ее участниками к блоку экономических требований и ряда политических; отдельных политических резолюций мы почти не видим. Разумеется, и такую стачку можно признать политической, но заметим, что для ее окончания было вполне достаточно решения только экономических вопросов. Чисто политических забастовок почти нет. В марте 1919 г. рабочие завода Артур Коппель, выслушав политическую резолюцию, принятую на Путиловском заводе, решили поддержать путиловцев и начать стачку. Но на следующий день работа здесь возобновилась, и «Петроградская правда» не без оснований отмечала, что «политическая стачка коппельских рабочих имела, пожалуй, больше опереточный характер».¹¹³ В феврале и марте 1921 г. рабочие многих предприятий начинали бастовать, когда узнавали, что остановились крупнейшие предприятия.¹¹⁴ Но говорить в данном случае о какой-либо акции поддержки можно лишь с очень существенными оговорками: зачастую никаких резолюций о солидарности рабочие не принимали, связи с другими бастующими не устанавливали. Если

---

¹¹² Положение труда в Петроградской губ. за 1918—1923 гг. Пг., 1923. С. 26; Положение труда в Ленинградской губ. в 1923 г. и 1-й четверти 1924 г. Стат. сб. Л., 1924. С. 143.

¹¹³ Петроградская правда. 1919. 28 марта.

¹¹⁴ Панов Н., Давыдов А. Молодежь в дни Кронштадтского мятежа // Молодежь в революции. 1931. № 1. С. 54; Лухов А. С. 1) В Петрограде накануне Кронштадтского восстания. С. 109; 2) Кронштадтский мятеж. С. 125—126.

следствием стачек на крупнейших предприятиях являлись постановления с заметными политическими вкраплениями, то на мелких фабриках и заводах никакие документы — ни политические, ни экономические — не обсуждались, и забастовка нередко прекращалась столь же внезапно, как и начиналась.

Политический характер стачек в 1918—1923 гг. неоднократно отмечался правительственной прессой, ораторами на собраниях и информаторами, но их свидетельства следует оценивать осторожно. Зачастую стачкам приписывали политическое содержание, подозревая среди их инициаторов меньшевиков и эсеров; никаких убедительных доказательств при этом не приводилось.¹¹⁵ Если забастовка, даже имевшая экономическую направленность, начиналась во время выборов в Петросовет, то в этом тоже видели потаенный антисоветский умысел. «Можно предположить, что, играя на экономической почве, хотели ее перевести на политическую подкладку, все вы знаете, что на днях у нас начинаются перевыборы в Петросовет», — сообщалось, например, на собрании коллектива РКП(б) Путиловского завода в связи с «волынкой» в двух ее мастерских.¹¹⁶ Особенно часто политическая сторона забастовок оттенялась указанием на то трудное положение, в котором находилась Советская Россия;¹¹⁷ стачки в данном случае считались прямой помощью врагам пролетариата.

Производственные конфликты на предприятиях очень ясно выявили недовольство многих рабочих официальными профсоюзами и недоверие к ним. Фактически рабочий вердикт полугосударственным профессиональным организациям уже в 1918 г. имел отчетливый политический смысл. В этом отношении весьма примечательна история Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда. По существу, в лице Собрания уполномоченных создавалась параллель не только большевизированным профсоюзам, но и государственным структурам.

---

¹¹⁵ ЦГАИПД. Ф. 16. Оп. 1. Д. 370. Л. 4; Петроградская правда. 1919. 15 марта.

¹¹⁶ Там же. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 35. Л. 43.

¹¹⁷ См. резолюцию делегатского Совета профессионального Союза рабочих железных дорог Петроградского узла 27 июля 1918 г.: «В сей грозный для нашей трудовой революции час, когда нужна широкая самостоятельность железнодорожного пролетариата для спасения самого чуткого аппарата народного хозяйства — транспорта, делегатский съезд считает эти забастовки контрреволюционными, исходящими от черносотенных элементов» (*Хаин А.* Пройденный путь. Союз мастеровых и рабочих железнодорожников Петроградского узла в 1917—1919 гг. по личным воспоминаниям и некоторым документам. М.: Л., 1925. С. 42). На собрании работников по возке дров при Государственном заводе резиновой промышленности № 1 14 июля 1920 г. говорилось о «недопустимой забастовке в столь крайне тяжелое положение нашей промышленности» (ЦГА СПб. Ф. 4709. Оп. 4. Д. 61. Л. 61), а на собрании Трубочного завода 9 июля 1920 г. отмечалось даже, что забастовки «разлагающе действуют на передовые силы нашей доблестной Красной Армии» (Там же. Ф. 4591. Оп. 4. Д. 11. Л. 258).

Отчеты и доклады с мест уполномоченных в марте—июне 1918 г. имеют исключительно политический характер. Они полны сообщениями о выступлениях рабочих в защиту свободы печати, против большевиков, комиссаров, Советской республики,¹¹⁸ наконец, свидетельствуют о политической апатии масс¹¹⁹ и зачастую фиксируют только эти сведения. Документы Собрания уполномоченных показывают нам пример того, как косвенно проявлялся антигосударственный протест, но в наиболее политизированной форме. Последнее во многом определялось тем, что во главе Собрания стояли меньшевики, которые смогли придать экономическому протесту политические контуры. Но эти документы обнаруживают и нечто общее с теми свидетельствами, которые рассказывают о прямом и открытом политическом протесте, не маскируемом антипрофсоюзными выпадами. Они отчетливо показывают механику ограничения рабочих волнений, ту парадигму действий пролетариев, за пределы которой они не выходили. В данном случае мы ясно видим, что недовольство рабочих реально существует, но не является действенным фактором политических перемен. Для этого требовались мощные и разветвленные организационные структуры, которые социалисты предоставить уже не могли. Многие выступления рабочих против официальных профсоюзов не включали, впрочем, элементов политизации и не сопровождалась созданием альтернативных профессиональных объединений, подобных Чрезвычайному собранию уполномоченных фабрик и заводов.

Критика профсоюзов, как правило, имела экономические причины. Существовали, однако, и другие поводы для недовольства — не всегда политические или экономические. После октября 1917 г. были предприняты уже на государственном уровне меры по инициированию профсоюзной активности. Многие препоны оказались снятыми, и рабочие в массе своей стали вступать в профсоюзы, не опасаясь гонений предпринимателей. В результате этого стала возможной двухактная комбинация. Сначала было упрощено вступление рабочих в профессиональные союзы: им не надо было представлять рекомендаций и регистрироваться в профсоюзных учреждениях. Затем, когда число охваченных профсоюзами рабочих составляло уже более половины работающих на предприятии, общее фабрично-заводское собрание зачастую предписывало «мень-

---

¹¹⁸ См. сообщения уполномоченных о положении на заводах Трубочном, Обуховском, Ижорском, Старом Леснере, Речкина, Невском Судостроительном, в паровозных мастерских Николаевской железной дороги, на Городской электростанции и других предприятиях (Там же. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 13. Л. 2, 3, 4 об., 10, 107).

¹¹⁹ Об этом заявляли уполномоченные заводов Путиловского, Сименс-Шуккерт, Нового Арсенала, Гильзового отдела Патронного завода, Пригородной Невской железной дороги, типографии газеты «Копейка» (Там же. Л. 2 об., 3, 99, 105—107).

шинству» также присоединиться к ним, в случае отказа грозя репрессиями.¹²⁰ Хотя верхушка профсоюзов на первых порах (в 1918 г.) не решалась полностью отвергнуть принцип добровольности и даже иногда осуждала перегибы при вербовке в Союзы, в целом она не препятствовала развитию тенденций «профсоюзного» принуждения. Они были окончательно узаконены II Всероссийским съездом профессиональных союзов в январе 1919 г., деклариовавшего обязательное членство в профсоюзных организациях.¹²¹ Это усиливало сопротивление рабочих официальным профсоюзным структурам — конечно, в определенных узких рамках и зачастую без оттенков политизации.

В 1918—1920-х гг. фабзавкомы прежде всего обвинялись в отрыве от масс и пренебрежении к нуждам рабочих, в отсутствии отчетности о своей деятельности. Особенно часто об этом говорилось в 1921 г. «Массу не удовлетворяет Союз. Масса в настоящий момент отхлынула от Союза, и он ее до сих пор не призывает к деятельному участию строить свое советское хозяйство», — заявлял с трибуны III губернского съезда профсоюзов представитель Александровского завода Ларионов.¹²² «Оторванность Союза от рабочих низов» отмечала в феврале 1921 г. общегородская конференция металлистов.¹²³ Делегату X съезда РКП(б) Л. Николаевскому, обследовавшему в марте 1921 г. заводы Выборгской стороны, был задан и такой вопрос: «Почему... заводоуправление и завком не отчитываются?»¹²⁴ Эти разговоры отмечались и позднее, несмотря на обилие официальных постановлений о роли и задачах профсоюзов, принятых как вследствие профсоюзной дискуссии 1920—1921 гг., так и вне всякой связи с ней. Комментируя кампанию по выборам профкома на фабрике Гознак в марте 1922 г. и услышанный здесь на собрании выкрик: «Не надо нам профсоюза», «Петроградская правда» отмечала: «Ведь старые Союзы до сих пор приходилось видеть только в двух случаях — либо особо торжественных, либо особо печальных, когда возникала буза и „волынка“..., наши товарищи превратились в чиновников, наши нужды, справедливые требования... маринуются ими по несколько месяцев».¹²⁵ Критика профсо-

---

¹²⁰ Всесоюзный союз рабочих металлистов в резолюциях и постановлениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Выпуск первый. 1907—1925. М., 1927. Ч. I. С. 142.

¹²¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 498.

¹²² Третий Петроградский губернский съезд профессиональных союзов. Стеногр. отчет. Пг., 1921. Бюллетень № 1. С. 14.

¹²³ Маховик. 1921. 3 февр.

¹²⁴ ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 490. Л. 1 об.; ср. с постановлением «комиссии 4-х», избранной рабочими Кабельного завода, 11 февраля 1921 г.: «Требовать от Союза металлистов периодического отчета перед рабочими о своих действиях» (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 14. Л. 63); см. также отчет делегата Беспартийного совещания на собрании рабочих Хлебозавода № 2 4 мая 1921 г. (Там же. Ф. 6261. Оп. 6. Д. 57. Л. 22).

¹²⁵ Петроградская правда. 1922. 5 марта.

юзов заняла значительное место и на широкой рабочей конференции Василеостровского района в сентябре 1923 г.¹²⁶

Бездействие профсоюзов, их нежелание реально защищать права рабочих, не удовлетворявшие фабрично-заводские массы распоряжения ФЗК о размерах тарифов также стали причинами ожесточенной критики Союзов в 1918—1923 гг.¹²⁷ Говоря о причинах, побудивших рабочих создать Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов, инициатор его созыва Б. О. Богданов в числе одной из них назвал то, что «деятельность существующих рабочих организаций извращена», и они «в качестве органов защиты интересов рабочих теряют свое значение».¹²⁸ Эти оценки звучали на некоторых предприятиях и в позднейшие годы.¹²⁹

Уже изучая эти аспекты дискуссии о профсоюзах, мы можем обнаружить здесь политический оттенок. Элемент политизации отчасти определялся тем значением, которое придавалось в тогдашней агитационной литературе тезису о близости интересов рабочих и властей. Рабочий, не разбираясь в хитросплетениях сложной государственной структуры в России в 1917—1923 гг. и почти не замечая деятельности Советов на предприятиях (поскольку они все больше приобретали облик декоративной ширмы, а отчеты советских депутатов на фабриках и заводах проводились и нечасто, и формально), видели перед собой лишь одного представителя власти — профсоюзного чиновника, который и персонифицировал в себе всю систему политических структур государства. Сами профсоюзы при этом не без оснований рассматривались как инструмент власти, поскольку они находились под контролем большевиков и являлись главным инициатором, наравне с коллективами РКП(б), принятия пробольшевистских политических резолюций на предприятиях.

---

¹²⁶ См. отчет о конференции, помещенный в «Красной газете»: «Тов. Комаров (зав. им. Козицкого). Союзы плохо связаны с рабочими, совсем не ставятся доклады на заводах. Журналов Союза рабочие не видят... Тов. Третьяков (Балтвод). Члены заводского комитета почти никогда не пройдут по мастерским, чтобы видеть и поговорить с нами о нуждах» (Красная газета. 1923. 6 сент.).

¹²⁷ Петроградская правда. 1921. 25 янв.; ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 12. Л. 168—168 об.; Оп. 7. Д. 14. Л. 79; Ф. 6261. Оп. 6. Д. 61. Л. 37.

¹²⁸ ЦГА СПб. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 об.

¹²⁹ См. выступление члена профкома Рудзинского на собрании 17-й типографии 23 июля 1919 г.: «Прежний Союз [меньшевистский]... действительно ничего не сделал для рабочих, но и данный тоже не проявил никакой особенной деятельности, за исключением того, что дал на фронт из своей среды... Правление Союза за все время не могло созвать ни одного общего собрания для освещения общих вопросов» (Там же. Ф. 4804. Оп. 3. Д. 22. Л. 55); постановление рабочих электротехнической мастерской Охтинского порохового завода 14 июня 1920 г.: «За последнее время мы видим вычеты в Союз, и не видя, и не слыша ни деятельности, ни жизни Союза, как будто у нас не существует никакого органа защиты рабочих интересов» (Там же. Ф. 4709. Оп. 4. Д. 61. Л. 88).

Не менее приметный политический оттенок имели и другие элементы профсоюзных дискуссий в рабочей среде. В протестах против привилегий профсоюзных активистов можно усмотреть аналог споров об «ответственных пайках» — и здесь получение льгот рассматривалось прежде всего как атрибут человека при власти.¹³⁰ Как выступление против льгот можно оценить и требование рабочих сократить раздутые штаты профсоюзных работников, о чем, в частности, говорилось на делегатском собрании Обуховского завода 26 октября 1921 г.¹³¹ Жалобы на вычеты из заработков рабочих для чиновников Союза были отмечены на собрании в пекарне Гимарова в январе 1923 г.¹³²

Эти споры о привилегиях приобрели политический оттенок еще и потому, что именно профсоюзные активисты считались одними из инициаторов сбора сведений о поведении рабочих у станков. На Беспартийном совещании 14 апреля 1921 г. после слов представителя мандатной комиссии о том, что партийность делегатов определялась не по анкетам, а по сводкам Союзов «о своих местных рабочих, которых хорошо знают и их определяют», начался шум, а затем раздались голоса: «Шпионажем занимаются. Знаем, как представляют сводки».¹³³

В какой-то мере политическими можно счесть и отклики рабочих на огосударствление профсоюзов: они имели и определенную антигосударственную направленность. В марте 1919 г. «Петроградская правда» иронизировала над резолюцией речкинцев, требовавших, чтобы профессиональные союзы из государственных сделались «регистрационными лозунгами».¹³⁴ Но не столь невнятно выраженное, однако близкое по духу требование мы обнаруживаем в 1921 г. в Наказе Государственного мыловаренного завода № 6 Беспартийному совещанию: «Союзы должны быть не государственными, а защитниками рабочих».¹³⁵ Этот же политический подтекст улавливается в выступлениях рабочих против смычки профорганов и администрации.¹³⁶ Особенно часто они фиксировались в 1923 г.,

---

¹³⁰ Как правило, на предприятиях прежде всего подчеркивалось то обстоятельство, что получение льгот ведет к ущемлению интересов рабочих. На Голодаевской бумажной фабрике, как отмечалось в одной из заметок, опубликованных в газете «Маховик», «из получаемых [театральных] билетов большая половина лучших мест остается у комитетчиков, а рабочим дают галерку». (Маховик. 1921. 12 апр.). На конференции работниц в апреле 1921 г. в записке, поданной в Президиум, также сообщалось о том, что «сапоги забирает себе заводской комитет» (Маховик. 1921. 7 апр.).

¹³¹ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 65 об.

¹³² Красная газета. 1923. 31 янв.

¹³³ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 70. Л. 35.

¹³⁴ Петроградская правда. 1919. 23 марта.

¹³⁵ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 82. Л. 14.

¹³⁶ См. прения на общем собрании рабочих завода «Красногвардеец» в декабре 1923 г.: «Союз металлистов находится под пятой у наших хозяйственников» (Там же. Ф. 4591. Оп. 7. Д. 12. Л. 187 об.), заявление рабочих Государственного оптического

поскольку к тому времени профкомы занимали умеренную позицию и не всегда поддерживали рабочих в трудовых конфликтах, в том числе даже на частных предприятиях.¹³⁷ Выступая в данной ситуации против профсоюзов, рабочие тем самым выступали, хотя и косвенно, против государственных органов (в частности, заводоуправлений), а значит, в какой-то мере и против власти. И противопоставление государственных структур и защитников рабочих здесь весьма символично.

Несомненно, имели политический характер и нападки рабочих на высшие профсоюзные инстанции, несмотря на то, что многие из них вызывались экономическими причинами.¹³⁸ Эти обвинения зачастую соотносились с обвинениями государственных структур (иногда в рабочих документах профсоюзные и государственные органы даже перечислялись в одном ряду как виновники экономических неурядиц), а часть из них содержалась в политических резолюциях вместе с пресловутым лозунгом перевыборов Советов.¹³⁹ Иногда споры профсоюзных комитетов (и высших и низших) с рабочими возникали, казалось, из-за мелких трений, по поводу соблюдения процедурных деталей во время выборов.¹⁴⁰ Но по мере развития конфликта в нем в определенной степени проступало и политическое противостояние. Выступая во время перевыборов Правления Союза печатников во 2-й Государственной типографии 11 ноября 1920 г. и предлагая, чтобы в Правлении было больше рабочих, чем представителей фабкомов, печатник Филиппов упомянул именно о том, что последние «являются административными лицами»,¹⁴¹ и это сразу придало процедурным прениям специфический подтекст. Записка, поданная Н. М. Анцеловичу на Беспартийном совещании рабочих («просим Президиум проверить мандаты, так как Совет Союза и Союз металлистов почти в полном составе здесь и с решающими голосами»¹⁴²) стала отражением протестов рабочих против подтасовок голосования на Совещании с целью обеспечить поддержку постановлениям, одобряющим Советскую власть. Примечателен и спор, произошедший во время выборов ФЗК

завода (декабрь 1923 г.) в ПГК ВСРМ о том, что председатель завкома находится «в полном „контакте“, подчинении у красного директора, вообще не является защитником рабочих. Это мнение нас, рассчитываемых, и большинства работающих» (Там же. Ф. 4591. Оп. 7. Д. 72. Л. 184 об.).

¹³⁷ См.: *Быкова С. Г.* Борьба советских профсоюзов с нэпманской буржуазией (1921—1925 гг.). Автореф. ист. наук. М., 1973. С. 24.

¹³⁸ См.: ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 12. Л. 141; Д. 14. Л. 132.

¹³⁹ См. постановление рабочих завода Дюмо 10 февраля 1921 г.: «1) Перевыборы Петроградского Совета с участием всех граждан гор. Петрограда на равных и тайных голосованиях. 2) Перевыборы Правления Союза металлистов» (Там же. Д. 12. Л. 50).

¹⁴⁰ Петроградская правда. 1919. 15 марта; ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 3. Д. 16. Л. 24.

¹⁴¹ ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 4. Д. 19. Л. 203.

¹⁴² Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 73. Л. 202.

на общем собрании Типографии им. Зиновьева 20 марта 1923 г. Здесь рабочие выступили против списка кандидатов, подготовленного фабкомом. Политический аспект этого спора состоял в том, что список был одобрен и коллективом РКП(б). Поэтому выступление одного из участников собрания о том, что оно «может выбрать кого хочет, а то нам представляют список подтасованный» и что «коллектив и профсоюз нам не указ»,¹⁴³ можно считать и политическим выпадом.¹⁴⁴

В ряде случаев политические мотивы процедурных дискуссий обнаруживаются не столь явно, но полностью отрицать их влияние трудно. В частности, на уже упоминавшемся собрании во 2-й Государственной типографии 11 ноября 1920 г. печатник Кудрявцев выступил против того, чтобы избрать в Правление руководителя Петроградского союза печатников, поскольку он «не соответствует своему назначению как член Правления профессионального союза, у которого должны быть на первом месте экономические интересы своих членов...», является хорошим политическим работником и ставит на первое место политическую жизнь». ¹⁴⁵ Прямых политических выпадов, как видим, нет, но мотивация отвода выглядит весьма двусмысленной в политическом отношении.

Обычно переход рабочих на добровольное членство в профсоюзах в 1922 г. рассматривается как показатель доверия и поддержки рабочими профессиональных организаций. Действительно, документы 1918—1923 гг. не раз фиксировали то сочувствие и поддержку, которую оказывали рабочие профсоюзным комитетам,¹⁴⁶ и они должны быть обязательно учтены наравне с критическими выступлениями против Союзов. В первую очередь это было обусловлено экономической работой Союза,¹⁴⁷ но зачастую наряду с поддержкой Союзов высказывалось и одобрение Советской власти, правда, в основном в коллективных резолюциях,¹⁴⁸ авторство и механику составления которых установить трудно. Не отрицая того, что для многих рабочих согласие на добровольное членство в профсоюзах было действительно осознанным выбо-

---

¹⁴³ Там же. Ф. 4804. Оп. 7. Д. 90. Л. 75.

¹⁴⁴ Показательно, что выступавший был поддержан с места и другим рабочим, заявившим: «Это не Союз, который навязывает тот список, который не желателен рабочим, мы хотим выбрать того, кого мы желаем, и нам Союз не указ» (Там же).

¹⁴⁵ ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 4. Д. 19. Л. 203 об.—204.

¹⁴⁶ См.: Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 11. Л. 39 об.; Ф. 8145. Оп. 1. Д. 18. Л. 1 об., 6.

¹⁴⁷ Там же. Ф. 4591. Оп. 2. Д. 73. Л. 24; Цыперович Г. Чему учит опыт. Петроградский Союз рабочих швейной промышленности и его участие в производстве. Пг., 1921. С. 67; Положение труда в Ленинградской губернии в 1923 г. и 1-й четверти 1924 г. С. 139; Рабочий день. 1923. № 1.

¹⁴⁸ См. типичное в этом ряду постановление рабочих и служащих Дивенского заготовительного участка 2 декабря 1919 г.: «Постановили: единогласно вступить всем в Союз металлистов и идти рука об руку навстречу нашему Рабоче-крестьянскому правительству» (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 3. Д. 16. Л. 88).

ром, отметим, однако, и следующее. Сам переход к добровольному членству проводился путем коллективного и открытого голосования. Прежние «принудительные» профсоюзы не распускались, рабочие только коллективно голосовали за то, чтобы оставаться в них, но уже на «добровольной основе». Разумеется, при такой механике «освобождения» профсоюзов в руках властей оставалось столько рычагов давления на рабочих и манипулирования ими, что исход всей этой операции нетрудно было предсказать. Отметим также, что, несмотря на оптимистический настрой отчетов о проведенной кампании,¹⁴⁹ факты свидетельствуют, что пресловутый переход к добровольности осуществлялся очень нелегко. Число членов профсоюзов в Петрограде и Петроградской губернии сократилось с 474,7 тысячи человек в октябре 1921 г. до 288,3 тысячи человек в сентябре 1922 г., причем именно переход на добровольное членство и сопровождавшую его перерегистрацию исследователи считают главной причиной этого явления.¹⁵⁰

---

¹⁴⁹ XVII губернская конференция Петроградской организации РКП. 23—26 сентября 1922 г. Бюллетень № 4. Пг., 1922. С. 15.

¹⁵⁰ Бибилов Ю., Москалев С. Профсоюзы Ленинграда в годы Советской власти. 1917—1959. М., 1960. С. 57.

ГЛАВА IV

«РЕВОЛЮЦИОННОЕ СОЗНАНИЕ» РАБОЧИХ КАК ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

1. Политическая нетерпимость как элемент культуры рабочих

При исследовании элементов политической нетерпимости в рабочей среде источниковедческие трудности, в целом характерные для всех сюжетов данной темы, обозначаются особенно выпукло. Мы плохо знаем, всегда ли требования расправ с инакомыслящими были дооформлены при помощи предложенных большевиками клишеобразных резолюций, за которые нередко голосовали, не очень-то вникая в их содержание, или они являлись следствием стихийного настроения, хотя и в этом случае здесь присутствовали элементы политического манипулирования. То же, пусть и с оговорками, мы можем сказать и о других видах документов «коллективного» происхождения, в частности, о коллективных рабочих письмах, где требовали применить к оппозиции жесткие меры.¹

Чаще всего с проявлениями нетерпимости мы встречаемся в документах фабрично-заводских комитетов. Но голос рабочего активиста не всегда сливается с голосом рядового рабочего, хотя для многих историков они и неотличимы. Он всегда придает ему политическое звучание и переводит в регистр иной сложности.

О причинах политической нетерпимости рабочих нельзя говорить однозначно, ибо она являлась результатом влияния разнородных факторов — и бытовых, и политических, и не очень существенных, в том числе и мелких производственных трений. Здесь

---

¹ Особо отметим, что многие фабрично-заводские постановления, одобрявшие террор в 1918—1919 гг., были не только близки по содержанию, но даже использовали одинаковые фразы и в целом однотипную лексику.

сказалось и специфическое групповое кодирование социального поведения, когда сигналом к действиям являлась не политическая угроза, а угроза интересам определенной профессиональной или иной группы; защищаясь, ее члены облекали свои акции в политические формы. Нельзя отрицать и значимость культурного отторжения: здесь основой политического раскола были не политические разногласия, а различия уровней культуры враждующих сторон. Следует отметить и влияние кастового мировосприятия: выделяя себя как особый слой в общественной иерархии, рабочие тем самым противопоставляли себя другим социальным группам, и это противостояние по традиции того времени также получало политическую окраску.

Укажем и еще на один элемент политической нетерпимости — личностный. Неприятие оппонентов едва ли всегда было обусловлено их особой политической позицией. Вызывала зачастую неприязнь и их лучшая одежда, и интеллигентность, и образованность, и бытовые условия. Но все эти чисто личностные раздражители неизбежно политизировались и под влиянием социалистической (не только большевистской) агитации, и еще потому, что именно в политической оболочке они могли стать инструментом общественного спора или порицания. Это вполне подтвердил опыт послереволюционных лет.

Экстремизм рабочих упрочился в условиях хозяйственного коллапса в России, и именно экономические конфликты стали первичной лабораторией формирования политической нетерпимости в низовой среде. Хозяйственные споры приобретали политические вкрапления и даже для мелких производственных конфликтов было привычно использование классовых формулировок. Предложение уволить с Завода минеральных вод «Аэрофор» одного из профсоюзных активистов мотивировалось, например, тем, что он «избрал себе делигатом, но мы, рабочие, делигатом не избирали...», состоит делигатом не от рабочих, а от хозяина и соблюдает его интересы и эксплуатирует и за известного агитатора»,² но мотором конфликта в данном случае были всего лишь его попытки реорганизовать структуру Союза на предприятии. На Охтинском пороховом заводе во время наступления Юденича осенью 1919 г. власть перешла к ревтройке. Впоследствии ряд чрезвычайных мер, осуществленных ревтройкой, ЦПА пыталось отменить, но такие действия вызвали следующий ответ коллектива РКП(б) и заводоуправления: «И хотя бюрократы ЦПА... тянут к ответу ревтройку за ее деятельность и стараются аннулировать ее по-

---

² Протокол общего собрания Завода минеральных вод «Аэрофор». 7 июня 1918 г.: (ЦГА СПб. Ф. 6261. Оп. 3. Д. 30. Л. 91); сохранены орфография и стиль подлинника.

становления, все же прежнего им не возродить и той Октябрьской революции, каковая произошла на Охтинском пороховом заводе, не приостановить».³ Мы привели лишь два документа (есть и много других), показывающих, как возникало политическое обличье экономических конфликтов и как непримиримость сторон, обусловленная хозяйственными спорами, приводила и к непримиримости политической.

Мотивация политической нетерпимости рабочих, если обратиться к фабрично-заводской документации, весьма односложна. Рабочие были уверены, что только то правительство, которое отражает их интересы, может считаться народным. А потому любые силы, противодействующие ему, ведут антирабочую политику, что, по мнению рабочих, недопустимо в пролетарском государстве.⁴ С наибольшей силой это отразилось в коллективных резолюциях, но следует заметить, что ощущение своего классового статуса как особо значимого было присуще в те годы многим рабочим. Необходимость принятия жестких мер к оппозиционерам объяснялась в фабрично-заводских постановлениях и тем, что они саботируют работу предприятий и этим обрекают пролетариев на голод и нищету. Подчеркнем, что в ряде случаев мотивация либо вовсе отсутствовала, либо дополнялась набором ярлыков и ругательств по адресу противников, что, возможно, делало излишним подробное разъяснение причин политического выпада.⁵

В значительной мере атмосфера политической нетерпимости в 1917—1920-х гг. определялась и антиинтеллигентскими настроениями в рабочей среде. Антиинтеллигентские настроения не были чем-то новым для послереволюционного Петрограда. Они, однако, отличались в 1917—1920-х гг. рядом особенностей, которые либо отсутствовали прежде, либо до того времени не были столь заметны. Антиинтеллигентский низовой синдром до революции 1917 г. имел, с одной стороны, отчетливый антилиберальный, монархическо-консервативный оттенок, а, с другой стороны, подпитывался «махавщиной», основанной на левых и антиэксплуататорских постулатах. Враждебность многих интеллигентских сте-

---

³ Доклад-отчет о деятельности рабочих организаций Охтинского порохового завода за время с 15 октября по 7 ноября 1919 г. в связи с отражением наступления Юденича на Петроград // Красный архив. 1939. № 3. С. 10.

⁴ Районные Советы Петрограда в 1917 году. М.; Л., 1964. Т. I. С. 277; Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Сб. документов. М., 1957. С. 509.

⁵ См. листовку Василеостровского Совета рабочих и солдатских депутатов о роспуске районной думы в конце 1917 г.: «Состоящая в большинстве своем из явных контрреволюционеров-кадетов и их приспешников — оборонцев... при выборах в Городскую думу она [районная Дума] ... призвала всех граждан к бойкоту, становясь в один ряд со Шрейдерами, Шингаревыми и другими корниловцами и каледни-цами» (Листовки петроградских большевиков. 1917—1920. Л., 1957. Т. 3. С. 140).

реотипов главенствующей в обществе политико-культурной модели, неприязнь к инженерам и мастерам, возникшая в рабочей среде в силу объективных причин, наконец, агрессивная низовая реакция, обусловленная культурно-бытовыми различиями, — все эти явления очень важны для понимания восприятия интеллигентского движения различными социальными группами.

Антагонизм между интеллигенцией и властью стал намечаться уже в первые дни после октябрьского переворота. Отказ многих интеллигентов одобрить революцию не может быть однозначно истолкован как только политическая реакция на действия сил, нарушивших послефевральские общественные ритуалы. Здесь даже в большей мере сказался культурный протест на обычное поведение и язык победивших революционеров. Можно усмотреть тут и элементы чисто административных действий, когда неприятие переворота определялось не только индивидуальными убеждениями, но и вследствие подчиненности бюрократическим ритуалам, причастности к тому или иному профессиональному клану. Противоречия между интеллигенцией и властью — один из катализаторов усиления антиинтеллигентских настроений среди рабочих в послереволюционное время. Большевизированные рабочие оказались восприимчивы к антиинтеллигентским клише, ставших обычным инструментом и большевистской прессы, и большевистских ораторов. Одобряя большевистские оценки, в которых оказалась не слишком различной неприязнь к интеллигенции и как к политической общности, и как к профессиональной группе, рабочие столь же явственно идентифицировали политическое противостояние с групповым, делая самое понятие «интеллигент» символом политического противника.

Углубившийся после революции раскол между интеллигенцией и рабочими определялся действиями обеих сторон. Грубость и жесткость новых властей, новый политический язык, представлявший в значительной мере вызов нормам интеллигентской культуры, имущественная дискриминация, осуществляемая нарочито в пользу рабочих, — все это резко воспринималось интеллигентами, не без основания, хотя и с известной долей преувеличения, отождествлявших новую власть с собственно рабочими. Отсюда и ставший более заметным специфический антирабочий тон в неофициозной публицистике, нередко высмеивавшей низовой язык и низовые привычки и иногда представлявшей рабочего «мещанином во дворянстве». Эти намеки, в целом не очень многочисленные, подхватывались советской печатью и служили одним из катализаторов антиинтеллигентских выступлений. С другой стороны, многие рабочие, оказавшиеся после Октября у порога нищеты и голода и плохо разбираясь в хитросплетениях экономических механизмов в стране, были склонны приписывать экономическую разруху интригам и саботажу интеллигентов (инженеров, масте-

ров, лиц из высшего и среднего управленческого аппарата) — отчасти и в соответствии с логикой советских агиток. Примечательно еще одно обстоятельство. Ввиду нехватки специалистов, усугубленной эмиграцией технической интеллигенции, власти вынуждены были отойти от своих прежних риторических заявлений и установить для квалифицированных инженеров и техников весьма высокий паек. Это вызывало раздражение рабочих, следы которого можно обнаружить вплоть до перехода к НЭПу. Возражения властей против рабочего эгалитаризма были малоэффективны. Они покоились на «технократической» системе аргументов: несостоятельность уравниловки доказывалась ссылками на конкретные факты и цифры. Но этот подход при его узком и строгом прагматизме не учитывал глубоких идеологических и этических корней данного явления и потому терял свою значимость для многих рабочих. Эгалитаризм — это своеобразная культурная традиция. Его преодоление должно было затронуть существенные пласты низовой городской жизни — бытовые, идеологические и психологические. В этой ситуации даже лучшие и логически безупречные аргументы, даже неопровержимые доводы не могли иметь сколь-нибудь заметного веса и зачастую игнорировались.

Наиболее жесткую политическую позицию на предприятиях занимали фабрично-заводские коммунисты, но их оценки нередко разделяли и беспартийные рабочие. Можно указать на несколько форм проявления политической нетерпимости рабочих. В конце 1917 г. на некоторых предприятиях напрямую требовали от работающих здесь выявления своих политических взглядов либо подписания обязательств о признании Советской власти. Так, заводской комитет завода Роберт Круг потребовал от технического персонала подписать бумагу о признании Совнаркома, а в случае отказа было решено их «считать контрреволюционерами, с завода удалить, предать военно-революционному суду и имена ослушников опубликовать для сведения городских рабочих организаций и профессиональных союзов».⁶ В постановлении общего собрания рабочих фабрики «Скороход» 12 декабря 1917 г. подчеркивалось, что «всех, кто будет уличен в контрреволюционной пропаганде против власти Совета народных комиссаров, Совета народных депутатов, всех революционных организаций, демократических, а также и всей существующей тактики,⁷ фабрично-заводской [комитет] немедленно будет предавать суду революционного трибунала».⁸ Здесь очень показательна не столько угроза наказаний, сколь-

---

⁶ Лозовский А. (Дрицко С. А.). Рабочий контроль. Пб., 1918. С. 55.

⁷ Возможно, имеется в виду политика Советской власти.

⁸ Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата. Сб. документов и материалов. М., 1964. С. 18.

ко скрупулезное перечисление тех органов, несогласие с которыми приведет к суду. Уже сама эта специфическая подробность может считаться регистром нетерпимости к инакомыслящим.

Требования применить самые жесткие меры к «ослушникам» звучали и тогда, когда их поступки не имели ярко выраженных политических мотивов. Во время кампании по приему в профсоюзы в 1917—1918 гг., как отмечалось в одном из постановлений Совета ВСРМ, «к оставшейся индифферентной к Союзу массе наряду с пропагандой и агитацией за вступление применялись и меры принуждения: общее собрание рабочих какого-либо предприятия выносило постановления, что все они должны быть членами Союза, не членам же его нет места в их рядах»,⁹ причем такая практика считалась в этом постановлении вполне «естественной». Наконец, отметим как курьезный случай постановление бюро коллектива РКП(б) Хлебозавода № 8 17 мая 1920 г., предложившего ввиду выходов из партии «просить Райком, чтобы он относился к таким лицам с самым строгим осуждением вплоть до отдачи на принудительные работы»;¹⁰ этот курьез, однако, вполне мог возникнуть именно в той атмосфере политической нетерпимости, образцы которой приводились выше. Логическим ее следствием стали и требования ограничить свободу печати, отношение к которой было очень четко сформулировано одним из активистов на Путиловском заводе в марте 1919 г.: «Свободу печати рабочим мы дадим, но рабочие, которые заблуждаются, те свободы печати не получают».¹¹ Особые просоветские постановления о свободе печати наиболее часто принимали на предприятиях в пылу политических баталий октября—декабря 1917 г., во время мощной атаки на оппозиционную прессу, и мотивировка резолюции рабочих Ново-Адмиралтейского завода 8 ноября 1917 г., требовавшей «закрывать буржуазную прессу, которая является орудием против массы и провоцирует массы, искажая все факты», повторялось и в других похожих по стилю и содержанию документах и, возможно, имело определенную низовую поддержку.¹² Даже когда делегация печатников на заседании Петроградского

---

⁹ Постановление по организационному вопросу первой сессии Совета ВСРМ. Август 1918 г. // Всесоюзный Союз рабочих металлистов в резолюциях и постановлениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Выпуск первый. С. 142.

¹⁰ ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 420. Л. 30.

¹¹ Протокол общего собрания рабочих Путиловского завода. 13 марта 1919 г. (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 1. Д. 91. Л. 3).

¹² См.: *Фрайман А. Л.* Форпост социалистической революции. Л., 1966. С. 172; ср. с воспоминаниями Ив. Скоринко о поездке путиловских рабочих-красногвардейцев: «В конце один из красногвардейцев достал вести из Питера... Перешли к обсуждению декрета о стеснении свободы слова для буржуазной печати. „Кто ж спорить будет, — глубокомысленно рассуждали в вагоне. — Конечно нужен этот декрет“... „На заборах... — выразил свое опасение с нар путиловец, — начнут писать“» (*Скоринко Ив.* Комсомольцы Октября. Л., 1924. С. 94).

военно-революционного комитета 6 ноября 1917 г. протестовала против запрета оппозиционных газет, она признавала необходимость борьбы с буржуазной прессой и заявляла, что «закрывая печать, Военно-революционный комитет должен был в первую очередь обратиться к представителям Союза печатников, выработав совместно с ним меры борьбы с буржуазной печатью».¹³

Еще одним, хотя и весьма специфичным, проявлением политической нетерпимости можно считать и требование однородного социалистического правительства, выдвинутое на ряде предприятий в конце октября—начале ноября 1917 г.¹⁴ Оно предполагало участие в правительстве только лишь левых партий — от большевиков до народных социалистов. О прочих политических течениях в рабочих резолюциях не упоминалось, а в постановлении Адмиралтейского районного совета рабочих и солдатских депутатов 31 октября 1917 г. содержалась знаменательная оговорка: «Без участия ценовых (т. е. буржуазных). — С. Я.) элементов».¹⁵

В конце 1917 г. мы наблюдаем наиболее частые проявления в рабочей среде неприязни к политической оппозиции. Отчасти это объяснимо раздражением против правительства Керенского (оно охватило тогда многие слои рабочих), антибуржуазными настроениями, которые приобрели осязаемый размах в послефевральское время, еще неисчерпанным кредитом доверия к большевикам. Однако и в эти месяцы заметно, что наибольшую политическую нетерпимость проявляли на предприятиях люди при власти: члены завкомов, красногвардейцы, большевики, депутаты Советов. Синтезируя настроения рабочих в своих документах, они в то же время могли придавать им оттенок большей нетерпимости к оппонентам, чем это было в реальности. Это наблюдение отчасти можно мотивировать и тем, что почти нет заслуживающих доверия свидетельств именно об индивидуальных откликах рабочих в это время: мы видим только массу, и знаем только о коллективных документах. Отметим, что в последующие годы мы уже не встречаемся с крайними формами политической нетерпимости: никто не требует подписки о признании власти, рабочие с большой симпатией слушают речи оппозиционеров и уж во всяком случае не сгоняют их с трибуны, как это случалось на Путиловском заводе в 1917 г. Несомненно, все это соотносилось с дебольшевизацией рабочих в 1918—1921 гг., протестами их против арестов и преследований за критику, против нищеты и голода, последовавшими за обещаниями накормить голодных. Примечательный случай произошел 5 февраля 1920 г. в 23-й Государственной типографии. Здесь на собрании во время доклада

---

¹³ Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. М., 1966. Т. 2. С. 144.

¹⁴ Новая жизнь. 1917. 31 окт., 1, 2, 3, 4 нояб.

¹⁵ Районные Советы Петрограда в 1917 году. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 50.

«по текущему моменту» один из рабочих, Голоульников, попросил слова и, когда получил отказ, назвал председателя «провокатором и подтусовщиком». Присутствовавший на собрании представитель РК РКП(б) хотел его арестовать, но «часть беспартийных рабочих запротестовала против ареста».¹⁶ Этот случай, даже если признать его единичным, представляется в особом свете, когда знакомишься с многочисленными одобренными в феврале—марте 1921 г. постановлениями рабочих собраний с требованиями освободить арестованных. Записка, посланная в президиум Беспартийного совещания в апреле 1921 г.: «Немедленно освободить всех беспартийных, что же касается меньшевиков и эсеров, то о таковых поставить вопрос на обсуждение, до тех пор беспартийные и не будут энергично работать, пока не освободят всех из тюрем»,¹⁷ — отражала (и это подтверждается и другими документами) общие настроения петроградских рабочих.

В связи с этим особо надо упомянуть об отношении рабочих к красному террору. Мы имеем об этом очень мало сведений, и по отдельным эпизодам, зафиксированным документами, трудно определить, насколько они были показательны в целом для рабочей среды.¹⁸ Отметим только, что резолюции в поддержку сентябрьского террора 1918 г., публиковавшиеся в петроградской официозной прессе, были одобрены в основном коммунистическими, советскими и военными организациями.¹⁹ Резолюций предприятий мы здесь почти не встречаем, а в тех из них, которые печатались в газетах, от имени рабочих обычно выступали завкомы и коллективы РКП(б), как это было, например, на Балтийском заводе.²⁰ Пожалуй, одно из немногих исключений — постановление собрания рабочих Пушечного округа Путиловского завода. Протокол его, вопреки традиции, был полностью опубликован «Петроградской правдой».²¹ Из него следует, что хотя против применения террора здесь никто не голосовал, но 20 человек воздержалось.²² Говоря об отношении рабочих к террору, необходимо также учитывать их самоцензуру, продиктованную боязнью репрессий, и то обстоятельство, что террор почти не затронул фабрики и заводы: его жертвами стали прежде всего

---

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 4. Д. 19. Л. 21—21 об.

¹⁷ Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 73. Л. 88.

¹⁸ Рабочий Невского завода им. Ленина Орлов сообщал на вечере воспоминаний в 1933 г. о событиях лета 1918 г.: «Я задал токарю Панкову вопрос: „Скажи, пожалуйста, как ты смотришь на этот расстрел (Николая II. — С. Я.)?“ А он отвечает: „Не надобно расстреливать“». (ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 300. Л. 38). Но выяснить, были ли такие настроения обычными для рабочей среды, имеющиеся документы не позволяют.

¹⁹ Петроградская правда. 1918. 6, 7, 8 сент.

²⁰ Там же. 4 сент.

²¹ Там же. 5 сент.

²² Там же.

офицеры, царские чиновники, интеллигенты и все те, кого относили к числу «бывших».

2. Эгалитаризм как фактор политического экстремизма

Уравнительные настроения рабочих являлись важным элементом формирования их «революционного сознания». Именно неприязнь к тем, кто лучше одевался и питался, был более образован, обладал более высоким материальным достатком и лучшим жильем, возникнув в сфере экономико-бытовой, затем приобретала политические наслоения и служила питательной почвой для политического экстремизма. Но необходимо отметить и то, что эгалитарный настрой зачастую инициировал протест против привилегий государственных и иных чиновников в послеоктябрьское время и тем самым усиливал политическую критику рабочих.²³

Эгалитаризм, несомненно, был характерной чертой низовой городской культуры и до революции 1917 г. В нестабильном политизированном и быстро развивающемся обществе он объективно являлся одним из необходимых элементов, обеспечивающих равновесие в сложных социальных организмах, к числу которых мы и причисляем город. Значимость его повышалась в тех условиях, когда общественные связи слабо регулировались законами, а правовое обыденное мышление было рудиментарным. Эгалитаризм, в частности, обеспечивал сохранение той социально-психологической атмосферы в обществе, которая делала возможным применение зачастую не отмеченных в юридической письменности обычаев и правил социальной помощи.

Усиление уравнительных настроений в городской среде в сочетании с более настойчивой официальной пропагандой эгалитаризма — такова примечательная картина послеоктябрьского Петрограда. Причина этого кроется не только в интенсивном общественном выдвижении и обсуждении эгалитарных лозунгов — последнее стало неотъемлемой частью политического ритуала уже в послефевральскую эпоху. В этом можно увидеть и специфиче-

---

²³ См. выступления на III губерньском съезде профсоюзов в феврале 1921 г. делегата от фабрики Чешина: «Если хлеба нет, мало его, так всем равно давайте, как нам говорили ораторы наши, что будем всех в равенстве держать, нет равенства»; делегата от Союза транспортных рабочих: «Когда приходится быть на собрании — товарищи задают вопросы: „За что же мы боролись, один общий государственный котел; для кого же мы этот котел сделали — для рабочих... или для кого-либо иного?“ У нас в Петрокоммуне имеются две столовых, одна столовая для рабочих и служащих, вторая столовая — министерская... У нас все еще существует буржуазная точка зрения... В самом верху нашем — в Смольном — тоже имеются две столовые. Допустимо ли это явление. Я думаю, что нет» (Третий Петроградский губерньский съезд профессиональных Союзов. С. 45—46).

ский протест против социальных неурядиц, усилившихся уже в первые послеоктябрьские месяцы. В данном положении владение богатством и вообще определенный имущественный статус должны были еще более нетерпимо восприниматься массами, чем при экономически стабильной ситуации. Большевицкая революция, таким образом, в силу стечения обстоятельств, обязательно должна была обострить и реанимировать эгалитаризм, даже если бы она этого и не хотела. Неудивительно, что спонтанный, импульсивный и малоуправляемый всплеск эгалитаризма имел зачастую такую направленность и такие формы, которые власти явно не ожидали и не желали.

Важнейшим фактором, определившим частоту эгалитарных проявлений, стала их соотнесенность с антигосударственными устремлениями низов. Вызванное послеоктябрьским экономическим коллапсом фиксированное распределение продуктов и товаров даже в первое время осуществлялось не только по классовому признаку. Оно все отчетливее стало проводится и в соответствии с иерархией должностей, что усилило низовую неприязнь к верхам и представлявшим их чиновникам. Неслучайно поэтому общественный протест приобрел своеобразные уравниательные формы и тем самым неизбежно вел к репродуцированию эгалитаризма.

«Местами, это приходится наблюдать..., создалась такая атмосфера, что комиссар — это стало бранным словом», — отмечал уже в 1919 г. Г. Е. Зиновьев.²⁴ И эта политическая оценка во многих случаях имела откровенно эгалитарный оттенок. «Комиссар нажил кожаную куртку, шапку, кожаные галифе и сапоги хорошие, приятель получает селедки, продукты разные, мыло и т. д., а мне дают полфунта муки», — такие речи слышались даже на одном из заседаний в 1920 г. уже почти полностью большевизированного Петроградского совета и вызвали там бурные аплодисменты.²⁵ Характерно, что поспешно выступивший здесь же Г. Е. Евдокимов вынужден был признать сей факт, отметив, что это «отталкивает от нас известную часть рабочих, которые еще не настолько сознательны, чтобы уметь отличать отдельного коммуниста от партии коммунистов».²⁶ Что это умение отличать пришло не сразу, свидетельствует даже мемуаристка, писавшая в не лучшие для объективных воспоминаний 1930-е гг. «Комиссары жрут, а мы голодаем», — вот что ей сказали в 1921 г. на одном из бастовавших тогда заводов.²⁷

---

²⁴ Стенографический отчет о работах Шестого съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Петербургской губернии и Петербурга 2—4-го января 1919 года. Пб., 1919. С. 20.

²⁵ Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов. Заседание 5. 17. IX. 1920 г. Стб. 252—253, 255.

²⁶ Там же. Стб. 256.

²⁷ Васильева Р. Первые комсомолки. М.: Л., 1932. С. 168.

Упрочению эгалитаризма во многом способствовала и канонизация т. н. «революционной идеологии», одним из ключевых компонентов которой и было требование равенства. После Октября мы наблюдаем уже не только ее пропаганду. Мы видим насильственное и интенсивное «узаконивание» ее в качестве единственно допустимой в обществе идеологии. Эгалитаризм, имевший глубокие низовые корни, стал таким образом насаждаться и сверху в политизированной форме. Имущественное противостояние было представлено прежде всего как политическое, эгалитарная терминология и лексика заметно окрасились в политические тона, насаждение уравнительности из частного дела превратилось в общегосударственное. Еще отметим и такие факторы усиления эгалитаризма — непоследовательную и вообще крайне сумбурную тарифную политику, вызвавшую и неоправданные перекосы в оплате труда, и сопутствовавшие им споры в рабочей среде. Итогом последних стали многочисленные просьбы уравнивать в зарплате различные категории рабочих, а также рабочих и служащих. Последнее требование выдвигалось повсеместно уже во время агонии военного коммунизма, в начале 1921 г.

Эгалитаризм ошутимо подпитывался и насаждением специфической новой сословности — пролетарской. Это инициировалось, с одной стороны, коммунистической ортодоксальной доктриной, а с другой — чисто практическими ожиданиями властей и их прагматическими поисками союзников. Государственно-правовая канонизация эгалитаризма, закрепление его в политических формах, придали ему дополнительную легитимность, прочность и обязательность.

Одним из типичных проявлений эгалитаризма стали т. н. «антибуржуазные» настроения. В литературе уже было отмечено, что «буржуй» в 1917 г. являлся не столько социальным типом, сколько общественно признанным символом всего негативного. Об этом свидетельствует и причисление к «буржуям» прежде всего по своеобразным небуржуазным признакам. С буржуазией ассоциировались, например, учетники — рабочие и служащие, не призывавшиеся в армию в годы войны. Неравенство в несении военных тягот — вот та основа, на которой общественное мнение сближалось в этом случае рабочего и буржуа. Эти представления оказались столь глубинными, что имели практические последствия. Так, «ввиду частых недоразумений по поводу обложения состоявших на учете во время войны рабочих и служащих местными Советами специальным карательным налогом» Комиссариат внутренних дел Союза Коммун Северной области в июле 1918 г. вынужден был специальным письмом запретить эту меру.²⁸

---

²⁸ Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной области. Пг., 1919. Вып. 1. Ч. 1. С. 124.

К эксплуататорам и паразитам²⁹ мог быть причислен любой, чье поведение противоречило уравнилельным представлениям масс, независимо от его имущественного положения, даже если это был чистильщик сапог. «Всех паразитов, которые занимаются чисткой сапог, я считаю нужным взять на общественные работы и заставить их пилить дрова (Аплодисменты. Голоса: „правильно“). Советская республика добивается равноправия, она желает, чтобы каждый гражданин был равноправным, а между прочим для чего-то держит паразитов, которые, как в старое время, кому-то чистят сапоги... Кому угодно чистить сапоги — я свои лапти не чищу, так как у меня нет сапог, — то он может сам вычистить у себя на квартире, а этих граждан нужно заставить идти работать», — говорил на заседании Петросовета в 1920 г. уже упоминавшийся нами рабочий Обуховского завода Гольгин.³⁰ Эгалитарное раздражение вызывает не только тот человек, чьи потребности превышают обычные или просто отличаются от них, но и люди, его обслуживающие. Низовой эгалитаризм не знает и не хочет знать точных дефиниций, зачастую это скорее ощущение, чем осознанное представление. Отвергается не только то, что противоречит той или иной собственно эгалитарной норме, а скорее то, что противостоит общей низовой культуре, разумеется, в растворенном виде содержащей и эту норму. Характерно, что тот или иной техник или даже рабочий могли по своему материальному достатку быть намного выше интеллигента, но с буржуазией, с собственником ассоциировался именно интеллигент. Прежде всего культурные, а не экономические, политические и иные несовпадения — вот что, думается, надо принять во внимание, наблюдая причудливые эгалитарные феномены конца 1910-х гг.

Один из них — это эгалитарная реакция на одежду. В том, что одежда прямо соотносилась с социальным или имущественным статусом человека, ничего необычного не было. Но вот что примечательно: эгалитарное раздражение вызывали не те признаки одежды, которые подчеркивали богатство человека, а те, которые отмечали качественное отличие этой одежды от обычной одежды низших слоев. Не столько шуба и сапоги становились объектом общественной неприязни (эта одежда была как раз привычной), сколько шляпы, галстуки, манжеты. Последние скорее и увереннее идентифицировались в сознании масс с некоей чуждой им культурой. Другое дело, что та, иная, культура ценностей, отличающаяся от низовой, была в общественном восприятии соотнесена, и не без оснований, с имущественным достатком. Мы видим в данном случае специ-

---

²⁹ Отметим, что сами эти термины — политизированные клише, а зачастую и просто ругательства, лишённые политических оттенков, использовались нередко как средство общей отрицательной оценки, вне связи с конкретными обвинениями.

³⁰ Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов. Заседание 5. 17. IX. 1920. Стб. 252.

фическое наложение культурных и имущественных противоречий, вследствие чего первые могут приобрести стойкую эгалитарную окраску.

Эгалитаризм для значительной части людей 1917—1923 гг. — это не целостная система представлений о том, какова должна быть иерархия мира, основанная на справедливом порядке вещей. Это прежде всего именно осознание своей ущемленности и только своей, а не коллективной. Богатый — это прежде всего личный обидчик; его богатство оценивалось как несправедливо нажитое и через это как нечто, отобранное у малоимущего, как то, что лично принадлежит последнему. Поэтому в эгалитарном представлении подспудно присутствовала убежденность, что богатство следует не просто разделить, а отнять полностью. Сам акт «выравнивания» — это скорее акт некоей социальной мести, а не восстановления имущественного паритета. Не уравнивание, а перераспределение богатств, переворачивание пирамиды собственности, при котором бедные становились богатыми, а богатые — бедными — такова концовка многих эгалитарных действий того времени.

Так же обстояло дело и с политическими правами и социальными привилегиями. Распоряжение петроградского военного комиссара Б. П. Позерна 26 августа 1918 г. о том, что «при исполнении всех черных работ... предлагается отныне пользоваться трудом представителей буржуазных классов населения»,³¹ — это уже «верхнее» оформление, жесткое и последовательное, данных настроений в их предельных состояниях. Но закрепление в юридической письменности крайних тенденций псевдоэгалитаризма очевидно превращало их из отклонений в нормы.

Разумеется, уравнивательные настроения в основном проявлялись в условиях реальной оппозиции богат—бедняк, когда культурные, имущественные и политические разрывы были слишком глубокими и очевидными для масс. Но эгалитарные устремления могли ограничиваться и рамками однородной профессиональной группы либо иной общности людей, имеющих одинаково низкий доход. Здесь прежде всего следует упомянуть ожесточенные споры самих рабочих по поводу тарификации их труда и размеров их пайков,³² их недовольство лучшим положением мастеров, инженеров и техни-

---

³¹ Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной области. С. 475.

³² На заседании коллектива РКП(б) Северного Кабельного завода 3 февраля 1921 г. предложение «сделать единый паек» мотивировалось тем, что «карточки не совсем правильно распределяются» (ЦГАИПД. Ф. 470. Оп. 1. Д. 3. Л. 2). Во время совместного заседания Президиума ПГК ВСРМ с представителями 1-й Государственной электростанции в феврале 1921 г. один из рабочих жаловался на то, что «установить, кто должен получать паек на эл[ектро]ст[анции] очень трудно» и поэтому считал, что «уравнивание рабочих в лайке внесло бы больше порядка и прскратило бы все раздоры на этой почве» (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 5. Л. 80).

ков. Эти уравнилельные настроения в данном случае, правда, не были отчетливо политизированы. Требования уравнивать пайки возникли еще в 1918—1919 гг.,³³ но все же говорить о единой эгалитарной позиции рабочих нельзя. Весной 1921 г. на некоторых предприятиях (в частности, на фабрике «Скорород») требовали выплаты жалования поровну, «не считаясь с прогулами того или другого человека»,³⁴ но в то же время на заводе Розенкранц рабочие спрашивали, «почему допускаются такие неправильности, что рабочие, имеющие много прогульных дней, получают такой же паек, как и те, которые всегда аккуратно работают».³⁵

Привычная соотнесенность проповедников эгалитаризма с классовым или социальным делением общества достаточно схематична. Необходимо различать собственно устойчивый эгалитаризм — некие заранее обусловленные и стереотипные коды поведения и мышления и эгалитаризм стихийный. Последний мог охватывать и довольно обеспеченные слои и быть реакцией на отдельные социально-экономические акции, ограничиваясь только этим. Повторим, массовый антиправительственный протест вполне мог временно выявляться в уравнилельных формах и совпадать либо имитировать совпадение с основными постулатами эгалитаризма.

Устойчивый эгалитаризм был прежде всего идеологическим. Ему в равной степени могли быть привержены как имущие, так и бедняки. Они в силу различных причин оказывались одинаково восприимчивыми к социалистическим клише, истолковывая мир по предложенным им канонам. Классовость здесь мало что меняла. Идеологический эгалитаризм в его утрированных формах — это скорее отход от парадигмы обычного поведения, это вызов традиционным нормам. Он определялся не принадлежностью к профессиональным или классовым группам, а представлял собой одну из моделей отклоняющегося общественного поведения. Это было как бы выпадением из группы, обычно нивелирующей стереотипы и коды социального взаимодействия. Этот эгалитаризм с достаточным основанием может быть обозначен как внеклассо-

---

³³ Брагинский М., Лебедев Н. Тарифная работа Союза // Юбилейный сборник Центрального комитета Всероссийского профессионального Союза текстильщиков. 1917—1920 гг. М., 1922. С. 75—76; ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 3. Д. 16. Л. 56; Петроградская правда. 1919. 28 марта.

³⁴ Протокол заседания фабкома фабрики «Скорород», 12 апр. 1921 г. (ЦГА СПб. Ф. 1776. Оп. 23. Д. 3. Л. 29); требование уравнивать пайки выдвигалось весной—летом 1921 г. на 1-й Государственной электростанции, Путиловском, Северном Кабельном, Обуховском заводах и на других предприятиях, об этом говорили и на Беспартийном совещании рабочих (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 5. Л. 80; Ф. 6276. Оп. 6. Д. 70. Л. 26 об.; ЦГАИПД. Ф. 470. Оп. 1. Д. 3. Л. 2; Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М., 1974. С. 259).

³⁵ ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 490. Л. 1—1 об.

вый, недаром среди наиболее ревностных уравнилелей нам трудно разглядеть и люмпенов.

И все же, анализируя всю гамму эгалитарных проявлений в городской среде в 1917—1920-х гг., мы можем сказать, что они имели по преимуществу стихийный характер. Здесь в зависимости от ситуации эгалитаризм мог неожиданно обернуться протестом против любого раздела или даже антиэгалитаризмом. Борьба со спекулянтами — а к ним могла быть причислена добрая половина горожан без различия классов и сословий — ведь и велась под уравнительными лозунгами. Но это был тяжкий удар не только и не столько для «бывших», сколько для тех же малоимущих, всеми способами пытавшихся улучшить свое положение. Тут выравнивание приобретало для рабочего очевидно негативный смысл.

Необходимо особо отметить перепады эгалитарных настроений масс, их неустойчивость. Ведь тотальное закрытие рынков в Петрограде в 1920 г. было не только импровизацией властей, но и определялось требованиями низов, недовольных высокими ценами. Однако к началу 1921 г. маятник общественных настроений качнулся в другую сторону. Примечательно, что в зависимости от экономической конъюнктуры могла ослабевать или вовсе не замечаться эгалитарная окраска той или иной акции. Не уравнительность придавала последней оттенок справедливости; она в ряде случаев могла даже восприниматься как ее отрицание. Существовало некое неотчетливое, аморфное, переменчивое представление о справедливости, неотделимое именно от конкретной ситуации и во многом зависимое от нее. Оно было прежде всего практическим, и абстрактная этическая безупречность эгалитарных норм здесь иногда просто не принималась во внимание.

3. Политическая поддержка большевиков: подлинное и неподлинное

При анализе политических настроений рабочих обычно учитывается не только их слово, но и их дело. Вступление рабочих в Коммунистическую партию и Красную гвардию, наконец, их экономический радикализм, выразившийся во введении рабочего контроля на предприятиях, — все это, где прямо, а где и косвенно, соотносится историками с большевистскими настроениями масс. Необходимо, однако, признать, что многое в этих акциях имело ритуальный характер и отражало не столько мироощущение рабочих, сколько являлось следствием не имевших идеологических оттенков обстоятельств.

Мы уже отмечали ранее, анализируя дискуссии о партии, сколь распространены были среди рабочих представления о том, что обычно записываются в коммунисты по корыстным соображениям. Это

мнение отвергалось, за редкими исключениями, официозной прес-сой. Однако, когда знакомишься с неопубликованными документами, то замечаешь, что такой факт признавали иногда и сами партийные работники. Примечательно, что во время вербовки в партию в 1919 г. некоторые рабочие соглашались вступить в нее лишь при условии получения материальных благ, т. е. очевидно, такой поря-док кое-где признавался допустимым.³⁶ Формулировки, которыми сопровождали рабочие заявления о вступлении в партию, полны идеологических клише, под которыми очень трудно разглядеть их истинные побудительные мотивы. В ряде случаев решение вступить в РКП(б) принималось в условиях митинговой эйфории, как след-ствие эмоционального отклика и не было устойчивым.³⁷

Косвенным свидетельством отсутствия пресловутой идейной убежденности новых членов партии может считаться и быстрый выход их из РКП(б) по собственному желанию, причем иногда публичные мотивировки таких поступков не всегда совпадали с их подлинными причинами. Выход из партии объяснялся обычно нежеланием работать во внеурочное время, семейными обстоя-тельствами и — весьма редко — тем, что «плохо разбираются в политике».³⁸ Во время чистки партии в сентябре 1921 г. «Красная газета» сочла необходимым особо оговорить, что лишь малое число коммунистов объясняли свой выход недовольством НЭ-Пом.³⁹ Во многих формулировках выхода из партии ни слова нет о коммунистических идеях. Все мотивировки — сплошь бытовые, словно речь идет о кооперативах или других экономических това-риществах. Примечательно, что и на партийных собраниях мы можем обнаружить те проявления политической апатии, которые были заметны и на собраниях профсоюзных. «Сейчас подавляю-щее большинство членов партии не только не умеет, но зачастую

---

³⁶ См. протокол заседания коллектива РКП(б) и сочувствующих Невской бума-гопрядильной фабрики 9 августа 1919 г.: «Тов. Геронимус... говорит, что я сейчас выступал на собрании и мне говорили: „Дайте хлеба и пойдем в партию“» (ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 145. Л. 98 об.); протокол собрания коллектива РКП(б) 1-й ниточ-ной мануфактуры 15 августа 1919 г.: «От коллектива [РКП(б)] были посланы това-рищи с листовками и агитациями, которые вынесли очень разнохарактерные изве-стия, выразившиеся в следующем: одни говорили, что мы сочувствуем Сов[етской] власти. На убеждения: „Запишитесь в партию“, они говорят: „Полушаем, а потом запишемся“, а др[угие] говорили: „Мы сочувствуем, но записаться не можем, потому что не имеем времени, т. к. после работы нужно искать, что поесть, давайте хлеба, тогда и запишемся“» (Там же. Л. 123).

³⁷ На заседании коллектива РКП(б) 4-й Государственной табачной фабрики 30 июня 1919 г. решили исключить из партии одну коммунистку, поскольку она, по словам докладчика, «никогда не сочувствовала рабочему движению и только под влиянием речей тов. Зиновьева, слышанных на конференции, она записалась в кол-лектив, а дела она делать никакого не хотела» (Там же. Л. 208 об.).

³⁸ ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 420. Л. 30; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 145. Л. 138 об.; Красная газета. 1921. 9 сент.

³⁹ Красная газета. 1921. 9 сент.

не проявляет никакого стремления бороться за влияние над широкой беспартийной рабочей массой. На наших широких собраниях, общезаводских, делегатских собраниях в мастерских, дело отставания нашей позиции выпадает обычно на долю представителя организации. Члены же партии, работающие у станков, в подавляющем большинстве остаются совершенно безмолвными», — сообщила в начале 1920-х гг. «Петроградская правда».⁴⁰

Коммунисты прочно идентифицировались в рабочей среде с представителями властей, но подчеркнем, что и среди них мы обнаруживаем оппозиционные настроения. Они, правда, редко проявлялись открыто и обычно отмечались на партийных собраниях и конференциях. Но можно найти и свидетельства об агитации самих членов РКП(б) среди беспартийных против списков кандидатов в профкомы и Советы, выдвинутых компартией.⁴¹ О содержании критических выступлений коммунистов сообщалось очень скупое и зачастую невнятное,⁴² но по ряду деталей можно предположить, что тема привилегий верхов и их отрыва от рабочих масс заняла здесь значительное место.⁴³ В 1921—1922 г. были отмече-

---

⁴⁰ Петроградская правда. 1923. 1 февр.; см. и другие отклики на эту тему: «Если вы повнимательнее всмотритесь во все абсолютно наши партийные собрания (общерайонное, собрание организаторов, агитаторов, заседания коллектива и т. д.), то вам... бросится в глаза то, что на всех этих собраниях по всем вопросам порядка дня высказываются все одни и те же 3—4 товарища. остальная масса аудитории представляет из себя вечно молчащую спокойную атмосферу» (статья Ф. Большакова «О воспитании членов партии». — Там же. 1921. 20 марта); «Конечно, были очень трудные времена в 1920—1921 гг., когда коммунист, работая у станка, не проявлял себя открыто. Такие отдельные случаи были. Они есть и сейчас. Осталась еще и психология какой-то боязни своего коммунистического звания. Он не вполне активен и недостаточно ведет индивидуальную агитацию среди беспартийных» (выступление К. Николаевой на XIX Петроградской губпартконференции // Бюллетень девятнадцатой конференции Петроградской губернской организации РКП(б) № 2. 2 декабря 1923. С. 7). См. также: Пухов А. С. В Петрограде накануне Кронштадтского восстания 1921 г. С. 97; ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1431. Л. 20; Ф. 1260. Оп. 1. Д. 7. Л. 3 об.

⁴¹ На Заводе резинового производства № 1 это делалось даже открыто: на заводском собрании 25 декабря 1920 г. сообщалось о том, что «некоторые... коммунисты ходят по мастерским среди металлистов, собирая подписи, чтобы их провести в заводской комитет», хотя был уже подготовлен особый список коллектива РКП(б) (ЦГА СПб. Ф. 4709. Оп. 4. Д. 61. Л. 57 об.).

⁴² В докладах с мест на заседании организаторов коллективов РКП(б) Василеостровского района 9 января 1919 г. сообщалось о Трубочном заводе, что «там есть коммунисты на билете, а не по убеждению», но никаких дополнительных сведений не приводилось (ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 1). В прениях на 4-й Петроградской райпартконференции 3 марта 1923 г. отмечалось, что «влияние чуждой идеологии наблюдается и внутри партии» (Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 115. Л. 1 об.), а в докладе организатора коллектива РКП(б) на партийном собрании фабрики Паль 15 июля 1921 г. «было поставлено на вид коммунистам, чтобы они не были как обыватели» (Там же. Ф. 1249. Оп. 1. Д. 1. Л. 17), но о том, что имелось в виду, можно строить лишь догадки, поскольку и здесь отсутствуют уточняющие сообщения конкретные примеры.

⁴³ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 60 об.

ны и факты осуждения коммунистами НЭПа. Но сама их критика звучала довольно глухо и почти не имела публичного характера, а несогласие с НЭПом нередко было лишь ширмой, формальным предлогом для выхода из партии.⁴⁴

Отметим также, что в критические для власти дни февраля—марта 1921 г. не все коммунисты оказались на политической высоте. На Невской ниточной фабрике, например, в феврале 1921 г. часть коммунистов вместе с другими рабочими самовольно оставила станки, причем безо всякого принуждения.⁴⁵ В это время, как писал исследователь Кронштадтского мятежа А. С. Пухов, на партийных собраниях «не мало приходилось сталкиваться с элементами, настроенными демагогически».⁴⁶ «Случаи бегства из партии» и отказ коммунистов заполнять анкеты, необходимые для мобилизации их на фронт, были зафиксированы в марте 1921 г. в I-м Городском районе.⁴⁷

Вступление рабочих в Красную гвардию и Красную армию тоже нередко рассматривается, наравне с прочими свидетельствами, как знак их «просоветских» настроений. Однако и в данной ситуации политико-психологический смысл слова и дела рабочих трудноуловим, их поступки не могут поддаваться однозначной трактовке.

Имеются свидетельства о том, что рабочие охотно, и даже коллективно (целыми заводами) добровольно вступали в ряды военизированных советских формирований. Особенно часто это наблюдалось в конце 1917—начале 1918 г.,⁴⁸ но запись рабочих в добровольцы отмечалась и в других критических ситуациях, в

---

⁴⁴ На заседании бюро коллектива РКП(б) Выборгского Трубочного завода 31 января 1922 г. организатор коллектива Ларионов призывал коммунистов «не поддаваться ложному несогласию с новой экономической политикой, которая, по существу, и не является новой... Ссылка на несогласие с новой экономической политикой сплошная ложь, ложь для оправдания себя как чистого идейного борца» (Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 123); см. также воспоминания организатора коллектива РКП(б) I-й Табачной фабрики в 1920—1922 гг. Н. П. Пясецкого: «С переходом на НЭП... были тихие недовольства среди членов коллектива, но выразить своего недовольства не решался никто, по этому поводу было много раз как в районе, так и в коллективе поставлено суждений, где глухо, но проскальзывало недовольство» (Там же. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3034. Л. 5).

⁴⁵ См.: Протокол собрания организаторов и инструкторов коллективов РКП(б) Смольнинского района. 26 февр. 1921 г. (Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 57. Л. 7).

⁴⁶ Пухов А. С. В Петрограде накануне Кронштадтского восстания 1921 г. С. 97.

⁴⁷ См. сводку Штаба внутренней обороны Петрограда 14 марта 1921 г. (ЦГА-ИПД. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 52).

⁴⁸ Рабочий класс — ведущая сила Великой Октябрьской Социалистической революции. М., 1981. С. 28; *Малодцова М. С.* Борьба с эсеро-меньшевистской контрреволюцией на предприятиях Петрограда (март—июль 1918 г.) // *Питерские рабочие в борьбе с контрреволюцией в 1917—1918 гг.* М., 1986. С. 183. В числе тех предприятий, где было отмечено очень много добровольцев — Путиловский завод и фабрика «Скороход» (История Советского рабочего класса. Т. 1. Рабочий класс в октябрьской революции и на защите ее завоеваний. 1917—1920. М., 1984. С. 468).

частности во время Кронштадтского мятежа.⁴⁹ Подчеркнем, что в Петрограде рабочие составляли большинство красногвардейцев.⁵⁰

Однако именно эта коллективность и массовость побуждает с предельной осторожностью оценивать ряд документов о формировании рабочих отрядов в Петрограде: зачастую дело ограничивалось только коллективными фабрично-заводскими постановлениями. Профсоюзная мобилизация 10% членов союзов на Восточный фронт весной 1919 г. (начатая, кстати, по инициативе Петрогубпрофсовета)⁵¹ не дала тех результатов, на которые рассчитывали:⁵² многие рабочие уклонялись по разным причинам от отправки на фронт. Отметим также, что желание рабочих вступить в военизированные отряды нередко диктовалось далеко не политическими соображениями: лучшим материальным обеспечением и возможностью повысить свой социальный статус. При этом сам рабочий мог оставаться политически индифферентным либо плохо понимающим политический смысл происходивших событий. Красногвардейские отряды, несомненно, являлись показателем большевистских настроений масс. Но мы не должны игнорировать ни их малочисленность, ни анархический характер многих из них, использовавших идеологическую риторику как ширму для удовлетворения групповых или личных интересов далеко не политического свойства.

Добавим к этому, что призывы к защите социалистического Отечества встречали положительный отклик далеко не у всех рабочих. Разумеется, это определялось многими причинами: не только политическими, но и бытовыми, семейными, экономическими, психологическими. В Петрограде даже прямая угроза немецкой оккупации не смогла ощутимо повлиять на увеличение числа добровольцев. Списки тех рабочих, которые должны были исполнять красногвардейскую повинность, отказались присылать даже крупные фабрики и заводы города.⁵³ Очень медленно проводилась запись добровольцев-рабочих во время германского наступления на Петроград в начале третьей декады февраля 1918 г., что, правда, отчасти объяснялось и объективными причинами.⁵⁴ И это происходило в то время, когда ни на одном из предприятий не отказывались от отправки отрядов на фронт: только на собрании рабочих и служа-

---

⁴⁹ Канев О. Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М., 1974. С. 351—352.

⁵⁰ Старцев В. И. Очерки по истории Петроградской Красной Гвардии и рабочей милиции. Март 1917—апрель 1918 г. М.; Л., 1965. С. 255.

⁵¹ Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917—1920. М., 1976. С. 164.

⁵² Баевский Д. А. Рабочий класс в первые годы Советской власти. 1917—1921 гг. М., 1974. С. 185; Отчет Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов за 1919 г. М., 1920. С. 108.

⁵³ Путьский Е., Ерыкалов Е. Петроградские рабочие в борьбе за создание Красной Армии. Л., 1958. С. 22.

⁵⁴ Фрайман А. Л. Форпост социалистической индустрии. Л., 1966. С. 98—99.

ших Городской электрической станции 25 февраля 1918 г. была одобрена резолюция против вступления рабочих в Красную армию.⁵⁵

Настороженно на некоторых фабриках и заводах встретили Декреты ВЦИК о всеобщем военном обучении и об обязательной службе в Красной армии (апрель—май 1918 г.). «Декрет об армии расклеен у заводов, призывы и т. д. Приходим и видим, что совершенно никто не идет, следовательно, желающих нет», — сообщал на Первой конференции 1-го Городского района один из ее участников, рабочий Скублицкий.⁵⁶ Его слова подтверждались выступлениями других участников конференции. Волнения рабочих, вызванные мобилизацией на Восточный фронт, наблюдались на Путиловском заводе, в Рождественском трампарке и на других предприятиях.⁵⁷ Имели место случаи исключения из рабочих полков представителей тех заводов, которые не желали подчиняться дисциплине,⁵⁸ либо тех, кого считали политически неблагонадежными.⁵⁹ Даже помощь красноармейцам на ряде фабрик и заводов предоставлялась с большим трудом, хотя, возможно, в этом сказывались не политические, а экономические мотивы. Показательна в этом отношении кампания по сбору подарков красноармейцам в типографиях в 1919 г. Так, на совместном собрании 14-й и 18-й Государственных типографий, 1-й Государственной словолитни и типографий «Благо» и «Энергия» 24 июля 1919 г., несмотря на предложение отчислить на подарки Красной Армии однодневный заработок либо 2% от месячного жалованья, рабочие приняли решение ограничиться отчислением 1%.⁶⁰ На собрании 3-й Государственной типографии 27 августа 1919 г. дискутировался вопрос о том, что отчислять красноармейцам — 1% с полумесечного жалованья или полдневный заработок. Нехитрые арифметические подсчеты, возможно, склонили рабочих принять первое предложение; своеобразной компенсацией за сокращение отчислений была принятая здесь же резолюция в поддержку Крас-

---

⁵⁵ Там же. Указ. соч. С. 104.

⁵⁶ Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района. С. 235. См. также выступление здесь и другого представителя рабочих Филиппова (Там же. С. 234).

⁵⁷ Обычно организация их приписывалась эсерам и меньшевикам (См.: *Кулышев Ю. С., Носач В. И.* Партийная организация и рабочие Петрограда в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). Л., 1971. С. 208).

⁵⁸ Бюро Петроградского правления Союза металлистов исключило из рабочих полков рабочих даже целого завода — Речкина, поскольку они не хотели заниматься в установленные для этого часы (Там же. С. 176).

⁵⁹ Один из выступавших в прениях на собрании членов РКП(б), кандидатов в члены РКП(б) и сочувствующих Смольнинского района 29 июня 1919 г. заявил, что необходимо «выловить с заводов и фабрик тех „рабочих“, которых мы не должны допускать в эти рабочие полки», и ему ответили, что «этот элемент уже выброшен из полков и направлен на различные работы» (ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об.).

⁶⁰ Предложивший отдать однодневный заработок на собрании мотивировал это тем, что «рабочие скупаются и мало отчисляют» (ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 3. Д. 22. Л. 59 об.).

ной Армии.⁶¹ На собрании в 17-й Государственной типографии 14 июля 1919 г. при голосовании о подарках красноармейцам часть рабочих воздержалась,⁶² а совместное собрание 9-й Государственной типографии и типографии Петроградского окружного военкомата 24 июля 1919 г. приняло решение «вопрос об отчислении на подарки Красной Армии отложить на определенное время».⁶³

Столь же двусмысленным, как и в случае с Красной Гвардией и Красной Армией, следует признать и отнесение к числу признаков просоветских симпатий масс выступления на предприятиях, требовавших установления рабочего контроля над действиями предпринимателей. Рабочий контроль исторически был первой формой рабочего управления. Четкого понимания его целей и сфер компетенции не было и спустя долгое время после того, как данный лозунг оказался в центре общественного внимания. «Партийная пресса мало писала об этом лозунге и еще менее пыталась вложить в него какое-нибудь конкретное содержание. И когда грянула Октябрьская революция и пришлось точно и ясно сказать, что такое рабочий контроль, то обнаружились на этот счет большие разногласия среди самих сторонников данного лозунга», — отмечал в 1918 г. достаточно осведомленный в тонкостях этого вопроса видный профсоюзный деятель С. А. Лозовский.⁶⁴

Рабочий контроль стал вводиться явочным порядком с 1917 г. Собственно, сам этот лозунг возник чуть позднее: рабочим контролем вначале назывались кратковременные и спорадические акции по проверке деятельности предпринимателей. Ни системности, ни продуманности в них не было: где-то изгоняли неугодного хозяина, где-то пытались охранять заводские склады и помещения, опасаясь саботажа. Говорить о какой-то исключительной антипредпринимательской направленности первых мер рабочего контроля едва ли правомерно. Наоборот, в 1917 г. мы нередко видим и своеобразный симбиоз рабочих и предпринимателей, не только споривших друг с другом, но и решавших вместе проблемы своего предприятия.⁶⁵ Сырье, кредиты, авансы — все это владелец предприятия мог получить, опираясь только на поддержку именно фабрично-заводского комитета. Примечательно, что даже в тех областях, где, казалось, интересы работодателей и ФЗК должны были сталкиваться, они тоже иногда находили общий язык. На заводе «Треугольник», например, в конце 1917 г. заводоуправление совместно с рабочими добилося отмены циркуляра о недопущении женщин к ночным работам: он

---

⁶¹ Там же. Л. 83 об.

⁶² Там же. Л. 46.

⁶³ Там же. Л. 57 об.

⁶⁴ Лозовский С. А. (Дрицко С. А.) Рабочий контроль. С. 19.

⁶⁵ Там же. С. 31; Генкин Л. Б. Становление новой дисциплины труда. М., 1967. С. 170; Григорьев С. Этапы тарифной политики // Пять лет. 1917—1922 гг. (Юбилейный сборник). М., 1922. С. 66.

был невыгоден обеим сторонам.⁶⁶ На Первом Всероссийском съезде профсоюзов откровенно было заявлено о том, что «заводские комитеты на местах превратились в толкачей, в органы, помогающие администрации».⁶⁷

Экономический радикализм рабочих оформился в основном позднее, к весне 1918 г. В их просьбах о национализации, правда, едва ли стоит видеть только следствие классовых противоречий в фабрично-заводской среде. Можно скорее говорить о патерналистских настроениях рабочих, которые оценивали государственную поддержку как нечто более прочное и солидное, нежели рыночное лавирование предпринимателей.⁶⁸ Издание 14 ноября 1917 г. Декрета ВЦИК о рабочем контроле⁶⁹ с подробной росписью его прав и обязанностей не придало ни систематичности его структуре, ни четкой продуманности его действиям. Последние в условиях тогдашнего правового произвола стали более вызывающими, но не более компетентными. Кое-где контрольные комиссии приступили уже к обыску буфетов предпринимателей. В этом не было ничего необычного. Введение рабочего контроля, как это видно из некоторых материалов того времени, отражало не столько политический «большевизм» рабочих, сколько их бытовой экстремизм, впрочем, понятный в тогдашней сложнейшей экономической ситуации, экстремизм, которому извне придали политическое обличье. Отсюда и популярность в рабочей среде слова «саботаж»: именно чьим-то враждебным умыслом, а не объективными причинами многие не без влияния правительственной агитации объясняли остановку работ, невыплату заработной платы и закрытие предприятий. Документы ноября 1917 г. показывают, что переход к рабочему управлению (контролю) отчасти мотивировался и опасением, что заводоуправление своевольно распорядится средствами, предназначенными государственными ведомствами для рабочих. Это мы можем наблюдать, например, на Механическом и Меднопрокатном заводах Общества франко-русских заводов и заводе Сименс-Шуккерт.⁷⁰

---

⁶⁶ Лозовский С. А. (Дридо С. А.) Рабочий контроль. С. 31

⁶⁷ Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов. С. 142.

⁶⁸ Примечательно, что просьбы о национализации высказывались ФЗК сразу после того, как они приходили к управлению предприятием. Как подчеркивали исследователи этого вопроса, «многочисленные документы и материалы вполне подтверждали этот вывод» (Кулышев Ю. С., Носач В. И. Партийная организация и рабочие Петрограда... С. 89).

⁶⁹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.

⁷⁰ См. письмо заводского комитета завода военных и морских приборов Сименс-Шуккерт 17 ноября 1917 г. (Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. М., 1967. Т. 3. С. 136) и письмо заводского комитета Механического и Меднопрокатного заводов Общества франко-русских заводов 8 ноября 1917 г. (Национализация промышленности и организация социалистического производства в Петрограде (1917—1920 гг.). Л., 1958. Т. 1. С. 34—35.

Пожалуй, следует согласиться с С. А. Лозовским в том, что рабочий контроль был утопической идеей: «В действительности ни капиталист не соглашался функционировать в целях обучения пролетариев искусству управления предприятием, ни органы рабочего контроля не могли в условиях режима пролетарской диктатуры ограничиться контролем».⁷¹ Но отметим, что те настроения, которые способствовали репродуцированию идеи рабочего контроля на фабриках и заводах, сохранились и тогда, когда власти поспешили отмежеваться от этого лозунга. Казалось, это было логичным: предполагалось, что после национализации рабочие будут не просто контролировать администрацию, но и сами формировать ее. Фактически же здесь сказалась боязнь того, как бы анархические устремления рабочих не довели окончательно развал промышленности.⁷² Такому шагу нашли соответствующее революционной риторике обоснование. «Будучи революционным лозунгом в период до Октябрьской революции, рабочий контроль, провозглашаемый и проводимый в своем первоначальном виде теперь, в период диктатуры пролетариата, является безусловно реакционным, так как отвлекает сознание рабочих масс от задач управления», — подобная эпитафия была дана рабочему контролю в январе 1919 г. съездом наиболее влиятельного российского профсоюза — металлистов.⁷³ Однако эта фразеология только маскировала зазор между политикой властей и настроениями рабочих. Попытки установить безраздельную власть «красных директоров» в первые годы революции не всегда увенчивались успехом. Реальным было противодействие единоначалию в промышленности и со стороны профсоюзов, причем не всегда только «независимых»: оглядка на позицию рабочих заставляла и большевизированные профессиональные организации решать этот вопрос очень осторожно. Рабочий мог отвергать (и действительно делал это в ряде случаев) рабочий контроль, но те элементы, которые традиционно считались относящимися к контролю — участие в управлении, раздел прибылей, получение продукции, изготовленной им самим, — он стремился отстаивать и тогда, когда встречал противодействие властей.

Сведения о выступлениях рабочих против контроля крайне скудны. Возникали они во многих случаях не без участия социалистов, требовавших перейти от рабочего контроля, который они считали анархическим, к более упорядоченному государственному. Кое-где

---

⁷¹ Лозовский С. А. (*Дридзе С. А.*) Рабочий контроль. С. 41.

⁷² См.: постановление Петроградского Союза металлистов, запрещавшее «дезорганизирующие выступления заводских комитетов» и отмечавшее «весьма вредное с точки зрения рабочего класса стремление... т. е. переход отдельного завода в руки рабочих каждого данного предприятия» (*Панкратова А. М.* Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923. С. 276), весьма характерно именно для конца 1917—начала 1918 г.

⁷³ Всесоюзный союз рабочих металлистов в резолюциях. С. 220.

поддержали этот лозунг,⁷⁴ но довольно вяло.⁷⁵ Протесты рабочих против национализации отмечались в основном в 1918 г. Они имели скорее не политический, а экономический оттенок: считалось, что плохо управляемая национализация была одной из причин экономической разрухи.⁷⁶ Некоторые рабочие опасались, что вслед за национализацией предприятий начнется национализация их имущества,⁷⁷ полагали, что национализация не принесла им тех выгод, на которые они рассчитывали.⁷⁸

Наблюдая отношение рабочих к контролю и национализации в 1917—1918 гг., мы можем отметить даже некое маятниковое движение. Рабочие тех частных предприятий, где были простои и не платили зарплату, стремились быстрее перейти под казенную опеку, но когда останавливались государственные фабрики и заводы, требовали передать управление ими более оборотистому частному дельцу, который сможет наладить производство.⁷⁹ Политические мотивы при этом отсутствовали: все эти действия имели технократический характер. Со второй половины 1918 г. споры среди рабочих о национализации поутихли, но инерция маятникового движения сохранилась. В 1921 г., в условиях жесточайшего кризиса, вновь на рабочих собраниях и конференциях стали звучать требования о привлечении частного капитала и частных посредников и о восстановлении частной собственности.⁸⁰

---

⁷⁴ Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района. С. 114; ЦГА СПб. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 13. Л. 35; *Потехин М. Н.* Первый Совет пролетарской диктатуры. С. 134.

⁷⁵ *Малодцова М. С.* Борьба с эсеро-меньшевистской контрреволюцией... С. 182.

⁷⁶ Выступая на заседании Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда 27 марта 1918 г., представитель Государственной (Синодальной) типографии Юнкеров отмечал, что «на некоторых фабриках рабочие сами приглашают администрацию вернуться» (ЦГА СПб. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 13. Л. 42; см. его же выступление на Первой конференции 1-го Городского района: Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района. С. 34); см. также отчет рабочей коллегии по управлению Обуховским сталелитейным заводом 27 июля 1918 г.: «В передних народных комиссаров можно было наблюдать трогательное „явление“ — члены рабочих организаций совместно с чиновниками в сюртуках и орденках... молили народных комиссаров спасти Обуховский завод и не отдавать управление в руки рабочих» (Национализация промышленности и организация социалистического производства в Петрограде (1917—1920 гг.). Л., 1960. Т. 2. С. 40).

⁷⁷ Об этом, в частности, велись разговоры в 1918 г. на Обуховском заводе (Там же. С. 39).

⁷⁸ Эти настроения наблюдались даже на Путиловском заводе, издавна считавшемся твердыней пролетариата в городской рабочей среде. В полугодовом отчете завкома Путиловского завода (весна 1918 г.) отмечалось: «Многие задавали вопрос — что дала нам национализация» (*Мительман М.* 1917 год на Путиловском заводе. Л., 1939. С. 217).

⁷⁹ На Выборгской бумагопрядильной фабрике во время заседания фабкома 8 февраля 1921 г. требование «прибегнуть к помощи посредников по доставке сырья и топлива» поддержали и представители коллектива РКП(б) (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 5. Л. 83).

⁸⁰ Там же. Д. 12. Л. 168; Д. 13. Л. 29—29 об.; Ф. 6255. Оп. 17. Д. 70. Л. 67.

4. Политическое воспитание рабочих в 1917—1923 гг. как средство их большевизации

Политическое воспитание в той или иной форме являлось элементом тактики любой из российских партий первой четверти XX в. Особенностью большевиков было то, что, придя к власти, они придали партийной агитации государственный смысл: политическое просвещение считалось обязательным и всеобщим, уклонение от него старались не допускать, а на протесты отвечали угрозами. Произошло это, правда, не сразу, а в течение определенного времени, по мере упрочения Советской власти и разветвления и институционализации правительственного идеологического аппарата.

Один из первых исторических экскурсов, призванных оценить состояние агитационно-пропагандистской работы компартии в 1917—1921 гг., был предпринят видным ее деятелем Е. Преображенским на X съезде РКП(б). Есть основания привести обширную цитату из его выступления, ибо, как представляется, здесь в концентрированном виде и объективно обозначены зарождение, динамические изменения и раздробление идеологических структур — процессы, неизбежные на первом этапе становления большевистской диктатуры в годы гражданской войны. «Первое время, — отмечал он, — специальных органов государственной пропаганды коммунизма, концентрировавших это дело в своих руках, мы не имели. Тогда работу по коммунистическому воспитанию масс, с одной стороны, вела Коммунистическая партия, продолжая этим то самое, что она делала, когда боролась за власть... С другой стороны, эту работу вел целый ряд организаций и отдельных товарищей... Эти люди, которые являлись строителями наших первичных советских ячеек, были в то же время пропагандистами советской системы... Таким образом, работа пропагандистская и работа по организации самого советского аппарата, а часто и хозяйственного, были связаны вместе... На следующей стадии мы видим, как постепенно отпочковывается известный аппарат по пропаганде коммунизма — но внутри целого ряда отдельных учреждений, отдельных комиссариатов. Вы помните, что Комиссариат внутренних дел... имел довольно большой аппарат по пропаганде, главным образом в деревне. Точно так же любой из наших комиссариатов имел соответствующий орган. В военном комиссариате таким органом был ПУР. В Наркомпросе... это был внешкольный отдел».⁸¹

Агитационные кампании 1918—1920-х гг. были не только следствием тактических установок компартии, касавшихся перевоспитания в коммунистическом духе всех слоев населения, и прежде всего

---

⁸¹ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенограф. отчет. М., 1961. С. 140.

рабочих. В рассматриваемой нами сфере они являлись и своеобразным компенсаторным механизмом, с помощью которого пытались смягчить негативные последствия тотальной национализации: ослабление стимулов к эффективной работе, снижение дисциплины на предприятиях, падение производительности труда. Репродуцирование агитационных форм было напрямую связано с коллапсом военно-коммунистической экономики: чем глубже обозначалось последнее, тем интенсивнее и изощреннее становились агитационные акции. Таким образом, возникала устойчивость и стереотипизация форм идеологического воздействия: непосредственно побуждавшие к этому обстоятельства со временем утрачивали свою значимость, но вызванные ими к жизни структуры агитационного аппарата разветвлялись и умножались.

Это, кстати, касается не только производственной, но и других сторон жизни общества. Отметим в связи с этим мобилизации на фронт, санитарные агиткампании, помощь крестьянам, осуществляемой в рамках «недели красного пахаря», отправку теплых вещей на фронт и т. д. Любое дело тогда обязательно подкреплялось словом, причем иногда настолько громким, что оно заглушало и само дело, значительно превосходя его по своему размаху. Агитационная работа в то время вообще имела специфический оттенок утилитарности. Она была важна для властей не столько сама по себе, сколько как средство решения какой-нибудь очередной и в данный момент наиболее насущной для них экономической, политической, военной или социальной проблемы. Как правило, агитационные кампании в 1918—1920-х гг. проводились наспех, причем по обыкновению одна из них теснила другую. Высшие инстанции требовали скрупулезных отчетов об осуществляемых пропагандистских акциях, в частности о количестве митингов, собраний, манифестаций и числе привлеченных к ним лиц. Но методы сбора этих данных зачастую были формальными и нередко сведения искажались при поступлении наверх: они являлись не только информативным материалом, но и показателем эффективности работы агитаторов.

Раздробленность звеньев агитационного аппарата — примечательное явление, характерное для атмосферы тех межведомственных споров, в которой упрочивались и бюрократизировались новые структуры государственного управления. Попытки унифицировать идеологическую работу рассматривались как вмешательство в сугубо внутренние дела отдельных наркоматов и по возможности пресекались. Эту ситуацию попытались изменить лишь летом 1920 г., создав на основе внешкольного отдела Наркомата просвещения Главполитпросвет.⁸² Декрет о нем был издан, правда, позднее, в но-

---

⁸² Андреева М. С. Коммунистическая партия — организатор культурно-просветительной работы в СССР (1917—1933 г.). М., 1963. С. 29.

ябре 1920 г.: очевидно, определение сферы его компетенции было делом достаточно трудным. В декрете отмечалось, что Главполитпросвет создается «для объединения всей политико-просветительной, агитационно-просветительной работы Республики и сосредоточения ее на обслуживании политического и экономического строительства страны».⁸³ Положение декрета о том, что «Главполитпросвет в первую очередь организационно объединяет политико-просветительную работу Наркомпроса, ПУРа [политического управления Революционных Вооруженных Сил республики — РВСР], Всероссийского Центрального Исполнительного комитета, Главполитпути, Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов, Центрального комитета Союза молодежи] и что «все прочие учреждения, ведущие постоянную или временную политико-просветительную работу, ведут ее под руководством и фактическим контролем Главполитпросвета»,⁸⁴ было обставлено, однако, целым рядом оговорок, фактически во многом обесценивших значимость данной акции.

Так, объединялись только учреждения, либо ранее принадлежавшие Наркомпросу, либо находившиеся под его патронажем. Остальные же структуры находились в его ведении либо «на основании и в пределах существующих соглашений», либо даже сохраняли свою, выражаясь языком декрета, «административную обособленность», как Политуправление армии. В силу же отмеченных тенденций государственного строительства в те годы дело ограничивалось лишь созданием института взаимного представительства, зачастую формального и подписанием многочисленных соглашений «о взаимных отношениях», многие из которых были только плодом бюрократического творчества и имели малое отношение к действительности.⁸⁵ По существу, создавалось не объединение ведомств, а только усиление и расширение сферы полномочий одного из структурных подразделений Наркомпроса, и то достаточно условное. Характерно, что и ЦК РКП(б), призванный курировать объединение идеологических институтов, в это же время создал и собственный агитационно-пропагандистский отдел (АПО), с которым также пришлось договариваться, и не без долгих споров, Главполитпросвету.

Необходимо отметить, что параллелизм в идеологической работе в те годы не только ощутимо влиял на результаты обработки массового сознания, как о том писали и говорили ведущие агит-

---

⁸³ Декреты Советской власти. М., 1983. Т. XI. Октябрь—ноябрь. 1920. С. 197.

⁸⁴ Там же. С. 198.

⁸⁵ Известия ЦК РКП(б). 1921. № 23—24. С. 3; Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов. Ч. I. С. 30—31; Ушанов А. А. Перестройка культурно-просветительных отделов и комиссий профсоюзов Ленинграда в 1921—1925 гг. // Из истории советской культуры и культурно-просветительной работы. Сб. научн. трудов. Л., 1976. Вып. 3. С. 33; Коммунистическое просвещение. 1922. № 1—2. С. 170.

пропработники. Ведомственная разобщенность, как это ни парадоксально, ограничивала размеры фабрикации общих и абстрактных инструкций, предназначенных для всех и ни для кого не годных. Она способствовала дифференциации агитационных подходов к тем или иным профессиональным и прочим группам, что в известной мере усиливало эффективность пропагандистских усилий. Намеченная в 1920 г. унификация идеологического аппарата определялась скорее логикой военно-коммунистического строительства, предполагавшего полную милитаризацию всех сторон жизни страны в условиях тотальной централизации управления.

Формы, посредством которых проводилось политическое воспитание рабочих, были разнообразны. Первоначально основная тяжесть этой работы легла не на большевистские агитационные структуры (они являлись малочисленными), а на культурные комиссии и отделы профсоюзов. Они по преимуществу были прежде всего культурными органами, политическое воспитание осуществлялось ими попутно и не было для них главной задачей, тем более что профсоюзы вплоть до 1918 г. контролировались различными политическими силами, и их работа не всегда имела большевистский оттенок. Но тяготение к политизации культурных органов наметилось еще до октябрьского переворота. Правда, оно не увязывалось еще с позицией какой-либо одной партии. Так, III Всероссийская конференция профсоюзов (июнь 1917 г.), подчеркнув, что «широкая постановка культурно-просветительной деятельности является одной из важнейших задач профессионального движения», особо отметила: «Только развитой и сознательный рабочий может быть убежденным социалистом и верным борцом профессиональных организаций».⁸⁶ Дальше общих слов в 1917 г. не пошли, что, впрочем, было определено не столько политической инертностью профсоюзных функционеров, сколько слабостью их «материальных» возможностей.

Отчеты о деятельности культурно-просветительных комиссий в 1917—начале 1918 г. отчетливо выявляют эти две обозначенные тенденции культурно-профсоюзного строительства. Согласно им, только в крупнейших промышленных центрах, и в частности в Петрограде (и то не во всех районных советах профсоюзов), функционировали специальные культурные органы. В их ведении нахо-

---

⁸⁶ Резолюция III Всероссийской конференции профсоюзов «Культурно-просветительная деятельность профессиональных союзов» // Резолюции Всероссийских конференций и съездов профессиональных союзов. Пг., 1919. С. 60; здесь же было отмечено, что «необходимо создание специального аппарата для обслуживания столь сложной и ответственной задачи», ввиду чего рекомендовалось «создание на местах для заведывания всей областью культурно-просветительной работы образовательных комитетов из представителей профессиональных союзов, социалистических партий, рабочих кооперативов и Советов рабочих и солдатских депутатов» (Там же. С. 61).

дились библиотеки с небольшим числом (до нескольких сотен) томов, они устраивали спектакли и вечеринки, распространяли листовки и брошюры.⁸⁷ Кое-где они брали под свою опеку действовавшие рабочие клубы, но таких было немного.

В 1918—1919 гг. культурная работа профсоюзов ограничивалась устройством лекций, составлением и изданием методических инструкций, проведением концертов и бесед с рабочими, организацией драматических и хоровых кружков. Особой системности в ней не наблюдалось; впрочем, и масштабы ее еще не были велики.⁸⁸ В 1919 г. были предприняты первые подступы к объединению профсоюзных культпросветорганов. В феврале 1919 г. президиум ВЦСПС принял решение об организации в своей структуре культурно-просветительного отдела. Мысль о том, что именно он должен быть, по образцу Пролеткульта, главным центром политического профессионального просвещения, была быстро оставлена ввиду объективных причин: отсутствия сил и средств в центральном профсоюзном ведомстве. Был выбран другой путь — попытаться объединить под формальным руководством достаточно автономные культурные органы различных отраслевых профсоюзов и оставить в ведении центра лишь то, что было не под силу отдельным производственным объединениям.⁸⁹

Все свои акции в 1919 г. культотдел ВЦСПС проводил в основном в сотрудничестве только с одним государственным ведомством — Народным комиссариатом по просвещению.⁹⁰ Политизация его работы была существенно ограничена. Главными направлениями ее стали профессионально-техническое обучение и чисто «культурное» просвещение, хотя, заметим, и последнее не было лишено политических оттенков. Разумеется, профсоюзы в лице своих руководящих инстанций не отрицали необходимости политического воспитания рабочих. Примером этого может служить резолюция о культурно-просветительной деятельности профессиональных союзов и о профессиональном образовании, принятая Всероссийским съездом профсоюзов в 1919 г. «Социалистическая революция, — подчеркивалось в ней, — поставила перед пролетариатом ряд важнейших задач и целей строительства новой жизни. Параллельно и в

---

⁸⁷ *Левина Т.* Культурно-просветительная работа среди рабочих кожевников за пять лет // Пять лет (Юбилейный сборник). 1917—1922 гг. С. 137; Октябрьская революция и фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Ч. 3. Октябрь. С. 332.

⁸⁸ *Левина Т.* Культурно-просветительная работа... С. 139, 140; *Гимпельсон Е. Г.* Рабочий класс в управлении Советским государством. М., 1982. С. 141; Отчет Всероссийского Центрального совета профессиональных союзов за 1919 г. М., 1920. С. 211, 224, 273.

⁸⁹ Отчет Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов за 1919 г. С. 133.

⁹⁰ Там же. С. 151—152.

связи с революционизированием экономических отношений рабочий класс, как носитель социализма, должен приступить к созданию пролетарской культуры, взамен буржуазной, для подготовки широких масс к полному осуществлению социалистического строя».⁹¹ Примечательно, что, по мнению съезда, для решения этой задачи был «предпочтителен тип профессионального политического клуба, по возможности крупного размера».

Вместе с тем многие отраслевые профсоюзы стремились переложить основную тяжесть политической работы либо на коммунистические агитационные структуры (как это сделал, например, III Всероссийский съезд текстильщиков в апреле 1920 г.⁹²), либо на наркомпросовские. В этом, конечно, сказывались материальные трудности, но примечательна мотивировка таких действий, в наиболее концентрированном виде представленная публично в постановлении Второго Всероссийского съезда рабочих металлистов «О профессиональном образовании и задачах союзов»: «При посредстве органов государства, являющихся в социалистическом обществе в то же самое время и органами рабочего класса, последний может выполнить самую широкую программу в сфере поднятия общего культурного уровня пролетариата и приобщения его к высшим достижениям в области философии, науки и искусства последнего времени. Поэтому работу в этом направлении профессиональные союзы должны предоставить государственным органам — Пролеткультам и др. подобным организациям. Работа же профессиональных Союзов должна быть главным образом сосредоточена в области профессионального образования, а также в выработке научного социалистического классового самосознания пролетариата».⁹³

Ясности в том, чем должны заниматься культпросветорганы профсоюзов и — главное — как должны различаться сферы компетенции их и государственных учреждений, не было достигнуто и к началу 1920-х гг.⁹⁴ Однако фактически к этому времени политическое в деятельности культотделов отошло на второй план: решение этой задачи было предоставлено компартии и комсомолу.

---

⁹¹ Резолюции Всероссийских конференций и съездов профессиональных союзов. С. 61—62.

⁹² См.: Юбилейный сборник Центрального комитета Всероссийского профессионального Союза текстильщиков. 1917—1920 гг. М., 1922. С. 95.

⁹³ Всесоюзный Союз рабочих металлистов в резолюциях и постановлениях. С. 225.

⁹⁴ См. доклад И. Исаева о культработе на IV Всероссийском съезде профсоюзов: «Мы должны отметить три фактора, которые с чрезвычайной тяжестью... дают на развитие работы. Факторы эти следующие: 1) отсутствие точного определения содержания культработы профсоюзов; 2) неясность и неоформленность порядка взаимоотношений с государственными органами просвещения и 3) отсутствие ясно и точно выработанных организационных форм культработы профдвижения» (Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов. Ч. 2 (секции). С. 76—77).

Работа профсоюзных культурных органов приобрела оттенок тред-юнионизма. Это в какой-то мере отразила и их структурная перереорганизация. Так, в соответствии с решениями X съезда РКП(б) и IV Всероссийского съезда профсоюзов были сформированы в составе культотдела три подотдела: политико-просветительный (общей культуры), производственной пропаганды и профессионально-технического образования. Культурничество, неполитическое образование и лишенная политических аспектов технократическая пропаганда и стали главными направлениями усилий культпросветовских профсоюзных структур на ранней стадии НЭПа.

Главенствующей формой профессионального политического воспитания были рабочие клубы. Первые из них появились еще до большевистского переворота, но только после 1917 г. наметилась тенденция к их резкому увеличению. Конечно, говорить о клубном буме в 1918—1920 гг. можно лишь условно; он имел к тому же стихийный характер и не отличался последовательностью. «Клубная работа, — писала в своем обзоре деятельности клубов Н. Колесникова, — велась под различными наименованиями: культурно-просветительные кружки, избы-читальни, народные дома и собственно клубы. Вел эту работу всевозможные организации: внешкольный отдел, Пролеткульт, профсоюзы, Союз молодежи, Коммунистическая партия, многие наркоматы. В любом городе на одной и той же улице можно было найти (часто совсем рядом) несколько клубов, которые не только вели параллельную работу, но часто даже конкурировали друг с другом. Материальные средства распылялись, и большинство клубов было обставлено очень плохо; так как работников, понимающих и знающих клубную работу, очень мало, то работа опять-таки в большинстве клубов велась неудовлетворительно, ограничиваясь одними развлечениями».⁹⁵ Подчеркнем также, что во многих клубах индивидуального членства не существовало и поэтому член профсоюза или комсомолец автоматически зачислялись соответственно в рабочий или молодежный клубы.⁹⁶ Специфической клубной формой являлся партийный клуб, зачастую создаваемый как дискуссионный. Вместе с тем эта дискуссионность быстро исчезала, и структура партийных клубов по существу стала копировать зевенья обычных рабочих клубов: здесь появились и спортивные, и художественные кружки.⁹⁷

---

⁹⁵ Колесникова Н. Единая сеть политико-просветительных учреждений в настоящее время // Коммунистическое просвещение. 1922. № 2. С. 25.

⁹⁶ См.: Ремизова Т. А. Культурно-просветительная работа в РСФСР (1921—1925 гг.). М., 1962. С. 228.

⁹⁷ См.: статью М. Жакова «Партийные клубы и самообразование»: «Дискуссионная деятельность после некоторого опыта почти повсюду опустилась или приняла характер простых „прений по докладу“» (Коммунистическое просвещение. 1922. № 4—5. С. 67—68). Партийные клубы были распространены в основном в промышленных центрах.

В 1922—1923 гг. клубы стали предметом долгих и достаточно бесплодных споров между Главполитпросветом, культотделами ВЦСПС и Пролеткультом. Что должен делать клуб — развлекать или просвещать? — этот вопрос был центральным в дискуссии. С различными, зачастую ритуальными, оговорками на первом особо настаивали профессиональные союзы, на втором — Главполитпросвет,⁹⁸ хотя и те и другие почти единодушно признавали клуб центром воспитательной работы.⁹⁹ Вместе с тем технократичность, вообще отчетливо проявившаяся на ранней стадии НЭПа, не обошла стороной и клубную деятельность, и ей отдали дань даже руководители Главполитпросвета, постоянно напоминавшие о приоритете политического в клубе. В одном из циркуляров Главполитпросвета 1922 г. прямо подчеркивается, что центральными в деятельности клубов должны быть «вопросы производства» и — как уступки профсоюзам — «удовлетворение общекультурных потребностей рабочих масс в области полезных развлечений».¹⁰⁰

В какой-то мере дискуссия о клубах имела схоластический характер. Переход к нэповским принципам самообеспечения, затронув сферу культуры, привел к резкому сокращению числа культпросветучреждений. Этот процесс удалось остановить лишь к концу 1922 г.¹⁰¹ Стремясь выжить в условиях рыночной стихии, клубы обратили особое внимание на то, что пользовалось однозначным успехом у тогдашней публики; на танцы, вечеринки и театральные постановки отнюдь не революционного содержания.

Собственно, политизированные формы клубной работы, существовавшие в начале 1920-х гг., наиболее подробно перечислены в

---

⁹⁸ См.: Колесова А. К. Деятельность рабочих клубов по коммунистическому воспитанию трудящихся в 1917—1923 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1969. С. 23. Стоит обратить внимание на следующие акценты, которые эти споры обозначили в резолюции V Всероссийского съезда профсоюзов (1922 г.) «О культурной работе Союзов»: «... заводской клуб должен быть не только очагом пролетарского просвещения и пропаганды классовой борьбы, но и местом отдыха рабочего после трудового дня... Вокруг клуба следует группировать культучреждения, обслуживающие бытовые общекультурные потребности рабочего (библиотеки, художественные и театральные студии, музыкальные, экскурсионные и спортивные кружки, хоры и т. п.)» (Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов. 17—22 сентября 1922 г. М., 1922. С. 533).

⁹⁹ «Клуб органически объединяет все виды и формы политпросветработы; он мозг, в котором сосредоточено управление остальными частями организма; он сердце, снабжающее в то же время живительной кровью весь организм» (Пельше Р. Значение и характер клубов в настоящий момент // Коммунистическое просвещение. 1922. № 1. С. 52); см. также: Там же. № 2. С. 68; № 4—5. С. 28, 131.

¹⁰⁰ Циркуляр Главполитпросвета РСФСР всем уездным и губернским политпросветам «О ближайших задачах клубов» (Там же. № 3. С. 136). Впрочем, стремление Главполитпросвета извлечь «идеологическую» пользу даже из досуга рабочих заметно и здесь. Так, предполагалось организовать экскурсии за ягодами, грибами, которым должно было придать естественнонаучный характер.

¹⁰¹ Утёмов В. У. Развитие сети клубных учреждений РСФСР в восстановительный период (1921—1925 гг.). Л., 1967. С. 8—9.

тезисах «Об агитационной работе политпросветорганов», подписанных в 1922 г. заведующим Агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б) и председателем Главполитпросвета. «В клубах и народных домах (народных домах), — отмечалось в ней, — объединяющих почти все виды внешкольной агитации и пропаганды, агитационная работа должна выявляться во всех формах их деятельности: в устройстве митингов, докладов, лекций, бесед, чтения газет вслух, в постановке спектаклей, инсценировок, в организации художественных вечеров, устных газет..., выставок, наконец, во внешнем убранстве помещений (лозунги, плакаты, витрины и проч.)». ¹⁰² Этот список можно продолжить и добавить сюда, например, «политические факты» — политцирк, инсценированные отчеты, «живые газеты», но и при этом добавлении очевидно, что в клубной работе происходила по преимуществу политизация развлечений, а не откровенная замена их политическими кружками. «Развлечение должно быть по самому духу своему проникнуто просвещением и должно быть поставлено таким образом, чтобы постепенно тягивать в умственную жизнь наиболее отсталых членов Союза в легко-усвояемой форме, борясь с пошлостью, мещанскими предрассудками и влиянием мелкобуржуазной стихии», — это постановление Второй Всероссийской культконференции рабочих металлистов (ноябрь 1921 г.) ¹⁰³ очень типично для того времени. Красный сыщик, появившийся в беллетристике, — закономерное его следствие.

Согласие на это по большей части было вынужденным: оно определялось и финансовыми трудностями, и очевидной непригодностью агиток гражданской войны, никого уже не увлекавших и казавшихся многим рабочим анахронизмом. Власти, однако, быстро оценили его преимущества — и Н. Бухарин дал уже этой тенденции теоретическое обоснование, рекомендовав оживление агитработы как важное условие большевизации масс, воспринимающих политическое быстрее через чувственное, чем через интеллектуальное.

Политическим просвещением в его чистом виде занимались преимущественно системы коммунистического и комсомольского образования. Задачи их были разнобразны. Они готовили агитаторов и обучали партийных и комсомольских функционеров, многие из которых были в буквальном смысле этого слова взяты от сохи или от станка и не обладали иногда даже необходимым минимумом грамотности. Они охватывали некоторое число рядовых рабочих, и коммунистов, и беспартийных. Самые структуры политобразования РКП(б) и РКСМ на первых порах, в 1918—1920-х гг., были конгломератами различных кружков и школ, как правило, не иерархизированных в рамках одной системы и недолговечных.

---

¹⁰² Коммунистическое просвещение. 1922. № 4—5. С. 131.

¹⁰³ Всесоюзный союз рабочих металлистов в резолюциях и постановлениях. С. 454—455.

Партийные кружки и школы при своем зарождении в 1918 г. (мы не рассматриваем здесь их дооктябрьские образцы) имели обычно вид краткосрочных курсов.¹⁰⁴ Задачи, которые они перед собой ставили, были даже не идеологические, а прагматические. Главная из них — передача хотя бы примитивных знаний о «советском строительстве» (иных и трудно было получить, ибо учебный курс редко превышал несколько недель) и воспитание первичных агитационных навыков. К 1920 г. относится первая попытка унифицировать или хотя бы придать вид систематичности разрозненным коммунистическим школам. Ввиду слабости (а во многих местностях и просто отсутствия) агитационно-пропагандистских органов партии выполнение этой задачи совместным циркуляром ЦК РКП(б) и НКП от 7 августа 1920 г. было возложено на наркомпросовские структуры. Разграничение сфер компетенции коммунистических и просвещенческих органов в деле политического образования членов РКП(б) не было отчетливым, о чем можно судить хотя бы по упомянутому циркуляру, где этот вопрос освещен следующим образом: «Наркомпрос ведет эту работу под общим руководством и контролем ЦК РКП. На местах идейное руководство коммунистическими партийно-советскими школами принадлежит Компарту. Компарт осуществляет это руководство через Нарообраз».¹⁰⁵ В этой путанице «идейного» и «общего» руководства и формировалась система коммунистического образования, во многом унаследовавшая формы и методы наркомпросовских структур, но при уже заметной тенденции к обособлению от массовой идеологической работы.

Так называемые советско-партийные школы возникали в годы гражданской войны по преимуществу стихийно. Первоначально их названия не были унифицированы: они именовались и «школами общественных наук», и «народными рабоче-крестьянскими университетами».¹⁰⁶ Когда термином «совпартшколы» стали традиционно объединять различные партийные кружки, последние быстро начали перенимать это название, что, помимо прочего, эффективно служило и их легитимизации. Последнее было не лишним, поскольку совпартшколы, вторгаясь в сферу различных ведомств, редко встречали с их стороны готовность идти навстречу.

В 1921—1922 гг. совпартшколы испытывали те же трудности, что и прочие звенья агитационно-пропагандистского аппарата: средств на их содержание выделялось мало (их ведомственная принадлежность была спорной), число курсантов сократилось кое-где

---

¹⁰⁴ Рындич А. Ф. Партийно-советские школы. М., 1925. С. 5.

¹⁰⁵ Там же. С. 6.; см. также: Справочник партийного работника. М., 1921. Вып. 1; Леонова Л. С. Из истории подготовки партийных кадров в советско-партийных школах и коммунистических университетах (1921—1925 гг.). М., 1972. С. 28—29.

¹⁰⁶ Рындич А. Ф. Указ. соч. С. 5.

наполовину, уменьшилось и количество самих школ. «Совпартшколы ставят себе задачу подготовки революционного марксиста-практика, могущего ориентироваться в окружающей обстановке и стать активным руководителем масс в той или иной конкретной области революционного строительства», — говорилось в резолюции Второго съезда совпартшкол (апрель 1923 г.).¹⁰⁷ Но подобная задача решалась и многими другими идеологическими структурами, и это общее, неконкретное определение (оно не было единственным) едва ли в состоянии было как-то особо выделить совпартшколы. Вместе с тем, будучи наиболее многочисленными, они быстрее других школ поддались внутреннему упорядочиванию и систематизации. Все совпартшколы оказались разделенными на две части. Совпартшкола I ступени готовила «работника масштаба группы предприятий и волости», II ступени — «работника городского района и уезда».¹⁰⁸ В циркуляре ЦК РКП(б) в 1922 г. предлагалась следующая разверстка курсантов: 50% мест отдавалось членам РКП(б), 25% — членам ВЛКСМ и 25% — членам профсоюзов, причем первые две группы в совокупности в совпартшколе I ступени должны были получить не менее половины мест, II ступени — не менее 75%.¹⁰⁹ Совместный циркуляр ЦК РКП(б) и Главполитпросвета (конец 1921 г.) определил следующие критерии приема в совпартшколы: классовый подход, партийность, добровольность, грамотность, стаж партийной и советской работы. Поступление в курсанты совпартшкол являлось, однако, не только знаком особого прилежания или способностей. Сюда зачастую направляли и нерадивых работников, от которых старались избавиться предприятия, и безработных, желая облегчить их положение.¹¹⁰ Заметим, что в целом рабочие в совпартшколах составляли в 1922—1924 гг. от 37 до 44% курсантов.¹¹¹

Какой-либо всеобщей иерархизированной системы коммунистического образования не было, и наряду с совпартшколами широко развивались «кружки по изучению марксизма» (т. н. марксистские кружки), которые в начале 1920-х гг. считались основной формой партийной учебы.¹¹² Марксистским кружкам были присущи те же недостатки, что и прочим «идеологическим средствам»: раздробленность, отсутствие единых инструкций и единого методического центра, равно как и неотлучность их по своему уровню от других политических школ. Последнее, кстати, являлось общей чертой разных форм политического образования. Сколь бы часто ни произво-

---

¹⁰⁷ Там же. С. 43.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Известия ЦК РКП(б). 1922. № 9. С. 41.

¹¹⁰ Леонова Л. С. Из истории подготовки партийных кадров. С. 36.

¹¹¹ Рындич А. Ф. Указ. соч. С. 21.

¹¹² Залетаева Т. Е. Борьба Коммунистической партии за подъем агитационно-массовой работы в первые годы новой экономической политики (1921—1923 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1955.

дилась градация школ по той или иной степени сложности обучения, их уровни во многом были схожи. «Марксистские кружки нередко остаются лишь по названию кружками по изучению марксизма — за недостатком пропагандистских сил они нередко являются обыкновенными политическими кружками», — вынужден был признать в 1922 г. В. Молотов.¹¹³

Особо нужно сказать о системе комсомольского политического образования. В первые послереволюционные годы о ней говорили даже с пренебрежением, всячески подчеркивая ее малую эффективность, чего в целом и нельзя было отрицать. «Мне приходилось очень много шататься по фабрикам, — сообщал на X съезде РКП(б) Д. Рязанов, — очень много шататься по беспартийным собраниям, но я не вижу никаких прочных и осязательных результатов воспитательной работы, проводимой Союзом коммунистической молодежи среди молодых рабочих и работников».¹¹⁴ Разумеется, в 1918—1920-х гг. определенные специфические формы комсомольского политического образования были намечены и получили некоторое развитие. Однако сеть комсомольского просвещения была неизмеримо слабее партийной, хотя и старалась копировать последнюю. Перестройке идеологической работы комсомола (а если вернее — ее систематизации) положил начало III съезд РКСМ (1920 г.). В принятой на нем Программе РКСМ по существу канонизировались те средства, с помощью которых осуществлялось политическое воспитание молодежи в 1917—1920-е гг. В ней отмечалось: «РКСМ ведет свою политико-просветительную работу, координируя ее с Главполитпросветом и при помощи его, через: а) клубы Союза, политические, драматические, литературные, музыкальные и другие кружки, экскурсии в музеи, галереи и т. д., лекции, курсы, беседы, библиотеки, читальни; б) юношескую печать, освещающую жизнь рабочей и крестьянской молодежи, к участию в которой привлекаются сами юные пролетарии и крестьяне; в) митинги и собрания рабочей и крестьянской молодежи, организацию разного рода кампаний; г) школы-курсы грамоты, школы политграмоты и т. д.; д) издание специальной юношеской литературы».¹¹⁵ Фактически же формы политического воспитания молодежи функционировали с различными модификациями, и в первой половине 1920-х гг.

Стремление выработать новый курс политико-просветительной работы на рубеже 1920—1921 гг. не оказалось чуждым и среде комсомольских функционеров. О том, как они его понимали, можно выяснить, проанализировав два комсомольских документа. Один из них — резолюция I Всероссийской конференции РКСМ (1920 г.). В

¹¹³ Молотов В. На шестой год // Красная новь. 1922. № 6 (10). С. 255.

¹¹⁴ Десятый съезд РКП(б). С. 159.

¹¹⁵ ВЛКСМ в резолюциях его съездов и конференций. 1918—1928. М.: Л., 1929. С. 88 (фрагмент Программы РКСМ приводится в редакции IV съезда РКСМ).

ней было предложено освободить пропагандистскую работу среди молодежи «от поверхностных митинговых приемов ... от отвлеченных теоретических рассуждений. Содержанием ее должно было быть освещение повседневного экономического строительства применительно к условиям жизни и быта трудящихся масс и молодежи и вопроса о взаимоотношении крестьянства с пролетариатом, рабочего класса с его авангардом — РКП(б)».¹¹⁶ Этот документ отразил три важнейших идеологических задачи, к решению которых был привлечен весь коммунистический агитаторский корпус. Во-первых, требовалось объяснить, и желательно в максимально ортодоксальном виде, чем был вызван отказ от ряда коммунистических лозунгов эпохи гражданской войны, равно как и ослабить негативное отношение рабочих к нэповским новациям. В этой связи следует рассматривать и пропагандистские усилия по освещению взаимоотношений рабочих и крестьян. Данный вопрос, правда, возникал не столько рабочих, сколько власть имущих, менявших кардинально свою крестьянскую тактику и настойчиво хотевших объяснить, почему они это делают, предполагая, что это будет интересно и другим. И наконец, зафиксированный документом третий аспект тогдашней идеологической работы — ослабление противоречий между беспартийными рабочими и коммунистами. Ввиду резкого усиления антибольшевистских настроений на фабриках и заводах в начале 1921 г. это стремление вполне закономерно.

Таким образом, приведенный документ отразил момент специфического идеологического «перехода». Во всяком случае он более прагматичен, чем прежние агитпроповские инструкции, при выдвижении идеологических приоритетов. Новые акценты, проявившиеся в нем, еще более заметны в Отчете ЦК РКСМ V съезду РКСМ (1922 г.). В нем отмечалось, что «ЦК пересмотрел старое содержание и методы нашей политико-просветительной работы, отрицательные стороны которой сводились к своеобразному „аскетизму“, поверхностной агитации и сухому насаждению политграмоты и т. п., и пришел к выводу, что от них надо отказаться. Новое содержание политико-просветительной работы было углублено в своей политической части (марксистское образование, развитие классового самосознания) и расширено за счет общеобразовательной работы, развлечений и физического развития. Методы ее должны были приспособиться к психологическим особенностям молодежи, стать более сильными, заинтересовать молодежь».¹¹⁷

Сравним два процитированных документа. Общим для них является неприятие митинговых пропагандистских акций. Однако в отчете ЦК не только это подчеркивается, но и намечается следующий шаг в изменении агитационных приемов: сочетание полити-

---

¹¹⁶ ВЛКСМ в резолюциях его съездов и конференций. С. 56.

¹¹⁷ Отчет ЦК РКСМ V-му Всероссийскому съезду. М., 1922. С. 20.

ческого просвещения с общеобразовательной, спортивной и развлекательной работой, учет «психологических особенностей молодежи». Подобно тому, как НЭП санкционирует отход от утопичных экономических формул, новый курс политпросветработы предполагал более изощренное использование механизмов идеологической обработки молодежи. Это намечалось осуществить двумя приемами, фактически диаметрально противоположными: углублением пропаганды и ее своеобразным обмирщением, приданием ей не политического, а бытового оттенка. Второй из них оказался самым результативным для коммунистических агитаторов: недовольство легковесными агитками, как вскоре выяснилось, во многих случаях происходило не оттого, что в них не видели глубины, а потому, что считали их излишне идеологизированными, оторванными от повседневной жизни рабочих.

Политическое образование с самого начала деятельности РКСМ было признано ее руководством делом первостепенной важности. Уже в программе РКСМ изучение курса политграмоты признавалось обязательным для каждого комсомольца. В начале 1920-х гг. наметились первые признаки систематизации комсомольских кружков, хотя, как правило, просветительные системы РКСМ имели тогда резкие региональные отличия. Обычно низшую ступень комсомольского образования представляли школы политической грамоты, программа которых, утвержденная ЦК РКСМ, состояла из 12 бесед.¹¹⁸ В основном школы политграмоты создавались при комсомольской ячейке на предприятии. Более высокой ступенью политучебы являлись районные политические школы, зачастую готовившие агитаторов для школ политграмоты. Кое-где существовали и Центральные политические школы.

Новый этап в развитии системы политического образования РКСМ обозначился в 1923 г. III Всероссийской конференцией РКСМ было решено провести осенью 1923 г. всеобщую политпроверку с целью «выявить основные категории членов Союза: 1 категория — совершенно лишенных политических знаний, 2 категория — обладающих некоторыми хотя бы знаниями и стремлением к самостоятельной работе и после некоторой подготовки — пропагандистской работе».¹¹⁹ Соответственно этому, 1-я категория должна была обслуживаться ячейкой и клубом, 2-я — политическим кружком, 3-я — пропколлективом. Решения конференции значительно реформировали и унифицировали ранее существовавшие системы политучебы, впрочем, не настолько, чтобы не заметить связей старых кружков и школ с новыми. Эта связь иногда выступала столь зримо,

---

¹¹⁸ Ключин В. И. Руководство партии комсомолом и его деятельность в 1921—1925 гг. Л., 1972. С. 115.

¹¹⁹ Третья Всероссийская конференция РКСМ. Стеногр. отчет. М.: Л., 1929. С. 304.

что старые наименования кружков закреплялись за вновь созданными школами, что и послужило причиной двойных названий последних. Сама политическая проверка уже подготавливала более интенсивную идеологическую унификацию комсомольцев, столь широко обозначившуюся в следующем, 1924 г. Во-первых, этому способствовало то, что многие комсомольцы (возможно, даже для поддержания личного престижа, а не по идеологическим соображениям) стремились не попасть в группы низшей категории, в силу чего тщательно готовились к проверке, читали книги и журналы, посещали лекции и кружки. Таким образом, сама политпроверка своеобразно стимулировала политическое воспитание членов РКСМ. Во-вторых, политпроверка явилась не только формой оценки знания, но и, что очень важно, политической благонадежности молодежи. Она проводилась специальными проверочными тройками, состоявшими из партийных и комсомольских функционеров. Вопросы к испытуемым касались различных сторон общественной жизни страны. Требовалось знание историко-революционных событий, основных фактов истории РКП(б), вопросов политической экономики, но все это, естественно, предполагало выражение собственных оценочных суждений. Тем самым совершался и отсев уже немногих инакомыслящих, и усиливалась политическая мимикрия, неизбежно сужавшая оппозиционность рабочих, и, что происходило чаще всего, молодежь быстрее ориентировалась на ортодоксальные большевистские клише, уже без споров признавая их аксиоматичность. В-третьих, необходимо подчеркнуть, что политические диалоги предусматривались лишь обязательной программой, тогда как затрагиваемые вопросы иногда касались тех предметов, которые имели к политработе весьма малое отношение, в частности, различных элементов повседневного поведения. Таким образом, намечалось и конституировалось, претендуя на последующее расширение, политическое оформление бытовой жизни молодых рабочих.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тот политико-психологический материал, который использует историк при изучении данной темы, — это не собрание точных и бесспорных фактов, а конгломерат бессвязных и фрагментарных слухов и сообщений, достоверность, полноту и репрезентативность которых нужно определять в каждом конкретном случае. Мозаичность картины духовного мира человека в революции становится неизбежной, то, что было понятно современникам тех лет, историку кажется неотчетливым и противоречивым. Целостное описание политической психологии низов — это всегда реконструкция, сплавляющая в единое целое и реликты ушедшего времени и их позднейшие наслоения, и не лишенная даже элементов «вчувствования» в эпоху, обращения исследователя к собственному духовному опыту.

Политически активный рабочий — это человек, у которого зачастую бытовые поступки приобретали политическое обличье. О политической активности или апатии масс нужно говорить с особой осторожностью. Ее критерии не были отчетливыми, и информаторы выносили свой вердикт о политической ангажированности рабочих, не считаясь с тем, была ли в данном случае естественной и оправданной их политическая реакция или нет. Элементарность и быстроту перепадов политических настроений рабочих можно считать одним из проявлений политической апатии. Они возникали ввиду отсутствия у многих рабочих какой-либо целостной политической программы и, соответственно, идеологических основ политического поведения. Элементарность причин изменения политических взглядов рабочих определялась тем бытовым элементом, который стал решающим в формировании массовых социальных конфликтов. Изменить материальные условия жизни людей можно было легче и быстрее, чем уступить чисто политическим требованиям, но это во многом и обуславливало быстроту изменения политической позиции рабочих. Элементарность политико-психологических перемен — еще один индикатор того, насколько материальное в повседневной жизни преобладало над политическим. Однако необходимо отметить и то обстоятельство, что авторы сводок и отчетов, наблю-

дая быстроту политических перемен, могли по разным мотивам упрощать их подлинные причины. Тем самым политические коллизии в рабочей среде представлялись неантагонистическими и мало-значущими, а сами социальные споры — следствием временных неурядиц.

Движение политической мысли рабочих очень причудливо. Приоритет материального в жизни рабочих, диктовавшего их политические поступки, не означал того, что устремления фабрично-заводских низов были жестко определены лишь вопросами повседневного быта. Материальное зачастую служило лишь толчком, детонатором социального протеста, в котором воедино слились и раздражение бытовыми неурядицами, и требования «царства свободы», где не будет не только материальных, но и политических стеснений. Дискуссии о хлебе обычно предваряли дискуссии о политических свободах, но, возникнув по частному, вполне материальному поводу, политические споры имели собственный код развития, разветвлялись и нередко утрачивали чисто материальные аспекты.

Элементарность и быстроту изменения политических настроений рабочих, их политическую активность или апатию лишь в малой степени можно объяснить особенностями социальной стратификации рабочих в это время. Во многих случаях мы обнаруживаем единую позицию рабочих по тем или иным политическим вопросам вне зависимости от специфики их профессионального, полового и возрастного составов. Отмечая различие политических взглядов отдельных профессиональных и половозрастных групп, информаторы обычно не приводят конкретных и убедительных свидетельств в пользу этой точки зрения. Зачастую в их сообщениях смешиваются понятия культурного и политического уровней, причем априорно предполагается, что определенный уровень азбучной грамотности гарантирует грамотность политическую, а наличие профессиональной сплоченности является верным признаком репродуцирования большевистских идей в рабочей среде. Подчеркнем, однако, что антибольшевистские настроения прежде всего возникали не в тех группах, которым в значительной мере был присущ патриархальный быт и малый опыт профессионального общения (женщины и молодежь), а именно в передовых (и в политическом, и в культурно-бытовом отношениях) рабочих коллективах, для которых был характерен высокий уровень образования и рабочей идентичности.

Политические дискуссии в рабочей среде отличались следующими особенностями:

1) Рабочие порицали не столько сами политические и государственные институты как таковые, сколько лиц, их представлявших и нарушавших те общественные ритуалы, которые в значительной мере поощрялись и властными структурами (уравнение, классовая схема распределения товаров и услуг, рабочая демократия). Привив-

легии и льготы, получаемые чиновниками, являлись одной из важных причин усиления оппозиционных настроений рабочих. Вследствие принадлежности получателей льгот к политической элите эти настроения получали позднее политический оттенок.

2) Экономический протест рабочих в их коллективных документах, отчасти и не без влияния социалистов, нередко переводился в иной, политический регистр. Тем самым их позиции придавалось то политическое содержание, которое первоначально отсутствовало в рабочих откликах. Политические взгляды рабочих выражались с помощью клише и лексических штампов, позаимствованных из агитационно-пропагандистской литературы социалистической ориентации. Поэтому даже их оппозиционные настроения облекались в формулировки, близкие к большевизированному политическому языку и в какой-то мере имитировавшие большевистские постулаты, создавая иллюзию близости к ним.

3) Симпатии рабочих к социалистической оппозиции инициировались не столько тем, что рабочие одобряли программы эсеров и меньшевиков, сколько их неприятием правительственного курса. Сочувствие социалистам — одна из форм политической критики. Оно уменьшалось, поскольку те обстоятельства, которые диктовали необходимость критики, теряли свою общественную значимость. Можно также отметить, что близость рабочих требований и социалистических лозунгов еще не делала союзниками фабрично-заводские низы и политические партии. Рабочие зачастую ограничивались бытовыми и материальными переменами, в то время как социалисты стремились придать их выступлениям политическую направленность.

4) Политические взгляды рабочих высказывались не только прямо, но и опосредованно. Участие в забастовках и нападки на официальные профсоюзы, возникшие как следствие конфликтов в экономической сфере, имели и политический подтекст, будучи вызовом механике власти в Советской России. Ряд акций, косвенно выявлявших большевистские настроения рабочих — вступление в Компартию и Красную гвардию, поддержка рабочего контроля и национализации — нередко вызывались не политическими причинами, а побочными обстоятельствами, в которых отсутствовал политический элемент: стремлением к материальному достатку, попытками обеспечить устойчивый и надежный заработок, желанием повысить свой социальный статус.

Бытовая и культурная нетерпимость рабочих может быть, наряду с другими факторами, по праву оценена как причина их политической нетерпимости. Культурно-бытовые противоречия являлись лабораторией политических разломов, поскольку неприязнь к чужому стилю одежды, речи и поведения в силу ряда объективных условий того времени обретала политические контуры. Важнейшим компонентом формирования рабочего конформизма после революции

была и политизация повседневного быта. Происходила она не последовательно, но спиралеобразно, и в значительной мере являлась результатом сложной системы низового контроля, подавления и принуждения: одна лишь санкция верхов не способна была обеспечить устойчивость данному процессу. Политическое, будучи первоначально навязанным извне социальным группам, затем репродуцировалось, усложнялось и расширялось в них по специфическим «низовым» кодам: кто-то использовал идеологизированный язык в своекорыстных целях, кто-то удовлетворял свои потребности в праздничном действе через большевизированные манифестации, кто-то оценивал причисление к политической «элите» как средство изменения своего общественного статуса. Политический тоталитаризм едва бы смог существовать, если бы не включил и не использовал механизмы низовой поддержки. В этом — причина его прочности, сила его влияния и разгадка его долголетия.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВО РК	— Василеоостровский районный комитет
ВСРМ	— Всероссийский Союз рабочих металлистов
ВЦИК	— Всероссийский Центральный Исполнительный комитет
ВЦСПС	— Всероссийский Совет профессиональных Союзов
Губвоенкомат	— Губернский военный комиссариат
Губком	— Губернский комитет
ПВО	— Петроградский военный округ
ПГК	— Петроградский Губернский комитет
ПЕПО	— Петроградское единое потребительское общество
Петрокоммуна (Петрогубкоммуна)	— Петроградская коммуна
Петросовет	— Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов
ПСР	— Партия социалистов-революционеров (эсеров)
РК (Райком)	— Районный комитет
РКП(б)	— Российская коммунистическая партия (большевики)
РКСМ	— Российский Коммунистический Союз молодежи
РСДРП(б)	— Российская социал-демократическая рабочая партия (больше- виков)
РСДРП(м)	— Российская социал-демократическая рабочая партия (мень- шевики)
РСФСР	— Российская Советская Федеративная Социалистическая респуб- лика
СКСО	— Союз Коммун Северной области
Совнарком (СНК)	— Совет народных комиссаров
ЦК	— Центральный комитет
ЦГАИПД	— Центральный Государственный архив историко-политических документов
ЦГА СПб	— Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ФЗК	— Фабрично-заводской комитет
ЧК (ВЧК, ГубЧК)	— Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и сабо- тажем

Сергей Викторович Яров

ПРОЛЕТАРИЙ КАК ПОЛИТИК

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ РАБОЧИХ ПЕТРОГРАДА
В 1917—1923 гг.

*Утверждено к печати
С.-Петербургским филиалом
Института российской истории
Российской Академии наук*

Редактор издательства С. А. Батюто
Художник Е. А. Васильева
Технический редактор Н. Ф. Соколова
Корректор К. Д. Буланина

Издательство «Дмитрий Буланин»

ЛР № 061824 от 11.03.98 г.

Подписано к печати 15.09.99.

Формат 60×84^{1/16}. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Печ. л. 14. Уч.-изд. л. 15.

Тираж 600. Заказ № 479

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Заказы присылать по адресу:

«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»

119034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: bulanina@nevsky.net

